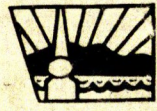

С 1981

У-49

ISSN · 0130 · 531X

УЛУГ. ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

19'82

1982

Улуг. Хем

Л И Т Е Р А Т У Р Н О -
И С Т О Р И Ч Е С К И Е
Д Е Я Т Е Л Ы

Нован
1946 году

В Н О М Е Р Е:

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

Салчак Тока. Тонгур-оол.
Михаил Пахомов. Память неугасима.
Монгуш Кенин-Лопсан. Небесное зеркало.
Валерий Сенчин. Любка —
Любовь Егоровна.

СТИХИ, ПОЭМЫ, БАЛЛАДЫ

*С. Сарыг-оол, Ю. Кюнзегеш, О. Су-
вакпит, Е. Таюва, А. Емельянов,
В. Сагаан-оол, М. Олчей-оол,
С. Козлова, В. Серен-оол.*

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

М. Эргеп, В. Нестеренко.

САТИРА И ЮМОР

В. Монгуш, В. Тимофеев.

ЯЗЫЛ

ТУВИНСКОЕ
НИЖНЕЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. К. ҚАЛЗАН, Д. С. КУУЛАР, С. В. КОЗЛОВА (редактор),
Ю. Ш. ҚҮНЗЕГЕШ (ответственный редактор), О. О. СУВАКПИТ,
С. С. СҮРҮҮН-ООЛ, Г. И. ПРИНЦЕВА, М. А. ХАДАХАНЭ,
Л. Б. ЧАДАМБА

0—7—3—3
0—7—3—4

121—170+03+M133

Г. Ч. Ш и р ш и н,

первый секретарь Тувинского обкома КПСС

ЖИЗНЬ С НАРОДОМ И ДЛЯ НАРОДА

Широкая общественность, все трудящиеся нашей республики отметили 80-летие со дня рождения видного партийного и государственного деятеля, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР, народного писателя Тувы Салчака Калбакхорековича Тока. Тувинский народ отдает дань глубокого уважения неутомимому борцу за его счастье, талантливому певцу его прекрасной судьбы.

Вся сознательная жизнь С. К. Тока неразрывно связана с революционной историей тувинского народа, с его беспрецедентным взлетом от кочевого феодализма к зрелому социализму, от исторической и этнической безвестности до полноправного члена великой интернациональной семьи советских народов. Его жизнь

целиком и до конца была отдана пробуждению и формированию социально-классового и национального самосознания родного народа, подлинному расцвету его материальных и духовных сил на социалистической основе.

Салчак Калбакхорекевич Тока родился 15 декабря 1901 года в семье арата-бедняка. Ровеснику века, ему довелось испытать на себе всю тяжесть жизни аратских масс в условиях феодально-го строя. Детские годы прошли «в берестяном чуме» — символе бедности и нищеты простого люда дореволюционной Тувы. О том отрезке своей жизни впоследствии С. К. Тока писал: «История моей прежней жизни невелика, но в этой короткой истории много горя и унижений».

Малоенисейский хошун,

как тогда назывался Каа-Хемский район, представлял собой один из тех уголков Центральной Тувы, где бок о бок с тувинскими аратами жили русские рабочие и крестьяне, и потому сюда прежде всего могли дойти и на самом деле доходили глубинные раскаты революционных событий в России. Юность С. К. Тока прошла на этой благодатной почве, и ему, в силу указанных обстоятельств, наиболее обнаженно выделились социальное неравенство, классовые противоречия и столкновения между богатыми и бедными как у русского, так и тувинского населения. Будучи от природы одаренным человеком, он уже в те предреволюционные годы хорошо усвоил, с кем и против кого ему идти на своем жизненном пути. А когда свет Великого Октября озарил его родной край, он с группой тувинских и русских батраков вступает в отряд малоенейских красных партизан. Вместе с ними в гуще революционных рабочих и крестьян, трудовых аратов С. К. Тока в 1921 году встречает победу Народной революции в Туве.

Народно - революционной партии, призванной возглавить борьбу аратских масс за новую жизнь, за ее революционно - демократическое, социалистическое пере-

устройство, нужны были подготовленные в идейно-теоретическом отношении кадры. С. К. Тока в числе первых десяти тувинцев в 1925 году направляется на учебу в Советский Союз — в Коммунистический университет трудящихся Востока. «Мы начали изучать марксизм-ленинизм и теперь на все окружающее смотрели совсем другими глазами», — писал С. К. Тока о начальном периоде учебы в Москве.

Годы упорной учебы дали ему основательную, на всю жизнь, идейно-теоретическую подготовку и сыграли решающую роль в его формировании и становлении как политического деятеля. В КУТВе, как впоследствии описывал С. К. Тока, в его судьбе приняли участие большевики, много лет работавшие под руководством В. И. Ленина, неоднократно видевшие и слышавшие вождя. Они передавали студентам атмосферу ленинского подхода к общественным явлениям, ленинского общения, ленинской работы. Следует особо отметить значение для жизни и деятельности С. К. Тока вступление его в ряды ВКП(б).

В 1929 году по окончании учебы С. К. Тока возвратился в родную Туву и сразу окунулся в кипучую политическую, организатор-

скую и идейно-воспитательную работу в Центральном Комитете Тувинской народно-революционной партии и правительстве народного государства. С тех пор и до последних дней своей жизни С. К. Тока отдавал для счастья народа все свои силы, знания и богатый опыт. Вначале он стал вторым секретарем ЦК ТНРП, исполняя одновременно обязанности министра культуры ТНР, с 1932 года по 1944 год он был Генеральным секретарем ЦК ТНРП, а затем бессменно занимал ответственный пост первого секретаря Тувинского областного комитета КПСС.

С именем и плодотворной деятельностью С. К. Тока связаны все главные прогрессивные преобразования в Тувинской Народной Республике. Он внес большой вклад в осуществление генеральной линии ТНРП по переходу Тувы к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Под руководством ТНРП при активном участии С. К. Тока аратские массы поднялись на созидательный труд, осуществили важные социально-экономические преобразования в условиях постоянно укрепляющегося народно-демократического строя. Была ликвидирована политическая и экономическая система феодализма,

формировался социалистический уклад в экономике, утверждалась социалистическая идеология в духовной жизни народа. ТНРП проводила большую работу по интернациональному воспитанию трудящихся, укреплению братской дружбы тувинского народа с русским и другими народами СССР. Огромна заслуга С. К. Тока в создании в начале 30-х годов при помощи советских ученых тувинской письменности, положившей начало широкому разрыванию культурной революции в Туве.

Развитие страны по некапиталистическому пути к социализму обеспечивалось под руководством ТНРП. В укреплении руководящей роли ТНРП, в ее идейно-организационном становлении на принципах марксизма-ленинизма огромное значение имели идейное влияние и практическая помощь Коминтерна и ВКП(б). Трудно переоценить значение личных встреч С. К. Тока со многими выдающимися деятелями партии большевиков, международного коммунистического движения. Он встречался с Г. Димитровым, П. Тольятти, В. Пинком, О. В. Куусиненом, К. Готвальдом, Д. Ибаррури, Ван Минном, Д. З. Мануильским, Н. К. Крупской, Е. Д. Стасовой и другими.

С. К. Тока участвовал в 1935 году в работе VII конгресса Коминтерна, на котором ТНРП была принята в ряды Коммунистического Интернационала на правах сочувствующей секции, что оказало большое влияние на усиление ее руководящей роли.

Велика личная заслуга С. К. Тока в добровольном вхождении тувинского народа в братскую семью советских народов. С законной гордостью он отмечал в юбилейной анкете еженедельника «Неделя»: «Я не мыслю своей судьбы вне судьбы своего народа, и, конечно, самый памятный эпизод связан с тем историческим днем, когда в буквальном смысле слова и моя судьба и судьба тувинского народа навеки слилась с судьбой народов Советского Союза. Это было 11 октября 1944 года.

Добровольное вступление Тувы в состав СССР было закономерным итогом предшествующего прогрессивного развития тувинского общества. К 1944 году были созданы объективные внутренние условия для этого исторического события.

Наряду с социально-экономическими и политическими предпосылками решающим фактором вхождения Тувы в состав СССР были социалистические взгляды,

интернационализм тувинского народа, его дружба с советским народом. Эта дружба еще более укрепилась в тяжелые годы Великой Отечественной войны. По всей Туве было широко развернуто движение трудящихся по оказанию помощи Красной Армии. Организаторами этой патриотической работы были ЦК ТНРП, лично С. К. Тока. Он неоднократно выезжал в действующую армию в качестве руководителя делегаций трудящихся Тувы, встречался с советскими воинами, рабочими и колхозниками Советской страны, вдохновлял тувинских добровольцев на боевые подвиги.

В годы осуществления глубоких социально-экономических и культурных преобразований в Туве, после ее вступления в состав СССР еще более раскрылся организаторский талант С. К. Тока. Он умело возглавлял областную партийную организацию, руководил многогранной работой обкома партии, всего партийного актива, неуклонно проводил в жизнь ленинскую национальную политику КПСС. Во все свершения трудящихся Тувы в советский период вложен большой неутомимый труд С. К. Тока, этому отданы горячее сердце патриота-интернационалиста, его высокая це-

леустремленность. Областная партийная организация успешно решила многие сложные социально-экономические и культурные задачи. Это — завершение кооперирования аратских хозяйств, создание колхозов и совхозов, перевод аратов-кочевников на оседлость, социалистическое переустройство их социально-бытовой жизни, строительство жилья, школ, клубов, других объектов на селе. Это — строительство и создание предприятий промышленности и транспорта, электрификация и радиофикация населенных пунктов. Это — ликвидация неграмотности и малограмотности населения, осуществление начального, а затем семилетнего всеобщего, развитие культуры и здравоохранения, подготовка кадров для народного хозяйства, многое и многое другое. Все эти задачи осуществлялись под непосредственным руководством обкома КПСС, его первого секретаря С. К. Тока. В решении узловых проблем развития Тувы огромную помощь оказывали ЦК КПСС и Советское правительство, ими было принято много важных документов, касающихся подъема ее экономики и культуры, повышения жизненного уровня трудящихся.

Отличительной чертой С. К. Тока была его глубо-

кая связь с массами. К нему тянулись люди самых различных профессий, разного возраста. С особым уважением он относился к рядовым труженикам, неизменно вникал в их жизнь и заботы, оказывал помощь и поддержку добрым словом. С. К. Тока обладал замечательным даром спланировать людей, умел организовывать их слаженный труд. В его работе с кадрами сочетались высокая требовательность, партийная принципиальность и деловитость с глубокой верой в их творческие возможности.

Вся яркая жизнь С. К. Тока неразрывно связана с родной Коммунистической партией. Он высоко ценил доверие партии и народа, отдавал весь жар своей души, кипучую энергию беззаветному служению их делу. С. К. Тока был делегатом XIX, XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV съездов КПСС, избирался кандидатом в члены ЦК КПСС, а на XXIV съезде партии — членом Центрального Комитета КПСС. Он являлся депутатом Верховного Совета СССР второго—восьмого созывов, депутатом областного, а затем Верховного Совета Тувинской АССР.

Свою партийную, государственную и общественную деятельность С. К. Тока успешно сочетал с лите-

ратурным творчеством. Он был зачинателем тувинской литературы. Природный талант, дар видеть мир и человеческие деяния взором художника, помноженные на огромный жизненный и партийный опыт, породили замечательного писателя, автора художественных произведений о подлинном возрождении тувинского народа, произведений, проникнутых пафосом народного созидания и духовного его обновления, идеями социалистического интернационализма и советского патристизма.

Главное место в литературном творчестве писателя по праву занимает трилогия «Слово арата», названная литературными критиками «летописью жизни всего народа в самый значительный период его истории». Первая книга трилогии была удостоена Государственной премии Союза ССР в 1951 году и переведена на многие языки народов Советского Союза и зарубежных стран. По единодушному признанию литературоведов «Слово арата» знаменует собой рождение жанра романа в тувинской литературе. В нем аккумулирован весь художественный опыт тувинского народа, отражены наиболее

знаменательные вехи его новейшей истории.

Со страниц произведений С. К. Тока мы видим его как художника, умело распоряжающегося изобразительными средствами, как писателя-деятеля, строго придерживающегося диалектики развития событий, точности их художественного анализа, закономерностей реалистического творчества, как человека удивительной цельности и целеустремленности.

Творчество С. К. Тока представляет собой материал для дальнейшей разработки отдельных аспектов теории социалистического реализма, для понимания закономерностей становления литературы и искусства младописьменных народов.

Следует сказать и еще об одной грани замечательного и разностороннего таланта С. К. Тока. Наряду с ежедневной насыщенной партийно-политической деятельностью и плодотворным писательским трудом он внес большой вклад в развитие научно-исследовательского дела в республике. Сам он написал немало работ, относящихся к научно-теоретической области. Могучее, решающее воздействие Великого Октября на коренной поворот в исторической судьбе тувинского народа,

история Тувинской народно-революционной партии, прогрессивное значение дореволюционных русско-тувинских связей, проблемы развития производительных сил и культурного строительства в Туве, вопросы интернационального воспитания трудящихся и дальнейшего укрепления братской дружбы тувинского народа с другими советскими народами — таков далеко не полный перечень тематики исследовательских работ С. К. Тока, в которых сделаны важные выводы и обобщения, имеющие актуальное значение. Под его редакцией, при активном участии вышел капитальный труд — двухтомная «История Тувы».

Генерал-лейтенант С. К. Тока много внимания уделял вопросам воспитания советских людей в духе политической бдительности, преданности социалистической Отчизне, он принимал активное участие в проведении военно-патриотических мероприятий среди трудящихся, молодежи.

Жизнь и деятельность С. К. Тока была с народом и для народа. Заботой о счастье народа, его благополучии и процветании была проникнута его многогранная партийно-государственная, литературно-творческая деятельность.

Удивительная человечность, простота и доступность снижали ему подлинную народную любовь. Выражением всенародного признания его заслуг являются присвоение ему высокого звания Героя Социалистического Труда, награждение семью орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденами и медалями Тувинской Народной Республики и Монголии.

Большая и яркая жизнь Салчака Калбакхорекевича Тока — славного сына Коммунистической партии — является примером беззаветного служения делу партии и народа.

Трудящиеся нашей республики, отмечая 80-летие со дня рождения своего замечательного земляка, известного советского писателя, партийного и государственного деятеля, хорошо помнят и знают, сколько кипучей энергии, плодотворного труда и душевных порывов он вложил в революционное пробуждение трудовых аратов, их движение за новую социалистическую жизнь, в развитие экономики и культуры Советской Тувы. Труженники Тувинской АССР хорошо знают, что все, что делается ими сейчас, является самым осуществлением

дерзновенной мечты славного сына тувинской советской земли во имя великих идеалов коммунизма.

Коммунисты, комсомольцы, все трудящиеся республики самоотверженно трудятся над осуществлением решений XXVI съезда партии, ноябрьского (1981 г.) Пленума ЦК КПСС, задач, определенных в речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета

СССР товарища Л. И. Брежнева на этом Пленуме, планов новой пятилетки. В трудовых коллективах, среди трудящихся все шире разворачивается социалистическое соревнование за достойную встречу великого праздника многонационального советского народа — 60-летия образования СССР, чьим достойным гражданином, преданным сыном был Салчак Калбакхорекевич Тока.

Мария Хадаханэ

САЛЧАК ТОКА

К 80-летию со дня рождения

Он шел ранним утром, не спеша, на работу, останавливался по дороге поговорить и поздороваться с людьми: пожилыми сверстниками, молодежью, детьми... Шутил, расспрашивал, с ходу вмешивался в течение жизни. Пожелания и советы его были точны и кратки.

Этот ладно скроенный человек с мудрым, чуть лукавым прищуром глаз обладал большой динамичностью, присущей нашему веку, ровесником которого он был. За долгую жизнь свою он стал свидетелем и участником трех войн и двух революций; из глухих снегов великого безмолвия тувинской котловины он услышал раскаты мировой истории. Его большое мудрое сердце вме-

стило в себя пыл и страсть общественного деятеля, мечтавшего увидеть свой малый народ счастливым и каждый день трудившегося во благо его. Четыре десятилетия он отдал и литературной работе: писал чаще всего по ночам и в дни отдыха. Автобиографическая книга его «Слово арата» пестовалась ученым-тюркологом А. А. Пальмбахом (позже он стал и первым ее переводчиком), поэтом Степаном Щипачевым, первым полпредом советской литературы в Туве в дни войны (позже он напишет: «Тебе вот эту дружескую руку я над материками протяну»). Книга родилась нелегко, в течение двух десятилетий, в муках и сомнениях литературного новобранца,

во времени, украденном от сна, наощупь, по первотропью много-трудного жанра.

«Слово арата» дружно заметила критика, добрые отзывы о нем дали и писатели, и читатели. Об этом произведении, за которое автор был удостоен Государственной премии СССР, написано много. Не будем повторяться. Скажем хотя бы коротко о других гранях литературного дара Салчак Калбакхорекевича Тока. Он был первооткрывателем тувинской документальной прозы, до конца жизни не прекращал работы над документальными повестями («Сын народа» — о Герое Советского Союза Хомушку Чургуй-ооле; «Чего отец не видел — сын увидит» — об одном из первых тувинцев-рабочих Туменхоо; «Мать-героиня — герой труда» — о чабанке Уруле Кандан; «Хайыраканцы», в русском переводе — «Наследники богатых», — о людях тувинского села), рассказами, очерками. Глубокое знание автором жизни способствовало художественно-публицистическому освоению материала действительности.

Салчак Тока был и среди первых тувинских драматургов, на заре национального театра Тувы дал ему образцы всех жанров, от драмы до клоунады. Две из его пьес — «Тонгур-оол» и «Осуществленная мечта» — по несколько раз ставились на сцене театра, шли всегда с успехом. Одну из этих пьес, пожалуй, наиболее любимую зрителем, — «Тонгур-оол» — мы представляем вниманию читателей нашего альманаха. Перевод пьесы на русский язык осуществила актриса Марьям Рамазанова.

В преодолении заблуждений и ошибок идет становление коммуниста Тонгур-оола. В самом этом образе, в авторском юморе замечен почти неуловимый отсвет шолоховской «Поднятой целины». Пьеса создана на жизненном материале Тувы 30-х годов. Но и сегодня она интересна зрителю и читателю не только как факт истории и литературы, многое в ней остается актуальным.

Творческую жизнь Салчак Тока продолжают его книги.

Повести, рассказы, пьесы

Салчак Тока

ТОНГУР-ООЛ

(Пьеса в трех актах)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тонгур-оол — председатель партячейки
Севи́льба — ревсомолка
Бедик-Кара — председатель арбана
Чонук — добрый, мудрый старик, 60 лет
Ойнароол — молодой арат
Тевек-оол — председатель сумона
Чедендей — член партии
Чыргалбай — член партии
Чочай — жена Бедик-Кары
Бичиилек — 7—9 лет, пионерка
Дакпалдай — член парткомиссии
Сандак — бывший феодал
Семис-Лама — руководитель контрреволюционной группы
Калбак-Кадай — жена Сандака
Сержинмаа — дочь Сандака

(В массовых сценах заняты 7—8 человек.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Юрта, в которой размещается партячейка. Чонук и Ойнароол играют на чадагане и поют:

В аал вернулся снова я.
Долго странствовал по свету.
Люди добрые, скажите,
где любимая моя?

Севи́льба и Бедик-Кара, продолжая спор, входят.

Се в и л ь б а. Сколько можно болтать! Благо, язык без костей...

О й н а р-о о л (*перебивая*). Севильба разгонит дремоту Бедик-Каре. Она его живо проучит.

Се в и л ь б а. Только и слышишь: решили то, решили се, а толку ни на грош, ни на копейку. Это похоже на хроническую болезнь. Между прочим, товарищ Тонгур-оол тоже говорил, что ты любишь только обещать.

Бе д и к-К а р а. За всех бездельников я не обязан отдуваться. Кто-то не выполнил решения, а я тут при чем? Привыкли всё на меня сваливать.

Се в и л ь б а. Дыма без огня не бывает.

Бе д и к-К а р а. Ты думаешь, легко ворочать делами арбана? Это тебе не чай распивать да судачить с соседучками. В одной юрте за детьми, если их куча целая, трудно уследить. А народом руководить — это вопрос очень сложный.

Се в и л ь б а. Руководить, руководить... Это, конечно, не руками водить...

Ч о н у к (*поет*). Не шумите, не бурлите.
будто в чаше кипятка.
Лучше толком разберитесь.
сев по-дружески в кружок.

Се в и л ь б а. Ха-ха-ха!

Бе д и к-К а р а (*тоже улыбнувшись*). Здорово, старик! И ты здесь? С чем пришел?

Ч о н у к. Здравствуйте, дарга! А пришел я сюда с Тонгур-оолом поговорить. Ваш приход очень кстати, дарга.

О й н а р-о о л. Севиль-угбай, я хотел давно вас спросить...

Се в и л ь б а. О чем?

О й н а р-о о л. Как вы думаете, можно мою сестренку засать в кружок по обучению грамоте?

Се в и л ь б а. Давно пора. А ты только тем и занимаешься, что на своем гнедке полкаешь. Ты думаешь, это очень похвально?

О й н а р-о о л. Ыы-ыы! Как же не похвально, Севильба-угбай, когда верховая езда — та же военная учеба?

Ч о н у к. На военной службе все по порядку делается. А от твоей скачки пользы, как от козла молока. Вместе с потником кожа с конской спины отваливается только. Чем беспрестанно скакать на конях, лучше бы делом занялись да помогли людям. А у некоторых из вас только баловство да игры на уме. Правильно говорит тебе Севиль.

Бедик-Кара. Эти скачки к добру не приведут.

Севиляба. Как народ в арбане готовится к севу, дарга?

Бедик-Кара. В общем-то вроде ничего. А вот такие старики, как Медээ-Хунду и Чортар, никаких резонов не признают. И указаниям арбана не желают подчиняться. Спрашиваю Медээ-Хунду, готов ли у него плуг. А он: «Даст бог, и без хлеба перебыюсь. Нечего меня неволить»,— и издевательски запел: «Я свободный арат». Чортар, так тот заявил: «От рождения за плуг не вставал и не собираюсь. Работу дураки любят. За меня посеют и пожнут, а я осенью достану себе хлеба».

Чонук. Видишь, как они поют. Вот уж истинно у змеи пестрота снаружи, а у человека внутри. Они старое житие свое не могут забыть, когда другие на них спины гнули. За такими глаз да глаз нужен. Пусть не забывают, что времена их кончились. Охо-хо! (*Снял шапку.*) Вот эта седая голова много на своем веку видела, они по ней, как по земле, ходили. (*В сердцах взял чадаган и начал играть.*)

Севиляба. Мы в своем арбане от таких избавились. Перевели их в сумон.

Тонгур-оол (*входя*). Здравствуйте, товарищи! Чем вы здесь занимаетесь, над чем колдуете?

Все. Здравствуйте, дарга!

Бедик-Кара. О делах толкуем. А дарга откуда?

Тонгур-оол. В командировке был по проверке подготовки сева в верхнем тожземе.

Чонук. Ну и как?

Тонгур-оол. Члены тожзема решили нынче хороший урожай вырастить. Канаву будут копать из Ооруга для мочагов в верхней и нижней степях Череннига. Там только одна загвоздка есть. Предстоит скалу в 200 аршин пробить. Тогда все как по маслу пойдет.

Чонук. Поок! На большое дело люди решились! А земля-то там, как пух. Смотришь, бывало, на эти степи, и запах хлеба ноздри щекочет! А ведь до революции у нас даже железных плугов не было, не то что тракторов или жаток. Что бы мы делали без помощи СССР? Он, как старший брат, во всем-то нас поддерживает.

Ойнар-оол. Дед через край хватил, говоря, что уж и плуга не было. Насчет трактора и жатки верно.

Чонук. Если б учился, парень, в школе, то не стал бы возражать старому человеку. Ты, кроме скачек своих, ничего не видишь. Запомни, парень, трудно было бы Тувинской На-

родной Республике без Союза Советских Социалистических Республик.

Ойнар-оол. Уж будто так и есть...

Тонгур-оол. Именно так, как говорит наш мудрый Чонук. А ты слушай да мотай себе на ус. Как Улуг-Хем не может течь без двух берегов, так и нам не прожить без дружеской руки СССР.

Чонук. Если возьмемся мы, как один человек, за дело, то пить и есть нам будет что, да еще и в закромах останется. И сосед наш великий поможет во всем.

Севильба. Товарищ Бедик, имей в виду, что твой арбан может подвести, плетется в хвосте. *(Тонгур-оолу.)* Медээ-Хунду и Чортар нашему дарге Бедик у не подчиняются, бездельничают...

Тонгур-оол *(Бедик-Каре)*. Что у вас там, дарга, расскажите-ка? И о вас не очень лестные разговоры идут. Что случилось?

Бедик-Кара. Ничего особенного. К севу готовимся. Правда, не все подчиняются руководству арбана. Вот я и пришел посоветоваться с вами. Воевать, конечно, с некоторыми членами тожзема приходится крепко. Наше дело такое.

Тонгур-оол. Неблагополучно у вас там. У передового животновода Дарган-оола все коровы сдохли. Он у нас на хорошем счету, мы премировали его. И в школе работа завалена. В чем дело? До сих пор не расследовали, кто поджог тожземовский скотный двор. Вашим распоряжениям не подчиняются. Так не пойдет.

Бедик-Кара. Недостатки, конечно, у нас имеются, дарга. Не без этого. Почему пали дарганооловские коровы, ума не приложу. Они были здоровехоньки. Следствие еще не закончилось.

Тонгур-оол. У вас в арбанае некоторые члены партии работают из рук вон. И партвзносы вовремя не вносят. А с такими, как Медээ и Чортар, ухо надо держать востро. У Чонука спросите о них.

Бедик-Кара. Мы говорили тут...

Тонгур-оол. Если на них не подействует убеждение, надо более строгие меры принять. А то они сядут на шею и ножки свесят. Чтобы бороться с темными силами, надо энергично действовать, дарга...

Чонук. Палец в рот таким не клади. Живо оттяпают. *(Тихонько наигрывает на чадагане).*

Бедик-Кара. Это, конечно, все так. Вот я и приезжал

к вам посоветоваться. Еще лучше было бы, дарга, если б вы сами в арбан заглянули. А мне пора. *(Бедик-Кара уходит)*.

Тонгур-оол. Потолкуем обо всем как следует.

Ойнар-оол. Дарга, я к вам по делу.

Тонгур-оол. Выкладывай.

Ойнар-оол. Хочу податься в район, денегат подзаработать, да мать не пускает. Велела с вами посоветоваться.

Тонгур-оол. Ишь ты! Подзаработать захотел? Денешки на полу не валяются. Они, паренек, потом добываются. А ты сколько раз за длинным рублем ездил, а домой привозил одни долги, мать не успевала расхлебываться за тебя. В прошлую осень на золотых приисках побывал. И тоже — ни себе, ни государству. Снова долги привез, да еще украдкой, не уволившись, уехал отсюда.

Ойнар-оол. С этим долгом я уже расплатился, дарга.

Тонгур-оол. Вот и хорошо. Что ж я могу посоветовать? И дома работы найдется по горло, было бы желание. Мать после революции стала зажиточной скотоводкой. И одной ей, старой, управляться со скотом сейчас трудно. Чем лежать, лучше помогай ей. Государству будет польза, и тебе доход. Ты ведь грамотный парень. Научи сверстников своих читать и писать. Вступай в ревсомол. Сестренку свою обучи грамоте.

Севиляба. Вот видишь, я то же самое ему говорила. Примись за дело, Ойнар-оол!

Ойнар-оол. Спасибо за совет, дарга. И в ревсомол я вступаю. *(Уходит)*.

Тонгур-оол. Не могу налюбоваться на Чонук. Хоть стар он, а песня у него молодая. Играет и поет — заслушаться можно! Дар свой, Чонук, передай молодежи, а то ведь он вместе с тобой в сырую землю уйдет. Эх, если б было тебе сейчас пятнадцать лет!

Чонук. Это я-то старик! Ну, нет, шалишь, родной. Только сейчас я вступил в пору своей молодости. Я еще в самом соку!

Тонгур-оол. Ха-ха-ха!

Чонук *(к Тонгур-оолу)*.

Чадаган мой сладкозвучный
у тебя не будет петь.
На коне моем ретивом,
знай, тебе не усидеть.

Стоит мне запеть, как бабенки гужом бегут ко мне. То-то же! Ха-ха-ха!

Се в и л ь б а. Ха-ха-ха! Дедушка Чонук! Нет ему равных среди нас! И не зря к нему молодежь тянется, как к свету. Если долго он не появляется среди ребят и девчат, то они тоскуют о нем.

Т о н г у р - о о л. Очень хорошо. От имени партячейки прошу вас, не оставляйте нашу молодежь, учите, передавайте песни свои.

Ч о н у к. С удовольствием, только обеспечьте мне их сбор.

Б е д и к - К а р а (открыл дверь юрты). Дед Чонук! Поехали, что ли?

Ч о н у к. Оой, иду, иду... Приезжайте, дарга, в наш арбан, надо насчет коров, что подошли... (Уходит).

Долго странствовал по свету.
В аал вернулся снова я.
Люди добрые, скажите,
где любимая моя?

Т о н г у р - о о л. Удивительный старик, этот Чонук! Он какой-то ясный, будто весь из песен состоит. Се в и л ь б а, постарайся внушить молодежи уважение к этому человеку. И пусть она учится у Чонука задушевности.

Се в и л ь б а. Необыкновенный старик. Замечательный! Сколько энергии в нем и веселья! Некоторым парням далеко до него. Как только заиграет на своем чадагане да запоет, я влюбляюсь в него.

Т о н г у р - о о л (с усмешкой). «Влюбляюсь в него...»

Се в и л ь б а. Больше отца родного люблю его.

Т о н г у р - о о л (серьезно). Как дела с учебой, Се в и л ь б а? План готов? К занятиям уже приступили?

Се в и л ь б а. Да, запланировала. Будем собираться два раза в месяц. На первом занятии — родной язык, я буду учить, на втором — текущая политика, которое проведет учитель Томур-оол, а может, кто другой. В списке 27 человек, из них 5 неграмотных. В том числе вы, дарга. Как вы на это смотрите?

Т о н г у р - о о л. Паах! Я уж не совсем неграмотный... Знаю немало букв... Расписываюсь запросто... ыы-ыы...

Се в и л ь б а. Неприглядно получается, но это же так... Вот прочтите, дарга. (Смеется, подает Тонгур-оолу книгу).

Т о н г у р - о о л. Эх, хупура. Не смогу, пожалуй. Постой, постой... Ты... Ви... а вот эта буква с животиком, кажется, «а»...

Се в и л ь б а. Ай-ай-ай, дарга, нехорошо! От вас опять

пахнет аракой. Где вы успели выпить? Критиковать можно, дарга?

Тонгур-оол. Помолчи лучше, Севиль. Ну, выпил и выпил... А первач выгоняется из хойтпака. Давай, сестренка, прочитаем: а... ы... н... правильно?

Севильба. Теперь вместе сложите буквы. «Тувинский, тувинский, тувинский». Давайте вместе. Трудновато, а? Я же говорила, что вы умеете...

Тонгур-оол (*с большим трудом читает*). У аратов жизнь счастливая... Прочитал, башкы, прочитал, Севиль!

Севильба. Это, конечно, лучше, чем ничего, дарга.

Тонгур-оол. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь. И правду надо в глаза говорить. План хорош. Ну, а как со мной? Прошу учительницу помочь мне в учебе.

Севильба. Если постараетесь, дарга, я вас быстро выучу. Все решительно зависит от вас самого.

Тонгур-оол. Конечно, буду стараться. Теперь я с тобой не расстанусь, Севиль. Выучи меня. Трудно мне. Ведь без грамоты, как без языка.

Севильба. Я удивляюсь, как вы умудряетесь с такой работой справляться, не умея даже писать. А если бы были грамотны, то еще лучше спорилась бы ваша работа. Вам приходится все в памяти держать. Я бы не смогла... Знаю, нелегко вам.

Тонгур-оол. Грамоту я одолею. А ты учи меня как следует, Севиль... Потом хорошо работать... (*Мечтательно*.) Вместе будем новую жизнь строить.

Севильба. Верно, дарга. Желание и труд все перетрут. Я давно собиралась предложить вам учиться грамоте, но стеснялась,—вы же дарга.

Тонгур-оол. Жаль, что не предложила. Но лучше поздно, чем никогда. Я тоже дурака сваял, хотя у меня были намерения просить тебя об этом. Теперь вопрос решен.

Севильба. Ничего. Наверстаем. Все будет хорошо. Верьте моему слову. (*Уходит. В юрту входят Сандак с дочерью*).

Сандак. Благоздравствуйте!

Тонгур-оол (*удивлен их появлением, официальным тоном*). Экии. Откуда вы? Что вас привело сюда?

Сандак. Из своего аала. (*Вытаскивает из-за пазухи бумагу и подает ее Тонгур-оолу*.) За то, что был я знатен в свое время, меня лишили всех прав. Теперь в хошуне мне выдали справку, в которой значится, что я восстановлен и имею право голоса. Так что учитите, дарга.

Тонгур-оол. А-а, восстановили, говорите? (*Повеселел.*) Ну что же? Постарайтесь оправдать доверие. Трудитесь. У вас и скот имеется, и сами вы еще не очень стары.

Сандак. Все силы приложу, дарга. Похлебал я мурцовки, хватит, теперь снова себя человеком чувствую. Но я ни на кого не в обиде. Кто старое помянет, тому глаз вон. Мне новая власть доверила, несмотря на мое прошлое, и я из кожи вылезу, чтоб заслужить доверие.

Тонгур-оол. Не словами, а делом докажите.

Сандак. Золотые слова. Вы еще посмотрите, на что я способен.

Тонгур-оол. Если человек признал свою вину и лицом повернулся к новой жизни, ему везде будет вера и поддержка. В вашем сумоне до сих пор школа не выстроена. Школьный инвентарь, пособия под открытым небом лежат. Нам помогает Союз, а мы сами не можем эту помощь в полную меру использовать. Недостатков у нас еще через край.

Сандак. Самолично четыре бревна привез на стройку школы, дарга. Бесплатно быка отдаю сумону для приобретения школьного инвентаря.

Сержинмаа. Какого это быка ты хочешь отдать, отец?

Тонгур-оол (*с улыбкой*). А вам жалко его?

Сержинмаа. Что вы, дарга! Как можно? Напротив, я очень рада.

Сандак. О-о, она гораздо умнее меня. Дочка моя выучила меня писать. Она первая надоумила меня школе помочь.

Тонгур-оол. Я пошутил, не сердитесь на меня. А писать и читать, раз вы грамотная, учите и других.

Сандак. Справочка моя у вас останется, или вы ее вернете мне, дарга?

Тонгур-оол. Я ее передам сумонному дарге. Пусть там хранится.

Сандак. Там так там. Сумонному дарге вы уж сами все расскажите. А быка я приведу, да и сам зайду еще. (*Уходит*).

Тонгур-оол. Ладно.

Сержинмаа. У меня к дарге есть небольшая просьба. Можно?

Тонгур-оол. Конечно. Я слушаю вас.

Сержинмаа. Из-за отца меня не принимали в ревсомол. А я в душе истинная аратка и хочу состоять в ревсомоле. Но ваша помощь нужна. Я как-то читала в газете, что члены партии не должны отказывать в поддержке и помощи

аратам, желающим вступить в партию и ревсомол. Прикрепите к нам одного члена партии, чтоб он помог в повышении политического уровня. С этим я и пришла к дарге.

Тонгур-оол. Это так, но лично я не имею свободного времени. А такого человека можно найти.

Сержинмаа. Я буду очень, очень признательна вам. Если можно, то, пожалуйста, вы сами помогайте нам расти. Тем более, живем мы недалеко от вас. А когда я стану ревсомолкой, я за все расплачусь... О, любое задание ваше выполню, что бы вы только ни захотели, дарга...

Тонгур-оол. Ха-ха-ха! Шустрая девушка. Мне ничего от вас не надо. Ладно, помогу. Идите, готовьтесь, читайте устав ревсомола.

Сержинмаа. Благодарю вас! Когда к нам приедете, дарга?

Тонгур-оол. Как выберу свободное время.

Сержинмаа. Я так долго мучилась, а сейчас словно гора с плеч. Мне легко и радостно, дарга! (*Уходит*).

Тонгур-оол. Бы... (*Смотря вслед Сержинме, напевает.*) Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля. (*Внезапно умолкает и задумывается*).

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Тонгур-оол сидит в юрте, которая предназначена для его служебных дел.

Тонгур-оол. Опять хошком партии требует сводки: о ходе весеннего сева, поголовье скота, революционной бдительности, партийной работе... Где взять? За два месяца работа не сдвинулась с места. Кое-какие цифры можно написать. (*Роется в бумагах, но не находит нужное и начинает брать цифры «с потолка»*). В прошлом году было 20 тысяч голов, а нынче 25 тысяч сделаем. В текущем году решили засеять 250 га, скажем, что уже больше половины засеяно, а грамотность, пожалуй, до 90 процентов дошла. Ну а с революционной бдительностью у нас порядок. Комар носа не подточит. Откуда сейчас возьмутся враги? Народ у нас сознательный... Допустим, члены партии имеют стопроцентную грамотность... Стоп, а я? Два месяца прошло, как слово дал Севильбе, что научусь писать, но ни разу не взял букварь в руки. Ох, как трудно жить и работать холостяку. Нет порядка в жизни, да и зарплата мизерная. Прав, прав Сандак. Он говорит: «В городе большие жалования получают, вам почему-то мало пла-

тят. Надо жениться. Семью заиметь, скотом обзавестись, и деньги в карман потекут». Советует. Старик-то прав. Стоит и мне задуматься над этим вопросом. Вот уже три года тяну лямку на посту председателя ячейки. Скорей бы перевыборы. Тогда бы я занялся личной жизнью. Сержинмаа... красивая... Согласится ли? С норовом она. Условия свои диктовать начнет. Ээ! Мой авторитет в сумоне большой. И слава обо мне гремит. Не зря уважает меня Сандак. Вижу, старик не прочь со мной породниться. Он явно хочет, чтобы мы с Сержинмой сошлись и зажили своим домом. *(Входит Бичилик и подает ему бумагу.)* Заявление? *(Та молча кивает головой.)*

Тонгур-оол *(повертев бумагу, сует обратно)*. Прочитай-ка, у меня что-то с глазами. Буквы расплываются.

Бичилик *(читает)*. «Жди меня. Скоро приеду к тебе. Хочу, чтоб нам никто не мешал. Будь счастлив, дружочек мой Тонгурчик. К сему Сержинмаа». *(Приснула.)* Тонгур-оол акый, это письмо вам.

Тонгур-оол. Сержинмаа! Читай еще раз! *(Бичилик читает)*. На, бери! *(Сует ей в руки большой кусок сахара.)* Это тебе от меня, уруум, за письмо. Теперь беги. *(Бичилик уходит. Тонгур-оол наливает из когээра себе араку, пьет, улыбается своим мыслям и поет).*

На коняге захудалом
речку мне не перецельть.
Приглянулась дочь Сандака,
как мне сердце ей открыть?

Без уздечки иноходиа
не смогу я удержать.
Сержинме красноречивой
что при встрече мне сказать?

(Выходит из юрты, всматривается в даль, снова заходит.) Когда же она, наконец, придет? Сердце в грудь стучит, как молот по наковальне. Пропущу еще одну для смелости. *(Наливает араку, выпивает.)* И распелся я неспроста. *(Слышен стук копыт. Тонгур-оол готовится встретить Сержинму. Но входит Бедик-Кара.)*

Бедик-Кара. Экии!

Тонгур-оол *(нехотя)*. Мендээ-мендээ. Зачем приехал? Куда едешь? *(Раздражаясь.)* Что ты коня гоняешь взад-вперед без толку? Время попусту тратишь! Мне передохнуть некогда. Я, как вол, тружусь без передышки.

Бедик-Кара. Вы что набросились на меня? За делом приехал. Вы лучше примите членские взносы. Видно, забыли

о них? Уж сколько времени не собираете. Долго ли это будет продолжаться? Кто работает, а кто без толку болтается, мы еще это посмотрим.

Тонгур-оол. Ну и катись куда хочешь! Мне не до тебя. У меня работы не впропорот.

Бедик-Кара. Можно ли так обращаться с членами партии, дарга? Вы задумайтесь над этим. *(Уходит)*.

Тонгур-оол *(смотрит ему вслед)*. Черт принес не вовремя. Будь что будет, мне все равно. Нет худа без добра. Займусь скотоводством. Это не помешает партийной работе. Партия и правительство не против обогащения аратов. А Сандак уже стар, скоро к праотцам уйдет. Не два же века ему вековать. Его скот нам с Сержинмой достанется. Вот мы заживем на славу. *(Стук в дверь)*.

Тонгур-оол *(посмотревшись в зеркало, тихо)*. Кто там?

Ойнар-оол. Это я, Ойнар-оол. Пришел узнать ответ на свое заявление. Можно?

Тонгур-оол. Нет, нет, нельзя. Времени у меня нет. Вот что, парень, лучше ты за ответом приходи через месяц.

Ойнар-оол. Как же мне быть, дарга? В хошком идти, что ли?

Тонгур-оол. Тебя только там не хватает. *(Спохватившись)*. Заходи. *(Открывает дверь. Входит Ойнар-оол)*.

Ойнар-оол. Все ли хорошо у вас, дарга?

Тонгур-оол. Хорошо, хорошо. Выкладывай скорей, мне некогда. Срочная работа.

Ойнар-оол. Давно я подал заявление, дарга, о вступлении в партию, но до сих пор нет никакого ответа. Я к вам уже пятый раз приезжаю. Сколько же можно тянуть?

Тонгур-оол. Не до твоего заявления мне. Работы много. Понял? Приедешь как-нибудь в другой раз. Рассмотрим там... Это ведь не шутка... проверим... стоишь ли... А сейчас езжай.

Ойнар-оол. Этак и до могилы не дождешься ответа на заявление. В уставе партии по-другому написано. Разве товарищу председателю партячейки неизвестно это?

Тонгур-оол. Иди-ка ты отсюда со своим уставом да указаниями. Я их знал еще тогда, когда ты пешком под стол ходил. Не тебе меня учить. Ему говоришь одно, а он заладил, как сорока: «партия», «указания». Ишь, какой законник нашелся!

Ойнар-оол. Почему вы из себя выходите? Я вам ниче-

го дурного не сделал. Пусть будет по-вашему! (*Уходит, сильно хлопнув дверью*).

Тонгур-оол. Ой! Дверь сломаешь. Что ты рассвирепел, как упрямый бык?

Ойнар-оол (*за дверью*). Зачем кричите на меня? Только пьяный человек может так вести себя, но не дарга!

Тонгур-оол. Ы-ы... Смотри ты, какой строптивый! Еще придирается. (*Наклонился к сундуку, открыл крышку. Входит Севильба*).

Севильба. Можно, дарга?

Тонгур-оол (*сидя к ней спиной, ласково*). Входи. входи же скорей!..

Севильба. Экии, дарга!

Тонгур-оол (*холодно*). Экии. Что тебе? Говори скорей. Я очень спешу, Севиль.

Севильба. Куда так спешите, дарга? (*Накрывает голову Тонгур-оола газетой*.) Если не секрет, скажите, куда собрались?

Тонгур-оол. Оставь игривый тон. Я очень занят.

Севильба. Пришла я к вам, чтоб сказать, когда у нас будут занятия. И кое о чем хочу посоветоваться с вами. Скажите, дарга, почему вы перестали занятия посещать? А какие красивые слова говорили! И есть у меня к вам сугубо личный разговор.

Тонгур-оол. Передай, Севиль, старосте кружка, что я сейчас для хошкама отчет готовлю. Причем, срочно потребовали. О личных делах после поговорим.

Севильба. Ну что ж? Я передам. Только члену партии не к лицу так поступать. Давши слово, надо его держать. И любое дело доводить до конца!

Тонгур-оол. Эти разговоры ни к чему! (*Не может сдержать раздражения*.) Член партии... Раз на меня работа завалилась... Что я, должен, по-твоему, разорваться? Я же не двуличный. На этом кончим. Вот и все!

Севильба. Все так все. Не испугаете меня этим. Не красиво получается. Не пора ли вам задуматься всерьез о себе... (*Уходит*).

Тонгур-оол (*один*). Черт подери! Как будто все сговорились... прут... прут... отбоя нет. (*Стук в дверь. Тонгур-оол сердито*.) Кто еще там! Кого несет? Что нужно? Ну же, отвечайте, может, здесь забыли что-нибудь?

Сержинмаа. Это я. С каких пор это ты перестал меня узнавать?

Тонгур-оол (*вскакивает, охорашивается и открывает дверь. Входит Сержинмаа*). Экии, Сержимушка!

Сержинмаа (*сухо*). Экии.

Тонгур-оол. Экии. (*Подает ей руку, та прячет руку свою за спину.*) Я, было, собрался к вам ехать, да ты весточку прислала, чтоб я дома ждал тебя. Ах, как хорошо, что ты со мной, Севиль, то есть, товарищ Сержинмаа!

Сержинмаа. Не притворяйся. От тебя вышла женщина. Кто она такая? Зачем ты принимаешь людей в своей юрте? Кем она тебе приходится?

Тонгур-оол. Не обращай внимания, сарыым. (*Берет ее руки.*) Это все ерунда.

Сержинмаа. Отвечай, кто здесь был? (*Чуть не плачет.*) Отвечай, говорю. Какая наглость! Я не вынесу этого!

Тонгур-оол. Успокойся, сарыым! Ничего плохого! Приходила посыльная приглашать меня на занятия. Я не пошел, сказал, что не могу, очень занят.

Сержинмаа. Надоело до смерти! Собрания... Занятия... Какой в них прок?

Тонгур-оол. Сдаюсь, сдаюсь. Ты права, права. Не буду больше никуда ходить. Но работать все же я обязан. Работа у меня не простая, партийная. Если узнают, мне недобровать, ты сама понимаешь.

Сержинмаа. Ну ладно, пусть будет так! Я думала, что эта херээжок — твоя любовница. У меня чуть сердце не разорвалось. Дай мне воды. Да живей. Есть у тебя вода?

Тонгур-оол. Есть! Есть! На, моя сарыым, пей. (*Подает ей в пиале воду. Сержинмаа пьет и ставит пиалу на низенький столик.*) У меня никого, кроме тебя, нет! Ты мой свет в окошке. Я однолюб. И коротких встреч не терплю. Ой, чуть из-за какого-то пустяка не поссорились с тобой. Дай я тебя обниму, сарыым! Ты у меня единственная, любимая!.. (*Обнимает, ласкает ее.*) Сержимочка моя!

Сержинмаа. Верю, верю. Поедем к нам, Тонгур. Мой бедный отец уж, верно, заждался нас с тобой. Собирайся скорей. А работу с собой заberi. У нас займешься своими бумагами. (*Рассматривает бумаги Тонгур-оола и поет*).

Мы с тобой вдвоем поедem,
по пути поговорим.

Помиримся и поспорим.
Собирайся, мой сарыым.

Тонгур-оол. А знаешь, Сержин, останься у меня. А завтра поедem. Отчет мне надо составлять, а я ничего не сделал. Ровным счетом ни-че-го!

Сержинмаа. Пш! Ты в своем уме? Или окончательно спятил, Тонгур? Дурачок ты мой, как я могу у тебя на ночь остаться?

Тонгур-оол. Мне твоя помощь нужна. А дело за полночь затянется. Ехать будет поздно...

Сержинмаа. Ну и корпи над своими бумагами, если они тебе дороже меня. *(Собирается уходить)*.

Тонгур-оол. Ойт! Сейчас, Сержин... Что делать? Ехать, что ли?

Сержинмаа. Как хочешь, уговаривать не стану. Оставайся, пожалуйста!..

Тонгур-оол. Поеду, хочу быть с тобой! У меня еще побудем хоть несколько минут, Сержим. И я готов с тобой хоть на край света скакать, сарыым...

Сержинмаа. Ни минуты, ни секунды! Поехали к нам. У нас переночуем. Бумаги свои захвати.

Тонгур-оол. Хорошо, моя красавица, только возьму постановления, планы, приказы, программы. *(Собирает бумаги, складывает их в полевую сумку. Подходит к Сержинме, обнимает ее.)* Я коня оседлаю, сарыым, и позову тебя, и помчимся мы с тобой, как ветер в поле!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В юрте Сандака. Қалбак-Кадай тихо напевает.

Қалбак-Кадай. Куда, куда же вы умчались,
годы юные, как лето.
Где мне тягаться с молодыми,
моя песенка спета.

Сандак *(входит с плеткой в руке)*. Скоро пожалует этот косматый, так называемый «дарга». Будь приветливее, старая. Выпить у тебя для него найдется? Если Тонгур-оола угостить как следует, язык у него живо развяжется.

Қалбак-Кадай. За кого ты меня принимаешь, Сандак? Кое-что припасла, не сидела даром. Гостенечка ждала. Сержин к нему поехала, вот-вот, гляди, явятся.

Сандак. Явятся? А в юрте у тебя черт ногу ломает. Почему до сих пор не прибрано?

К а л б а к-К а д а й. Оок! Не придирайся, старик. Ты вечно меня коришь да ворчишь. *(Слышится лай собаки)*.

С а н д а к. Собака забрехала. Видно, Тонгур-оол приехал. Пошевелись ты, кобыла старая. Еду и питье готовь. До чего же ты нерасторопная. Раньше была вон какой шустрой!

К а л б а к-К а д а й. Было, все было и былшем поросло. Помнишь, как долго тебе пришлось меня обхаживать? Гордая была. Не скоро тебе поддалась, хоть ты был чагырыкчы.

С а н д а к. Зато теперь раскисла, как хойтпак.

К а л б а к-К а д а й. Паа! Только и знаешь рычать на меня. Не держу, можешь искать себе молодую. До каких пор терпеть мне! *(Толкает Сандака, потом хватает шкуру и начинает бить его. В это время входит одноглазый Семис-Лама. Сандак уклоняется, и Калбак-Кадай вместо мужа бьет по голове вошедшего)*.

С а н д а к. Опомнись, старуха! Взгляни, кто пришел. Это же наш святой! Живо ковер постели для него. Мир вам, башкы.

С е м и с-Л а м а. Мендээ! Недурно сражаетесь, а-а?

С а н д а к. Извините, святейший. Старуха не с той ноги встала. А я стараюсь изо всех сил служить нашему священному делу.

С е м и с-Л а м а. Охаай! Чем порадуешь, чагырыкчы?

С а н д а к. Все председателю нашему «помогаю» в его делах. Удочку закинул. Да на нее дочку зацепил вместо приманки.

С е м и с-Л а м а. Ну и как? Клынул? Или уже проглотил? Разве хариус проплывает мимо такого вкусного червячка? Ха-ха-ха!

С а н д а к. Приходится наизнанку изворачиваться, чтобы этого Тонгур-оола ручным сделать. Сами понимаете, трудно человека научить из собачьей тарелки лакать.

С е м и с-Л а м а. Нелегко, но надо, и для этого все средства хороши.

С а н д а к. Нам, священнейший, на руку, что Тонгур-оол в грамоте ничего не понимает. Я в его бумагах ночую. За него составляю документки. Можно сказать, он меня сделал своей правой рукой.

С е м и с-Л а м а. Охаай! Нам сам бог помогает.

С а н д а к. Раз карандаш в моих руках, я с его бумагами что хочу, то и творю. Где надо, добавлю, убавлю, пропускаю важные данные, цифры. А все, что нам понадобится, я переписываю. И, кажется, не зря стараюсь.

Се м и с-Ла ма. Это хорошо. Ну, а когда скотом займешься? Все сроки давно вышли. Медлить с этим никак нельзя. *(Сандак выпроваживает жену из юрты).*

Са н д а к *(тихо)*. Вы же знаете, это очень опасно.

Се м и с-Ла ма. Волков бояться — в лес не ходить.

Са н д а к. Собаки-то слишком злые, покусать могут.

Се м и с-Ла ма. Матерому волку не пристало собак бояться. Ты не дитя малое и должен был уже отравить рабкооповский скот.

Са н д а к. Стараюсь, как могу. Но они что-то пронюхали и могут нас накрыть

Се м и с-Ла ма *(сердясь)*. Панихиду поют только по покойнику. Не опускай крылья. Пеняй на себя, если мы это сделаем без твоего участия. Бумаги бумагами. Но с ними далеко не уедешь. Надо скот травить.

Са н д а к. Я время даром не теряю, святой. Если по совести, кто почти всю работу везет на своих плечах, а?

Се м и с-Ла ма. Надо спешить! И не терять ни одной минуты! Иначе собаки-араты нас на куски разорвут. А нас с тобой в первую очередь повесят.

Са н д а к. Тсс...

Се м и с-Ла ма. Запомни, за отравление скота отвечаешь головой. Вся скотина на перевале должна сдохнуть.

Са н д а к. Так. А где ваши деньги... Обещанная награда?

Се м и с-Ла ма. Выполнишь задание, получишь, что тебе причитается. А пока не очень нам доверяют. Доверие надо оправдать делом. Понятно?

Са н д а к. Постараюсь, священнейший. Надо сказать, что не четко еще нами управляют... Да и скупы на расплату.

Се м и с-Ла ма. Ладно, ладно, не прикидывайся овечкой. Я ведь тебя знаю как облупленного. Ты сумеешь с живого и мертвого содрать... Заплатим, как только ихний скот задрывает ногами. Сейчас наш представитель уже находится в ложбине Шораанныга. Вот мы и посмотрим, на что ты способен. И тогда...

Ка л б а к-Ка да й *(вбегает)*. Помилуй нас, Хайыракан! Что делать? Нечистый сейчас будет здесь!

Се м и с-Ла ма. Что случилось?

Ка л б а к-Ка да й. Тонгур-оол приехал, священнейший. *(Делает знаки Сандаку, тот закрывает дверь на крючок).*

Се м и с-Ла ма *(встревоженно кидается в разные стороны)*. Этот нечестивец знает меня в лицо. Как быть? Греха не оберешься, если он увидит меня у вас.

С анда к (в панике). Что делать? Надо что-то придумать!

К алба к-Ка да й. А что, если вам быстренько переодеться? Может, он не узнает вас?

С емис-Ла ма. Давайте халат! (Натягивает на себя женский халат.) О Богда, не гневайся на раба своего. Осквернился. Ведь я, надев на себя халат херээжок, грех на душу принимаю. Оманипатнихом! (С трудом втискивается под лежанку).

С анда к. Не мешкайте, ради святых! Он уже здесь!

С емис-Ла ма. Ах ты негодяй, куда толкаешь меня, там же сырые шкуры лежат!

С анда к. Не орите!

Т онгур-о ол (за юртой). Дома ли старики?

К алба к-Ка да й. Замолчите! Ой, беда, беда!

С ержинма а. С чего вы на запоре сидите? Ойт, откройте двери!

С анда к. Кто там? Сейчас, сейчас! Стук не сразу услышали. Оглохли мы, видно, со старухой. Входите, пожалуйста! (Открывает дверь.) Эй ты, кошкун, что сидишь, как пришибленная? Стели же коврик председателю.

Т онгур-о ол. Как дела, старики?

С анда к. Помаленьку, а вы как?

Т онгур-о ол. Здоров ли ваш скот, много ли молока?

С анда к. Слава богу. А как у вас, дарга? Ладится ли работа? Давненько у нас не бывали. Видно, дела ваши все растут, как снежный ком?

Т онгур-о ол. Работы непочатый край. Замучился. Опять из района уйму постановлений получил по линии просвещения. Учеба висит над головой... Вы в тот раз угадали, говоря, что работы скоро будет еще больше. Так оно и есть. Устаю. (Зевает).

С анда к. От работы кони дохнут. Если и впредь так жили будете вытягивать из себя, ненадолго хватит вас. Надо и о себе подумать.

С ержинма а. Я то же самое ему говорю, отец. А он меня не слушает.

С анда к. Паа! Ах ты, умница! Она права, дарга! Зачем вы изводите себя?

Т онгур-о ол. Она преувеличивает. И к ее словам я прислушиваюсь. И вашего совета придерживаюсь. Раньше я день и ночь работал, а сейчас не очень утруждаюсь, надо и

себя побережь. Нароботаюсь еще. Впереди у меня целая жизнь.

С ан да к. Ты уж, доченька, не строжишься над даргой. Он все сам понимает. И по сравнению с другими начальниками Тонгур-оол-дарга высоко стоит по своим знаниям. Отлично разбирается во всех постановлениях партии и правительства. И главное, умеет правильные выводы делать и в людях толк понимает. Ты, моя единственная, не очень командуй даргой.

К ал ба к-К а да й. Понейте чаю, сынок. (*Пододвигает к Тонгур-оолу низенький столик со сметаной, тарой, мясом*).

С ан да к. Чай от нас не убежит. Ты нам, кошкун, что-нибудь покрепче поднеси. Подай-ка мне заветный когээрчик с аракой. (*Калбак-Кадай подает когээр*).

Т он гу р-о о л. Вы меня балуете. (*Пауза*.) Но сегодня мне нельзя.

С ан да к. Нельзя так нельзя! Пропусти одну кундагу и хватит. (*Подает Тонгур-оолу чашку с аракой*).

Т он гу р-о о л. Аа, нет-нет! Увольте, не могу, кырган. Работа у меня есть срочная.

С ан да к. Одна кундага вам не повредит, а силы прибавит. Да и спать будете крепко.

Т он гу р-о о л. Поймите меня, кырган, правильно. Председатель партячейки в сумоне — это не простой человек, и ему нельзя пьянствовать.

С ан да к. Умные речи приятно слушать. Но сейчас ночь. Чарку, другую осушите и бай-бай, никто об этом не узнает.

К ал ба к-К а да й. Только одну, сынок.

Т он гу р-о о л. Сказал — нет, и точка.

С ан да к. Эх, видно, не умеем гостя принять, коль он брезгует угощением нашим...

Т он гу р-о о л (*отдает чашку Сандаку*). Не могу.

С е р ж и н м а а. Если наша арака тебе противна, вылей ее на землю, Тонгур-оол!

С ан да к. Зачем ты, доченька, уважаемого человека на «ты» называешь?

К ал ба к-К а да й. Это никуда не годится.

Т он гу р-о о л. Из уважения к вам, так и быть, одну выпью.

С ан да к. На здоровьице.

Т он гу р-о о л. И вы со мной выпейте.

С ан да к. Оо, уважаемый дарга, на нас не обращайтесь внимания. Мы у себя дома. А вы наш высокий гость. Если вы и захмелеете, то мы сочтем честью для себя ухаживать за вами. (*Еще наливает араки*).

Тонгур-оол (взяв чашку). Это верно, кырган, нас, ответственных даргов, так сказать, вождей, надо беречь. Это обязанность аратов. (Выпивает.) Оо, арака у вас сладкая, как мед.

Сандак. Это Сержин постаралась. Она у нас мастерица. Сама гнала. А вы, дарга, чуть выпивши приехали. Где же успели?

Тонгур-оол. Тут поблизости в аал заезжали. Там угостили. Неудобно было отказываться. Не выливать же араку на землю.

Сандак. Раз угощают, значит, уважают.

Тонгур-оол (пьянеет). Еще как уважают-то... Все для дарги готовы сделать... Чего только пожелаешь!

Я на радость людям добрым
парнем стал красивым, гордым.
В холодке мне так спокойно
возле лиственницы стройной!

Есть хочу иль выпить даже —
мне живот об этом скажет.
Что кому сказать когда же —
мне душа моя подскажет,—

так поют... Ха-ха-ха! (Затягивает гортанную песню, встает и направляется к Сержинме, та уходит.) Вы, конечно, догадываетесь, что у нас с Сержин... Она, да я... И если бы мы с ней... Вы не против?

Сандак. Вот что вам скажу, сынок. Вы оба молодые. Вам жить. Решайте сами. Она у нас одна. Поди, не бросит нас на старости лет, если и заживете своей семьей.

Калбак-Кадай. Нам останется лишь счастья пожелать да благословить. Совет вам да любовь. Юрта пойдет моей дочери. Нам, старикам, немного надо. Да и сил не хватает хозяйство вести.

Тонгур-оол. Нет, нет. Пора и мне подумать о личном счастье. Нам с Сержинмой друг без друга пельзя. Заживу я тихой семейной жизнью. Это отразится, наверное, на моей работе... Опять из хошуна бумаги пришли, будь они неладны. Сводки надо составлять. Что-то торопят очень.

Сандак. Уео, неужто им так срочно нужно?

Тонгур-оол. Незамедлительно. Ворох бумаг надо поставить. Во-первых, об увеличении поголовья скота; во-вторых, какой урожай. Из хошуна пришла специальная бумага, секретная, о классовой борьбе. Это партийное сообщение. У меня голова кругом идет...

С анда к. А как дарга разобрался в этих бумагах? Он ведь не очень силен в грамоте.

То н г у р-о о л. На это у меня писари сидят.

С анда к. Грамотных друзей у вас много.

То н г у р-о о л. Друзья... Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Меня народ любит. И вы, кырган, мне не откажите помочь. И сейчас можно так же, как в прошлый раз мы сделали. Ну, на 10 процентов меньше, на 20 процентов, от этого государство не пострадает. Так я говорю, кырган?

С анда к. Наш большой дарга сам знает. Не мне ему подсказывать. Он сам кого хочешь может учить уму-разуму. *(Наливает араку.)* Если сделать так же, как в тот раз мы с вами сделали сводки, то, мне думается, большой беды не будет. Вы руководите всем. И ошибки большой не допустите.

То н г у р-о о л. Золотые слова, кырган. Если в утку промахнусь, то в озеро все равно попаду. *(Пьет араку.)* Я за последнее время часто прикладывался к араке и работу запустил. Надо будет взяться за дело да и подбить все планы-саланы. А то могут из хошуна нагрянуть и дать нагоняй, а? А я... Ыы... Да мы с вами...

С анда к. Отяжелел, дарга. Не мешало бы отдохнуть. Как встретить ответственных лиц из хошуна, пусть дарга подумает. А это очень похвально, что вы беспокоитесь обо всем. Светлый ум у нашего дарги, большой!

То н г у р-о о л. Давайте, кырган, поработаем. Я буду диктовать, а вы записывайте. За текущий год поголовье скота возросло на 5 тысяч голов, грамотность населения равна, примерно, 93—94 процентам, вспашку начнем в начале июня. Общественные мероприятия выполняются на 100 процентов. В моем сумоне, за исключением одного лишенца, все имеют право голоса. А что один лишенец может сделать? У меня поголовно все сознательны, и поэтому революционная бдительность, о которой вы пишете, у нас не стоит на повестке дня. Теперь читайте, кырган. *(Семис-Лама под кроватью чищает. Сандак читает все то, что говорил ему Тонгур-оол.)*

То н г у р-о о л. Хаа! Здорово получилось. Вы молодец, кырган.

С анда к. Рад стараться, дарга. Мы ничего не пропустили, дарга?

То н г у р-о о л. Что-то еще надо написать. Я дома был. Усвеемся. Мы с вами сочиним!

С анда к. А надо бы прихватить. Враз бы мы и отделались от всех бумаг. *(Входит Сержинмаа.)* Мы пойдем, до-

ченька... Скотину посмотрим... А ты хозяйничай... Пошли, кошкун!

Сержинмаа. Хорошо. Я знаю, отец, идите. *(Подмигивает отцу. Сандак, Калбак-Кадай уходят).*

Тонгур-оол *(очень пьян)*. Сержин, звездочка моя, Сержин, красавица моя! Иди ко мне! Мы неразлучны с тобой. Мы любим друг друга. Ойт! Сержин, иди же сюда!

Сержинмаа. Зачем? Какой ты, Тонгур, нетерпеливый!

Тонгур-оол. Родители твои согласны. Давай сейчас же поженимся. Зачем тянуть?

Сержинмаа. Я просто так не соглашусь!

Тонгур-оол. Почему?

Сержинмаа. Если ты моих родителей будешь считать родней, не станешь попрекать их прошлым, называть их «феодалами», «классовыми врагами», я согласна стать твоей женой. Выполнишь эти условия,— и я твоя.

Тонгур-оол. Сержин, ты не любишь меня... Ведь я не раз тебе клялся партийным словом. За что их обижать? Они не лишены какие-нибудь, а равноправные граждане. Ты не веришь мне, моя сарыым... ине... *(Плачет.)* Бедного Тонгур-оола Сержин изводит своей подозрительностью. Хочешь, я сердце тебе выну из своей груди? *(Повторяет последнюю фразу два раза).*

Сержинмаа. Не плачь, мой большой ребенок. Дай я тебе слезы осушу поцелуем. Верю, что партийное слово не бросишь на ветер. Иди ко мне, мой миленок...

Севильба *(входит)*. Мамочка родненькая! Что же стало с нашим даргой!

Тонгур-оол *(чуть слышно)*. Что тебе надо, Севильба?

Севильба. Приехал представитель партийной комиссии. Он сейчас у председателя сумона. Вам от него записка. *(Подает бумагу.)* Извините, что прервала ваше любовное воркование. По долгу службы пришла.

Тонгур-оол. Дунмам, скажи, что мне некогда, что я занят.

Севильба. Никто меня не может заставить лгать. Как вам не стыдно! Как вам только не стыдно! *(Уходит).*

Тонгур-оол *(внезапно трезвеет)*. Случилось непоправимое. Надо мне ехать сейчас же!

Сержинмаа. Скажи этой комиссии, что по делам ездил. И все тут. Как только освободишься, немедленно приезжай сюда. Я жду тебя, Тонгур!

Тонгур-оол. Конечно же, сарыым! Все будет так, как мы договорились. Ты моя!

Сержинмаа. Возвращайся к своей Сержин! Я не хочу быть без тебя. Дай я тебя оболью холодной водой, и хмель как рукой снимет. *(Поливает воду на голову Тонгур-оолу).*

Тонгур-оол. Спасибо. И правда, как рукой сняло опьянение. Умница ты у меня. Жди меня. Я мигом вернусь *(Уходит. Сержинмаа смотрит ему вслед. Из-под лежанки, отдуваясь, появляется Семис-Лама. Сержинмаа испуганно вскрикивает; вбегает Сандак и начинает помогать ламе встать на ноги).*

Сержинмаа. Авай! *(Испуганно смотрит на Семис-Ламу, прижавшись к косяку двери).*

Сандак. Как вы себя чувствуете, святой?

Семис-Лама. Тьфу! Бесстыдники! Развратники! Тьфу! *(Он вне себя и собирается покинуть юрту).*

Сандак. Куда Тонгур-оол так спешил? Вихрем почмчался!

Сержинмаа. Известили его, что из хошуна парткомиссия нагрянула.

Семис-Лама. Нас могут, как пух, прихлопнуть. Провалом пахнет. *(К Сандаку.)* Ты немедленно ступай на перевал и делай, что приказано. А дочка твоя сухой оказалась. Она любит Тонгур-оола. Сам своими глазами видел, как она вешается на шею этому безродному псу. *(К Сержинме.)* Снюхалась и забыла, что мне принадлежишь. Я немало заплатил за тебя. А теперь на кой мне нужна такая развратная тварь. Не жена ты мне, а сука! Если еще замечу, как ты хвостом виляешь, я тебе нос откушу!

Сержинмаа. Старый дурак. Ты мне нужен, как дырвый маймак! Я сама не хочу с тобой жить! Надоел ты мне до смерти, бочка с протухшим салом! Бесстыжий бык!

Семис-Лама. Сама же втюрилась в партийного, а меня стыдит. Это ли не грех?

Сандак. Не обращайтесь внимания на нее. У бабы волос длинный, а ум короткий. Она любовь крутила с Тонгур-оолом для нашего дела.

Семис-Лама. Знаем мы, для какого дела...

Сандак. Не гневайтесь, башки, она ваша вещь, а вы ее хозяин. Куда денется от вас моя дочь?

Семис-Лама. Не заговаривай зубы, а езжай скорей. Если не уничтожишь рабкооповский скот, то пеняй на себя...

Сандак. Я сделаю все, что в моих силах. Я так ненавижу этих «хостуг аратов» и их даргаларов, что готов каждого своими руками задушить, сердца их поганые из груди вырвать и бросить собакам.

Семислама. А таких, как Тонгур-оол, надо отправить к праотцам. На земле им нечего делать.

Сандак. Вы правы. Я так и сделаю.

Семислама. Действуй. Вот записка от представителя парткомиссии. Слушай: «Товарищ Тонгур-оол, по получении записки немедленно выезжайте. Есть неотложный, особо важный разговор. Я жду. Дакпалдай.» Все. С богом. Смотри, не провали, головой придется расплачиваться. *(Уходит)*.

Сандак. А ты, Сержин, езжай к Тонгур-оолу. Постарайся встретиться с ним. Чего доброго, он испугается и все выболтает комиссии.

Сержинмаа. Его из партии исключат. Тогда он нам нужен, как мертвому курдюк.

Сандак. Ты совсем еще дуручка. Езжай, там у него еще какие-то сведения есть. Их надо заполучить.

Сержинмаа. Сумею ли я?

Сандак. Ты хитра, дочь моя! Захочешь — сделаешь. Видишь, как из себя выходил одноглазый лама. Ты ни перед чем не постоишь. Вся в меня.

Сержинмаа. Еду, отец! *(Уходит)*.

Сандак *(жене)*. А ты, старое помело, прикуси язык и нишкини у меня. Я через два дня вернусь. *(Уходит)*.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В сумонной конторе. Дакпалдай и Тевек-оол просматривают какие-то бумаги.

Тевек-оол *(пожимает плечами, качает головой, выражая крайнее удивление)*. Тьфу ты, дьявол! Дела-то какие заварилась!

Дакпалдай. Это нам известно. Вот, взгляни. *(Подает Тевек-оолу одну из бумаг.)* Каковó, а?

Тевек-оол *(прочитав)*. Так они на все руководство сумона замахнулись? Убивать, травить нас решили? Что же делать, дарга? И кто все это раскрыл?

Дакпалдай. Нам удалось напасть на след руководителя контрреволюционной группы. Он удобно пристроился в центре, и вся эта группа действовала по его прямым указаниям. Он же, кстати, добился и восстановления в правах Сандака. Ну, а арестовали — ему уж ничего не оставалось, кроме как признаться во всем.

Тевек-оол. Надо же — в центре сидел! Даже страшно становится. С руководством сумона расправиться хотели... Наверное, и меня убили бы?

Да кпалдай. Может быть, тебя, а может, кого другого... Прохлопаете этак ушами — это феодальное отродье всех перережет. (*Входит Севильба*).

Севильба. Экии, товарищи!

Да кпалдай. Экии!

Тевек-оол. Нашла Тонгур-оола, Севиль?

Севильба. Найти-то я его нашла... Вот только где и как... У Сандака он в юрте, пьянствует! Какой позор... Видеть нашего даргу в объятьях байской дочки...

Тевек-оол. Средь белого дня он позволяет себе такое?..

Севильба. Нет, нет... Не понимайте так прямо — «в объятьях»...

Да кпалдай. А товарищу Тевек-оолу сразу уж бог знает что показалось... Ха-ха-ха!

Тевек-оол. А кто его знает... Уж если покатился вниз человек, кто предскажет, куда упадет?.. Но сюда-то он придет? Что он говорит, а, Севиль?

Севильба. Да, вроде, обещал. Не так уж он пьян... О серьезности положения я ему сказала и записку передала.

Да кпалдай. А почему его не привели?

Севильба (*брезгливо*). Нужно-то мне с пьяным связываться. Не до бесчувствия напился, и сам дойдет.

Да кпалдай. А Сандак дома?

Севильба. Вдвоем их оставил, сам поодаль от юрты прохаживается. В общем, на карауле стоит.

Да кпалдай. Как вы думаете, явится Тонгур-оол или нет?.. Вы идите, Севильба, займитесь делом, о котором мы с вами говорили.

Севильба. Хорошо, дарга. (*Собирается уходить*).

Да кпалдай (*теплее*). Спасибо тебе, сестренка, что и записку отнесла, и рассказала, что там творит Тонгур-оол...

Севильба. Что я своими глазами видела, то и сказала.

Да кпалдай. Да, видно, запутался парень в сетях этого Сандака и его дочки. (*Севильба уходит*).

Тевек-оол (*глядя вслед Севильбе*). Трудно ей, бедной... Любит Тонгур-оола наша Севиль, вот в чем дело, дарга... У них, кажется, все уж слажено было. И такую девушку он променял на эту... Да, не узнать теперь Тонгур-оола, будто кто его подменил.

Да кпалдай. В том, что случилось, прежде всего, ко-

нечно, виноват сам Тонгур-оол. Ну, а вы, члены партии, куда смотрели? Вот вам и результат.

Слышен стук копыт.

Тевек-оол. Непонятно, что с ним случилось. Стойте, кажется, приехал. (*Входит Тонгур-оол*).

Тонгур-оол. Приветствую вас всех, дорогие дарги! А я по арбанам, по переписи, ездил, да на обратном пути к Сандакам заглянул. Туда мне и принесли вашу записку. Оттуда — прямо к вам. Что нового в хошуне, дарга?

Да к п а л д а й. Все по-старому. А вот в вашем сумоне, слышно, новостей — не оберешься...

Тонгур-оол. Что-то не замечали, дарга. Трудимся по мере сил. Землю вот пашем, грамоте учимся, поголовье скота увеличиваем. 25 тысяч голов скота уже имеем, 90 процентов грамотности, а общественные мероприятия и на все сто процентов выполняются. Так и живем.

Да к п а л д а й. Припеваючи, значит, живете?

Тонгур-оол. Да не жалуемся, дарга.

Да к п а л д а й. Я ознакомился с вашей работой. Мне кажется, далеко не все у вас так гладко, как вы тут расписали.

Тонгур-оол. В чем же наши шероховатости?

Да к п а л д а й. Послушайте, вы! Липовые сводки вы представляете в хошун. Все-то у вас выполняется на сто да на 90 процентов. Такие данные вызывают у нас сомнения. Верить им нельзя. Что с вами случилось?

Тонгур-оол. Да что вы, дарга! Видно, секретарь напутал. Сводки я сам, как положено, составлял.

Да к п а л д а й. Нет, не сами. Хуже того, вы доверяете это ответственное дело не своим товарищам по партии, а кому попало. Сандаку, например. Вы же знаете, кто он. У него не только феодальные замашки остались, он и сейчас вредительством занимается,— известно вам это? А вы — дружбу с ним завели, в гости к нему ездите, помощником своим сделали... Куда это годится?

Тонгур-оол (*перебивая*). Сандак нам сочувствует. Он перековался. Стал настоящим трудовым аратом. Вот вам пример. Кто больше всех работал на строительстве школы? Сандак!

Да к п а л д а й. А вы не задумались, почему он так старается выбиться в передовики?

Тонгур-оол. А потому, что понял — к старому возврата нет и не будет. Сандак свое прошлое сам забыть хочет! Как он добивался, чтобы его дочка вступила в ревсомол! Много вы еще таких родителей найдете? Сандак сам агитировал Сержииму, все сделал, чтобы она стала ревсомолкой...

Тевек-оол. Ну, это не без твоей помощи сделано.

Тонгур-оол. А я и не скрываю. Помогать молодежи вступать в новую жизнь — моя прямая обязанность. Сандак и его дочь еще докажут свою преданность!..

Да кпалдай. Слепой ты человек. Они уже, за твоей спиной, доказали, на что способны.

Тонгур-оол. Это ложь и клевета! Чем вы подтвердите свои слова?

Тевек-оол. А связь твоя с дочкой Сандака — тоже ложь и клевета, по-твоему?

Тонгур-оол. А кто может мне запретить жениться на этой девушке? Чем она хуже других ревсомолок? Завидуешь, что не тебе такая красавица достанется? Да она лучше всех, ты только погляди на нее, «зрячий» ты мой дружочек!..

Тевек-оол. Твоя красавица — наш враг и оружие Сандака.

Тонгур-оол. Доказательства?

Да кпалдай. Они сами — доказательство.

Тонгур-оол. Как это — сами?

Да кпалдай. А так! Играют они на твоей слабости. Как ты не понимаешь этого! Честный, говоришь, преданный... Да это же маска у них такая! А выдастся удобный случай — они не упустят, замахнутся ножом в спину партии. Станешь ты им не нужен больше — они и в твою спину тот же нож вонзят.

Тонгур-оол (*удивлен, растерян*). О чем вы говорите — никак не пойму...

Да кпалдай. Глаза тебе раскрываем. Если б ты, зная обо всем, связался с ними, мы бы и тебя считали врагом. Разговор был бы тогда с тобой короткий.

Тонгур-оол. Я — враг?

Тевек-оол. Враг — не враг, а набитый дурак.

Да кпалдай. Постой, Тевек-оол. (*Тонгур-оолу.*) Доказательства тебе нужны? Получай. Чья роспись на этой бумаге?

Тонгур-оол (*внимательно разглядывая одну только подпись*). Вроде — моя.

Тевек-оол. Без «вроде» — твоя. Смотри и на эту. Также скажешь — «вроде»?

Да к п а л д а й (*удерживая Тевек-оола*). Да погоди ты! Не «вроде», а ты, Тонгур-оол, эту бумагу подписал. А вот это читал?

Т о н г у р - о о л. Кажется, читал...

Да к п а л д а й. И подписал?

Т о н г у р - о о л. Да, подписал...

Да к п а л д а й. Вот еще. На ней тоже твоя подпись?

Т о н г у р - о о л (*всматриваясь на этот раз и в текст*). Да, моя... Как же это? Ы-ы... (*Замолчал*).

Да к п а л д а й. Вот так. Секретные сводки в двух экземплярах написаны. Одна посылалась в хошун, другая попадала в руки врага. Ты знал об этом?

Т о н г у р - о о л. Куда попадали?

Да к п а л д а й. К руководителю контрреволюционной группы Семис-Ламе. Он, в свою очередь, передавал их иностранному агенту. Смотри, вот сводки с ихними пометками. (*Тонгур-оол подавлен.*) Тонгур-оол, я тебя знаю давно. Сын бедняка. Участник революции. Был хорошим работником, активным членом партии...

Т е в е к - о о л. Был, да сплыл. Променял все на пьянку да гулянку.

Да к п а л д а й. Заблудился ты, товарищ.

Т е в е к - о о л. Нечего с ним долго разговаривать. Из партии исключить и в суд передавать. И дело с концом.

Да к п а л д а й. Враги готовят опасную диверсию. Но какую? Еще неизвестно. Подумайте обо всем. Я верю тебе, Тонгур-оол. Мы еще встретимся. (*Уходит*).

Т о н г у р - о о л (*потрясен*). Что же это такое?

Т е в е к - о о л (*не сочувствуя ему*). Понял, что ты натворил? Опозорил ты нас... Из-за тебя и меня задержали. Мы еще поговорим на партийном собрании. (*Уходит*).

Т о н г у р - о о л (*один*). Что же я наделал!.. (*Сидит, опустив голову на стол. Тихий стук в дверь. Тонгур-оол не слышит. Бесшумно входит Сержинмаа. За окном начался дождь. Где-то в отдалении глухо загремел гром. Сержинмаа подкрадывается к Тонгур-оолу, заносит нож... Сильный удар грома. Тонгур-оол поднимает голову. Сержинмаа, от неожиданности, отбрасывает в сторону нож. Тонгур-оол заметил это, но сделал вид, будто ничего не случилось*).

С е р ж и н м а а. Тонгур! Мой Тонгур! Ты что — не узнаешь меня? Это же я, твоя Сержинмаа...

Т о н г у р - о о л (*мрачно*). Ты? Зачем здесь?

Сержинмаа. Как это — зачем? Смешной вопрос. К тебе я приехала, чтобы не скучал ты один. Ты же сам хотел приехать... Ждала тебя, ждала... Я не могу без тебя. *(Тонгур-оол внимательно, в упор, разглядывает Сержинму, будто видит ее впервые).*

Сержинмаа. Ты чего на меня уставился, как помешанный? У тебя неприятности? Или сердисься на кого?

Тонгур-оол. Тебе этого не понять.

Сержинмаа. Мне-то — не понять? Да ты хоть и член партии, и секретарь ячейки, а я все равно больше тебя знаю.

Тонгур-оол. Отец твой говорил, ты — глупышка...

Сержинмаа. Сами вы оба с ним глупцы. Да он без меня, как без рук...

Тонгур-оол. Еще он говорит, что ты ничего в делах не понимаешь и даже мешаешь ему.

Сержинмаа. Как же — мешаю! Ты думаешь, я не знаю, зачем к нам ходит Семис-Лама?

Тонгур-оол *(изображая ревность)*. Ах, он к тебе ходит! Ты же мне слово давала — разве забыла об этом?

Сержинмаа. Ты думаешь, он ко мне?

Тонгур-оол. К кому же еще? *(Продолжает играть в ревность.)* Я так любил тебя, верил тебе, а ты... ты...

Сержинмаа. Успокойся. *(Обнимает его.)* К отцу он, к отцу ходит!

Тонгур-оол. Я не верю тебе. Ты передо мной, как лиса перед собакой, хвостом виляешь и языком петляешь. Думал, будешь моей на всю жизнь...

Сержинмаа. О-ой, глупенький ты мой Тонгур-оольчик! *(Ласкается к нему.)* Я сама только об этом и думаю.

Тонгур-оол. И не обманешь?

Сержинмаа. Никогда.

Тонгур-оол. Но прежде мне надо убрать моих врагов с дороги. И тогда...

Сержинмаа. Твои враги — наши враги. Пойдем к отцу, пойдем сейчас же. Он поможет тебе.

Тонгур-оол. Что он, старый человек, может сделать?

Сержинмаа. Всё. О, ты не знаешь моего отца. Он очень хитрый. Он тебе поможет, ты — ему. И тогда врагам нашим не поздоровится!

Тонгур-оол. Я и один справлюсь.

Сержинмаа. Один ты все дело испортишь. А у отца все готово. И через три дня такое будет — небу станет жар-

ко! Я не могу дождаться этого счастливого дня. Вот видишь, видишь — я же не глупышка! Ну, едем, Тонгур-оол...

Тонгур-оол. Не могу ехать. Меня еще комиссия разбирать будет, следствие завели... *(Выжидательно смотрит на Сержинму)*.

Сержинмаа *(уже считая Тонгур-оола своим единомышленником)*. Плюнь ты на эту комиссию и разотри! Ей скоро конец придет. Мы всех голодранцев в порошок сотрем. Держись отца, Тонгур! Он не подведет. Поверь своей ласточке...

Тонгур-оол *(внезапно)*. Где отец?

Сержинмаа *(неуверенно)*. Он... Он... А ты на чьей стороне? С нами? Или с теми, которые у власти — с голодранцами?

Тонгур-оол. Ты же знаешь, с кем я. Ну, где отец? Мне надо с ним встретиться.

Сержинмаа. Уехал он.

Тонгур-оол. Куда?

Сержинмаа. На перевал.

Тонгур-оол. Очень хорошо. Ты тоже поезжай. Домой. Потом встретимся.

Сержинмаа. Тонгур-оол! Ненаглядный ты мой! Как же я рада, что ты с нами! Ты теперь совсем, совсем мой!.. *(Обнимает его)*.

Тонгур-оол. Торопись, Сержин. Встреча наша — не за горами. *(Сержинмаа уходит. Усиливается ветер, сверкают молнии, оглушительно гремит гром. Тонгур-оол сурово смотрит вслед Сержинме.)* Змея! Подколотная змея! *(Поднимает с пола оброненный Сержинмой нож, пробует лезвие, засовывает за голенище.)* Пригодится. *(Надевает на плечо ремень винтовки, открывает дверь, в нее врываются бушующий ветер и гром. Дверь захлопывается за ним.)*

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Перед небольшой горкой, среди лиственниц, сидят араты, приехавшие на собрание. Курят, разговаривают.

Чедендей. Что-то начальства долго не видно? Много ли будет вопросов на повестке дня?

Чыргалбай. Главный вопрос знаю — о Тонгур-ооле. Наверное, будем его того... Исключать из партии.

Ч е д е н д е й. Говорят, он с дочерью старого шакала Сандака связался, дело, говорят, чуть не до свадьбы дошло...

Ч ы р г а л б а й. Я давно это заметил. Шила в мешке не утаишь. Не тебе я рассказывал? Своими глазами видел, своими ушами слышал, как они ворковали... Не нужен он нам — такой.

Ч о н у к. Что же ты раньше-то об этом молчал? Или у тебя рот был зашит? Нечего после драки кулаками махать.

Ч ы р г а л б а й. Ты что, старик, приценился ко мне? И не думай за него заступаться. Я правду говорю.

С е в и л ь б а. Нехорошо получается. Если б с ним товарищи как следует поговорили, может, до такого и не дошло бы. А то мы все собрания ждем. Черствость наша, равнодушие.

Ч ы р г а л б а й. Он к феодальному отродью тянется, сам чуждым элементом стал. Нечего с ним сюсюкаться. Гнать его в три шеи из партии. И вся недолга. Такое же мнение, как и Тевек-дарги...

Ч о н у к. Мнение, мнение. Какой ты быстрый. Торопливая мышь в молоке утонет. Есть такая пословица. *(Входит группа молодежи и пионеры.)* Экии, ребята! Бичии, будь готова!

Б и ч и и л е к. Всегда готова! *(Звонким детским голоском девочка запекает «Пионеры красивы». Ей подпевают. Входят Дакпалдай и Тевек-оол.)*

Т е в е к - о о л. Большинство членов партии в сборе. Есть предложение начать собрание. Где Тонгур-оол? Чыргал, пригласи Тонгур-оола.

Г о л о с а. Начать, начать собрание...

Т е в е к - о о л. Раз возражений нет...

Г о л о с а. Нет, нет.

Т е в е к - о о л. Надо избрать рабочий президиум. У кого есть предложения?

Г о л о с а. Наметка есть?

Т е в е к - о о л. Есть. Вот, я вам прочитаю: Севильба, Чыргалбай и я.

1-й г о л о с. Я предлагаю избрать почетным председателем собрания товарища Дакпалдая. *(Аплодисменты.)*

Т е в е к - о о л. Товарищи! На этом собрании мы будем обсуждать недостойное поведение члена партии Тонгур-оола, который, позабыв о своем долге, связался с бывшим феодалом Сандаком и его дочерью. Он раскрывал партийные тайны нашим врагам. Одним словом, ему нет места в партии. Прошу, товарищи, беспощадно его критиковать, откинув в сторону всякий страх.

Чедендей. У меня есть предложение. Имел он связь с Сандаком? Имел. С его дочерью любовь крутил? Крутил. Разглашал партийные тайны? Разглашал. Пьянствовал? Пьянствовал. Он ведь какой парень? Оторви да брось. А грамотей-то он — вроде меня. Чего еще? Вот и все.

В слезах вбегает жена Бедик-Кары Чочай

Чочай. Люди добрые! Ой, горе-то какое! Убили, убили моего Бедик-Кару!

Да кпалдай. Кто? Где?

Чочай. Тонгур-оол! Ночью приехал к нам вооруженный и с собой увел Бедика.

Тевек-оол. Подрались они, что ли?

Чочай. Говорят, они еще в тот раз подрались, когда Бедик к нему взносы сдавать приехал. Тонгур-оол выгнал его тогда...

Чонук. Дома нет Тонгур-оола? Где же он?

Чочай. Я уж и к матери его ходила. Ночью, говорит, уехал, с ружьем. А сама так и заливается горькими слезами...

Чыргалбай. Нигде его нет.

Чочай. Что же вы все расселись? Помогите горю моему! (Плачет).

Тевек-оол. Пусть немедленно скажут во все аалы. (Общий гул).

Да кпалдай. Тише, товарищи! Не паникуйте. Я сам пойду к Сандакам.

Чонук. Схожу-ка лучше я, проверю...

Люди пачинают расходиться. С горки кричат Бичилек.

Бичилек. Эй, Севиль-угбай! Севиль-угбай! Четверо верховых к нам скажут! Иди сюда! Посмотри!

Севильба (выбегает на горку). Кажется, они!

Чыргалбай. Просто проезжие.

Севильба (приглядываясь). Впереди двое... По-моему, на буланом жеребце Бедик-Кара... А на гнедом... На гнедом Тонгур-оол! Ну да, это они!

Чедендей. А вон и конь Ойнар-оода.

Тевек-оол. Точно — они. Куда они ездили? И зачем? Садитесь же, садитесь, товарищи!

Чонук. Вот видите!

Все молча рассаживаются, время от времени показывая друг другу на приближающиеся фигуры конных. Вбегает Бедик-Кара.

Бедик-Кара. Товарищи! Мы чуть не попали в капкан

врага. Мы с Тонгур-оолом застали Сандака и его приспешников на месте преступления. Они хотели отравить весь рабкооповский скот. Сандак Тонгур-оола хотел зарезать. Ножом ударил его, но тот уклонился, нож по виску скользнул. К счастью, рана легкая. Ну, тут Тонгур-оол схватил Сандака, оба упали и покатались вниз по склону горы! Хорошо, я подоспел Тонгур-оолу на помощь. Мы с ним вдвоем скрутили старого волка!

Входят Тонгур-оол и Ойнаар-оол, впереди ведут Сандака, руки его связаны. Тонгур-оол вооружен, голова у него перебинтована.

Тонгур-оол. Товарищи! Друзья! Я виноват перед вами, перед народом. И готов понести любое наказание. Но я до глубины души осознал свои ошибки и сумел познать хитрость, коварство врага. Это мне полезный урок. Жизни не щадя, готов я теперь бороться с ними! Клянусь!

Одобрительный гул. Многие аплодируют.

Да к п а л д а й. Товарищи! Узость кругозора и политическая близорукость, малограмотность были причиной того, что наш Тонгур-оол чуть не оказался в стане врагов. Грубую ошибку совершил он. Но ведь конь и о четырех ногах, да спотыкается. Вовремя спохватился, прихлопнул ядовитое гнездо тарантулов, а одного из самых ядовитых — Сандака — поймал. При помощи Тонгур-оола контрреволюционный заговор задушен в зародыше. Подвигом своим наш товарищ смыл с себя черное пятно. Наша партия в беде не оставляет своих сынов, она все сделает, чтоб не дать человеку упасть, с самой земли поднимет и поставит на ноги... Члены партии слышали, что говорил Тонгур-оол. Но не он один виноват. Если говорить по-ложа руку на сердце, мы ослабили бдительность. Тут раздавались голоса: «выгнать его, выгнать!» А выгнать человека недолго, надо прежде разобраться, понять. Сила партии — в ее справедливости и сплоченности. Конечно, кто не оправдывает доверия партии, надо гнать, чтоб не оскверняли ее рядов. Тяжелая вина была у Тонгур-оола. Но он ее своей кровью смыл. И возмужал в борьбе с врагом. Запомните: враг не дремлет, он ищет любые лазейки, чтобы помешать нам строить новую жизнь. Будьте бдительны, товарищи! Эштер! На этом собрание считаю закрытым. (Аплодисменты).

Чо ну к. Дайте мне слово! (Берет в руки чадаган. Прежде, чем запеть, подает знак Севильбе. Она подходит к Тонгур-оолу).

Севильба. Как вы себя чувствуете, товарищ? Голова болит?

Тонгур-оол. Никакой боли не чувствую, Севиль. Будто заново родился. Легко мне сегодня дышится — пелена упала с глаз.

Севильба. А я думала, она совсем закрыла от тебя солнечный день. Я так счастлива.

Чонук (*запевает. Песню подхватывают все*).

Наш светлый край, богатый край,
народной радостью сияй:
мы вместе добыли в бою
мечту, свободу, жизнь свою!
Врагам нет места в родном краю!

Горбят спины нам века...
Горька молитва бедняка.
Прошла пора молитв и слез —
победы солнце занялось!
Вручил народ нам судьбу свою.

Родная партия, за тобой
рабочий люд пойдет на бой:
круша врагов, исчадий тьмы,
как львы, сражаться будем мы.
Сильны единством и правдой мы.

Араты вольны и горды:
огромна степь, крепки труды.
Пусть встанут кручи грозных скал —
мы одолеем перевал!
Смелее, юность, на свет из тьмы!

Тонгур-оол. Хорошо поет наш Чонук!

Севильба. Такие песни народ долго в памяти хранит. Сердцем запомним: ведь в них — живая душа народного певца.

Занавес

Михаил Пахомов

ПАМЯТЬ НЕУГАСИМА

Великий Октябрь, как щедрый сеятель лучезарных идеалов свободы, за осуществление которых самоотверженно бились народы неоглядной России, окрылил на борьбу и тувинских аратов. Там, где родники Суг-Бажы вырываются из песчаных недр и питают речку Могой, петляющую в заболоченных берегах, распласталась когда-то деревенька Атама-

новка. Буйным цветением заполыхало в ней движение людей, впоследствии стяжавших себе славу борцов за новую жизнь.

Уже давно эта деревня названа именем партизанского вожака в Туве — С. К. Кочетова. Однажды в разговоре о событиях шестидесятилетней давности один из рабочих совхоза «Заря коммунизма» Макаров не без затаенной гордости за свое село, в котором родился, обронил:

— Деревня наша — это вроде бы тувинский Петроград: в России все началось там, а в Туве — тут!

И в самом деле: окруженная юртами кочевников, безмятежно дремала заселенная русскими переселенцами Атамановка; но весной восемнадцатого года она будто проснулась и загремела, как во время пожара. Родился в ней Совдеп, который возглавили безграмотный крестьянин Митряшкин Семен Ермолаевич, председатель, и Лукьянов Алексей Герасимович, секретарь, был создан и красногвардейский отряд, «атаманом» которого избрали бывшего фронтовика Сергея Кузьмича Кочетова.

Вместе с русскими в отряде красногвардейцев за становление и укрепление советской власти воевал и сын старого Дайбыная Билчир — впоследствии достойный сподвижник легендарного Курседи в создании Тувинской аратской революционной партии.

Я не собираюсь описывать последовавшие затем события вплоть до двадцатого года, когда в Туве организовался сводный отряд красных партизан с главным штабом в этой деревеньке. Замечу лишь, что события 1918 года закончились трагически: контрреволюция жестоко подавила в крае Советы, в Атамановке зверски были избиты председатель и секретарь Совета, мать и отец командира красной гвардии Агафья Филиппьевна и Кузьма Петрович Кочетовы, красногвардейцы Билчир, Медукпен, Рассохин и другие. Не касаюсь и того, как в девятнадцатом году в крае была восстановлена Советская власть...

Хочется поведать лишь о трагических судьбах советских людей, отдавших жизнь за свободу и похороненных в селе Кочетово...

Сыны и дочери Советской России до изнеможения напрягали силы, чтобы раздавить последний очаг контрреволюции, Крымский плацдарм кровавого барона Врангеля: туда стягивались войска со всех бывших фронтов гражданской войны; направили туда и прославленных в боях сибирских партизан П. Е. Щетинкина; по его зову в октябре двадцатого года и

из Тувы на фронт ушел отборный отряд партизан во главе с Кочетовым.

В советских поселках остались слабо вооруженные группы самообороны. Этим не преминули воспользоваться белогвардейцы, кровожадными вампирами таившиеся в поселках и на займках, разбросанных по Каа-Хему и Пий-Хему.

Полосатыми гадами заворочались и все еще находившиеся в крае вооруженные отряды китайских милитаристов и начали чинить над советскими активистами «суд» и расправу...

Белогвардейцы мстили своим противникам «за поруганную честь», иностранные «стражи порядка» из отряда Ян Шичао, стиснув зубы, яростно настраивали урянхов против давно проживавших здесь русских крестьян...

Комиссар

Высокий, широкоплечий да статный, с тяжелыми руками металлиста, Иван Петрович Юдаев имел на редкость обаятельные голубые глаза, чисто скоблил бритвой широкий подбородок и аккуратно подстригал свои пшеничные усы. Еще в 1905 году он, будучи слесарем Александровского чугунолитейного завода в Петрограде, участвовал в революционном движении, за что и был вместе с семьей выслан «к месту жительства» на Рязанщину; перед войной с Германией перебрался на жительство в далекую Сибирь, а в девятнадцатом году оказался на Терзиге, что в Каа-Хеме. Здесь, совершенно случайно, повстречал он своего бывшего дружка по Черемхово—Кузьму Дресвянникова. Посидели, поговорили о том о сем...

Были они ровесниками. Но Дресвянников теперь уже носил буйную бороду старовера и, имея крепкое хозяйство, служил в Кок-Хааке старостой. Поняли, что больше не друзья, и навсегда разошлись их стежки-дорожки...

Вожаки партизанской армии Кравченко и Щетинкин перед отходом из Тувы по договоренности с монгольским воеводой Максаржавом поставили Юдаева во главе Советско-Монгольской комиссии по закреплению соглашения об обоюдном уважении и неуклонном соблюдении мира и дружбы между русскими крестьянами, остававшимися в крае, и монгольским отрядом. А вот Дресвянников, основательно пустивший корни в своем хозяйстве, оказался в стане ярых противников советской власти...

После ухода из Тувы за Саяны партизанской армии красный комиссар Юдаев с семьей перебрался на жительство в

Атамановку. Именно там видел он необходимую для своей деятельности политическую среду. А Дресвянников остался в Кок-Хааке, в компании своих духовных единомышленников.

Прошел год. Политическая обстановка накалилась до предела.

Комиссар в середине октября двадцатого года, возглавляя группу подхребтинских партизан, примчался в Кок-Хаак с намерением убедить крестьян отмежеваться от банды Мелегина. Первым делом заглянул в усадьбу Дресвянникова; тот, будучи уже в банде, случайно оказался дома и встретил Юдаева недружелюбно. Тогда комиссар попытался уговорить его, как бывшего когда-то друга, и безоружным вышел к окну его избы. Бандит не только отказался выйти, но без предупреждения выстрелил в Ивана Петровича!

Партизаны во главе с заместителем Юдаева — Василием Антипиным отомстили бандиту за своего комиссара...

Подобрав тело Ивана Петровича, они увезли его в Атамановку. Здесь горстка партизан под нестройный ружейный салют похоронила Ивана Петровича Юдаева как героя.

Это была первая утрата, которую понесли атамановские партизаны в незабываемом октябре двадцатого года.

Председатель ревкома

Плотник Алексей Сниткин в свое время был среди тех, кто закладывал первые дома первого в Урянхае города. Прервала его труд гражданская война, и он в девятнадцатом году переселился в Атамановку, занялся крестьянством и возглавил деревенский ревком.

Когда в край прибыла партизанская армия Кравченко и Щетинкина, Алексей Никифорович проводил в ее ряды старшего сына Никиту; восемнадцатилетнему пареньку почти сразу пришлось принять боевое крещение в Белоцарском бою, а осенью уйти с партизанами за Саяны. И возвратился он в родное гнездо лишь в начале двадцатого года, когда с Колчаком было покончено. Однако в Туве сформировался партизанский отряд, и Никита, помогая отцу в хозяйстве, оружия из рук не выпускал.

Так, в трудовых и боевых буднях, незаметно подросла и новая осень, черная, как прозвали ее деревенские. И опять пришлось Алексею Никифоровичу проводить своего Никиту: на этот раз на Врангеля, в партизанском отряде Сергея Кочетова.

Обросший вьющейся русой бородой и такими же беле-

сыми усами, старательно занимавшийся хлебопашеством, он казался просто смиренным и трудолюбивым отцом семейства. У них с женой росли еще два сына-малолетки да совсем крохотная дочурка Тася. А время продолжало бурлить, как могучая река в половодье, и было председателю Совета не до семейных идиллий. Спешил он закончить полевые работы: на пороге зима, а дома — ни хлеба для ребятишек, ни корма для коровки и пары лошадей.

И тут, как на грех, совсем удручили председателя свалившиеся как снег на голову похороны комиссара Юдаева.

А вскоре, через два-три дня, неожиданно-негаданно из Бай-Хаака в деревню пригнали две телеги, груженные бочками квашеной капусты. Мобилизованных крестьян-подводчиков конвоировали и нещадно подгоняли вооруженные всадники-китайцы. В Атамановке они решили заменить подводы и гнать их дальше, в сторону Оттук-Даша, что в сорока верстах от деревни, где, как было слышно, располагался многочисленный вооруженный отряд Ян Шичао. Остановились у сельсовета. А там на сходку собрались русские крестьяне и их соседи — араты. Шел деловой разговор про хозяйственные дела, про школу, которую пора было уже открывать. Речи выступавших бойко переводил с русского на тувинский и обратно известный всем односельчанам партизан Билчир.

Когда явились в помещение посторонние, разговор прервался: было интересно, зачем пожаловали столь неожиданные гости?

Подчеркнуто строгий и элегантно одетый китаец через вошедшего с ними переводчика, местного торговца Ли Сана, потребовал свежих лошадей. Сниткин, посоветовавшись с секретарем, Григорием Барабановым, спокойно попросил щеголя предъявить документы, дающие ему право на бесплатный проезд на крестьянских подводах. Офицер не стерпел такой «дерзости» и приказал своим применить оружие. Но мужики рассудили по-своему: даже не сговариваясь, мигом разоружили незадачливых вояк. Председатель Совдепа тут же объявил их арестованными и под конвоем отправил в распоряжение Усинской погранзаставы как нарушителей правопорядка.

Не был изолирован лишь торговец Ли Сан, и вскоре о происшествии стало известно в ставке Ян Шичао...

Приехав домой с последними снопам, Сниткин распряг лошадь и, войдя в избу, уселся с семьей за еду. Но закончить семейный ужин не удалось. В дверь ввалились тот же Ли Сан и сопровождавшие его вооруженные китайцы.

— Насяльство тылебуют подывода!— без обиняков скороговоркой выпалил торговец и ехидно заулыбался.

Алексей почему-то лишь тут обратил внимание, что при разговоре губы торгаша не смыкались, и до желтизны прокуренные зубы оставались открытыми, как у скелета.

— И чичас же вытай наса люди!— с расстановками, тщательно подбирая слова, по-русски проговорил офицер с кобурой маузера у бедра.

— Я скоро приду!— поднимаясь из-за стола, сказал Алексей своим и начал собираться. Решил, что по таким делам объясняться следует в Совете.

Шагая по улице, в глубине души он питал надежду: вдруг да опять, как в прошлый раз, в Совете окажутся люди и, может быть, снова удастся все повернуть по-своему. Но в деревне будто все повымерло: мужики, видимо, еще находились на пашне, а бабы копались в огородах либо обрабатывали у своих бань лен — готовились наткать холста для одежды...

Следом за председателем шли два вооруженных китайца с винтовками наперевес да офицер — с маузером в руке. У Совета не было ни души! И Сниткин, подойдя к крылечку сборни, где помещался и Совет, остановился, сказав:

— Арестованные ваши теперь уже в Усинске. Можете обращаться только туда! А подводы... Если будете платить, наши мужики отвезут, куда вам надо. А так, господа хорошие, я заставить их не могу, не имею права!

...И прогремели в тишине выстрелы. Алексей Никифорович дрогнул, как в жестоком ознобе; в его стального цвета глазах полыхнули ярость и беспросветная боль, по заросшим щекам скатились крупные слезы, и, не сгибая коленей, он тяжело свалился к ногам злодеев...

Заметив проезжавшего по улице на телеге, груженной тяжелыми мешками, мужика, китайцы мигом подбежали, сбросили груз на дорогу:

— Гони Оттук-Дас!— офицер для убедительности показал ему маузер.

И дрожки тут же затарахтели по жесткой дороге.

От Совета вдоль деревенской улицы бежал долговязый китаец, занимавшийся в своем огороде разведением мака и сбором опия, и горласто кричал:

— Лусыка плисядателяи убила! Лусыка плисядателяи убила!..

Был он в черной помятой рубахе, без пояса, в таких же штанах и плетеных веревочных тапках. В такт громким паническим выкрикам размахивал длинными руками, как раненая болотная цапля — крыльями...

«Переговоры» в Оттук-Даше

Убийство председателя Атамановского сельсовета было зловещим предзнаменованием для всех, кто жил в советских поселках Подхребта и соседних с ними аалах. И уже с утра следующего дня, как бы на похороны Алексея Никифоровича Сниткина, почти из всех поселков примчались вооруженные партизаны и тут же начали готовиться не только к скорбному прощанию с товарищем, но и к возможному бою с врагом, не на жизнь, а на смерть! В окрестностях деревни появились посты и дозоры, заработала мастерская: приводилось в боевую готовность все имевшееся у населения оружие; отливали пули и набивали патроны.

Еще накануне в Кызыл умчались секретарь сельсовета Григорий Барабанов и партизан Билчир, чтобы телеграфом сообщить в Усинск и Минусинск о чрезвычайном происшествии и просить неотложной помощи.

В местечке Оттук-Даш стоял лагерь в триста сабель: китайские солдаты Ян Шичао с пулеметами и горной пушкой, приспешники феодалов во главе с Буян-Бадорху.

Главарь этих разбойничьих банд через своих гонцов вели провокационную переписку о мирных переговорах с Усинском, требуя и выдачи арестованных в Атамановке китайских военнослужащих; одновременно они имели связи с кулацкой бандой корнета Шмакова, таившейся до поры до времени в Баян-Коле, что за Енисеем, напротив скал Оттук-Даша.

Чтобы непременно выволить своих из неволи, Ян Шичао решил, на крайний случай, обзавестись заложниками. И это ему вскоре удалось: полевой дозор в тридцать сабель скрытно подобрался к расположению малочисленного и слабо вооруженного отряда партизан в Атамановке, у скирды сена заметил двух вооруженных русских бородачей — пост! — и их бесшумно снял.

Заметим, что стоявшие на посту Федор Казанцев из Успенки и Михаил Зырянов из Атамановки допустили преступную халатность — прозевали противника, и их, как недорезанных баранов, скрутили и увезли в Оттук-Даш... Отбить товарищей партизаны и не пытались: исчезновение их было обнаружено слишком поздно.

И вот, наконец, долгожданное подкрепление... мирная делегация в сопровождении тридцати пяти красноармейцев! Во главе ее — представитель Сибревкома И. Г. Сафьянов, имевший переписку с Ян Шичао и Буян-Бадорху. На следующий же день из Атамановки делегация отбыла в Оттук-Даш. Для более успешного завершения переговоров делегация привезла с собой и трех задержанных китайских военнослужащих, чтобы обменяться с другой стороной не только дружескими приветствиями, но и пленными.

Под начало командира охраны делегации Василия Старухина прикомандировали еще сорок партизан, в числе которых были и тувинцы во главе с Билчиром, который должен был исполнять и обязанности переводчика.

По прибытии в район Оттук-Даша советская делегация через нарочных-переводчиков предложила место встречи представителей сторон для начала переговоров, расположенное в километровом отдалении от того и другого лагерей. При этом предлагалось: представители сторон явятся без воинской охраны.

Предложение было принято. Больше того, Ян Шичао сообщил, что для удобства переговоров на месте, где они будут проходить, поставят хорошую юрту. И поставили. Но саму встречу откладывали со дня на день, в своих сообщениях не упоминали и об обмене заложниками.

Так прошло двое томительных суток.

30 октября из Атамановки к месту переговоров двинулся обоз, состоящий из пяти возков с продовольствием для делегации и ее охраны: долго ли продлятся переговоры, никто не знал. Снега еще не было, обозники — бывший боец партизанской армии Кравченко и Щетинкина Петр Макаров, отец погибшего под Минусинском партизана Петра Стяжкина Дормидонт Андреевич, старики Фаддей Колупаев, Степан Елизаров и Терентий Полев — выехали на телегах.

На рассвете того трагического дня банда Ян Шичао, зверски расправившись со своими жертвами, схваченными под Атамановкой, вместо начала переговоров с советской делегацией начала обтекать ее лагерь, отрезав путь к отступлению.

Старухин, видя такую ситуацию, немедленно отвел отряд вместе с делегацией на заранее подобранную, более удобную для обороны позицию.

В тот день солнце не показывалось, и с утра повалил снег. Бой нарастал с каждым часом и длился до потемок. Противник бил по лагерю делегации из пулеметов, трижды даже

пальнул из пушки. Но оборонявшаяся горстка бойцов Старухина не сдавалась и ни на шаг не отступала. Красноармейцы и партизаны били врагов наверняка, нанося им невосполнимые потери...

И только глубокой ночью смелой атакой герои прорвали цепь противника и, забрав погибших и раненых товарищей, двинулись в сторону Атамановки. По дороге они неожиданно наткнулись на изрубленные тела земляков, пытавшихся подвезти им продовольствие. Телеги были опорожнены, лошади угнаны...

31 октября тысяча девятьсот двадцатого года под траурные мелодии и троекратный прощальный салют Атамановка уложила в братскую могилу десять бойцов, отдавших жизни за свободу.

Среди погибших было два красноармейца — одного звали Иваном Медведчиковым, другой остался неизвестным; были Георгий Гурьянов из поселка Уургайлыга, Михаил Деревягин и Дмитрий Юсупов, оба из Сосновки, и пятеро обозников...

Уход советской делегации из окружения и невиданные потери, обнаруженные утром на поле боя, настолько ошеломили вожаков банды, что они не только не посмели преследовать противника, но фактически сами пустились наутек. Большая часть насильно втянутых феодалами в эту авантюру аратов в ту же ночь исчезла, да не с пустыми руками — с оружием, которое вскоре пригодилось аратам для полного разгрома шайки Ян Шичао.

Недолго пришлось ждать настоящего подкрепления и партизанам. Отряду Кочетова, в связи с осложнившейся обстановкой в Урянхае, как и отряду Алексея Квитного, приказали возвратиться восвояси.

И уже в конце ноября — начале декабря были разгромлены кулацкие банды в Пий-Хеме и Каа-Хеме.

Атамановке предстояло и далее, вплоть до двадцать второго года, быть центром революционного движения в Туве. Но об этом, видимо, более обстоятельно будет еще написано.

Прошедшим летом в селе Кочетово общественность республики достойно отметила 60-летие победы Народной революции. Мемориальный комплекс в Кочетово — дань уважения потомков всем тем, кто первыми пали в неравной борьбе за свободу русских крестьян и тувинских аратов, за новую, социалистическую Туву.

НЕБЕСНОЕ ЗЕРКАЛО

Рассказ

Берега речки Чаш-Тал густо заросли гибким ивняком. Весной он расцветает пушистыми вербочками, потом обрастает длинными светло-зелеными листиками. В теплые дни ивняк постепенно зарастает и становится непролазным. Для нас, ребятишек, в то время раздолье в прятки играть: под любым кустом свернешься комочком, и тогда попробуй найди меня. А сколько в кустах птичьих гнезд, не пересчитаешь!

На чайлагс несколько юрт, в каждой из них звонкоголосые мальчишки и девчонки оживляют сонную тишину летника. Наша юрта стояла на краю поляны, где за кустами протекал шумливый ручеек. Она выглядела беднее всех: почернела, разлохматилась кошма, едва держалась на петлях тоненькая дощатая дверь. Но зато место у нас было красивее, чем у соседей. Рядом стояла старая лиственница, могучие ветви которой давали в жаркие дни прохладу на половину поляны. А еще совсем недалеко перед юртой вылез из земли огромный серый камень, похожий на лежащего безрогого быка. На верху камня было круглое углубление, подобное чаше с бортами по краям.

Мама так рассказывала про этот камень. Давным-давно люди выдолбили в этом камне чашу, толкли в ней ячмень, обдирали просо, а в праздники разжигали в ней огонь. «А куда делись те люди, которые сделали чашу?» — допытывался я. Мама ответила, что случилась страшная болезнь, и тот народ весь умер.

Очень часто я и ребятишки соседних юрт вечерами взбирались на камень, садились на борта чаши и рассказывали друг другу о своих дневных приключениях и похождениях: кто сусликов ловил, кто из самодельного лука стрелял по воробьям, кто встретил на берегу речки бо-ольшую змею... Когда усаживались на борту чаши, то каждый старался сесть лицом к тропе, проходившей недалеко от камня: мы думали, что наш каменный бык оживет и повезет нас куда-нибудь по тропе.

Раз в году в какой-то праздник к камню приходил старый шаман с большущим бубном. На его синем халате висели длинные тряпичные «змеи», много маленьких колокольчиков. Когда он шаманил, то «змеи» страшно шуршали друг

о друга, а колокольчики заливались перезвоном на разные голоса. Шаманил старый подолгу. Он бегал вокруг камня, то присаживался на него, то вскакивал, кружился, подпрыгивал, и все время бил короткой лопаточкой по натянутой коже бубна, тряся всем телом, как от сильного мороза, что-то бормотал, выкрикивал непонятные непосвященным слова, да так громко, что ребятишки разбегались в разные стороны, а взрослые в испуге закрывали глаза. В конце концов он в изнеможении падал на камень и подолгу лежал, как мертвый. Потом молча, шатаясь, будто пьяный, уносил бубен в свою юрту.

Однажды в жаркий летний день мы, пятеро ребятишек, сидели на борту каменной чаши. Вдруг поднялся сильный ветер, подхватил мусор, пыль, закружил их над камнем, вокруг стало темнеть. На солнце напоздла черная туча, загремед гром, засверкали молнии. Мама выскочила из юрты, схватила меня за руку и повела, а другим ребятишкам крикнула:

— Бегите скорее домой! Скорее, скорее!

— А зачем убегать?— спросил я маму.— Ведь дождика нет.

— Когда дождик — хорошо, а когда молния сверкает без дождя, то может убить человека.

— А чем она убивает?

— Ее свет острее самого острого ножа. Вот послушай, что случилось однажды на нашем чайлаге. Был такой же ясный, жаркий день. Одна юрта стояла вон там — на краю поляны, возле леса. Вот так же неожиданно загремед гром, засверкали молнии, поднялся страшный порывистый ветер, закружил по поляне, смерчем налетел на ту юрту, подхватил ее и поднял выше леса, перенес через Чаш-Тал и бросил на степь...

— И людей утащил?— испугался я.

— Нет. Люди сидели на том же месте; где стояла юрта, только вихрем разбросало все их пожитки да засорило глаза золой из очага.

— А как же они жили потом без юрты?

— Юрту нашли. Целехонькую.

Пока мама рассказывала, гром усилился, и по крыше нашей юрты зашумел дождик. Через дымовое отверстие брызнули на меня крупные и холодные капли. Потом дождь пошел сильнее и сильнее, и, наконец, обрушился настоящим ливнем. Кошма нашей старенькой юрты была настолько плоха, что сквозь нее на нас полилась вода. Мама уложила меня на постель и закрыла толстой шубой:

— Лежи смирно, не вылазь!— приказала она.

К великой моей радости, лежать пришлось недолго — дождик скоро перестал мочить нашу юрту, посветлело небо, в дымовое отверстие заглянуло солнышко. Я выбрался из-под тяжелой шубы и стремглав вылетел в степь. Первое, что мне бросилось в глаза и ослепило,— это огромное зеркало, лежавшее на каменном быке. Я перепугался и сначала не решился подойти к каменному быку. Однако непреодолимое любопытство заставило меня встать на цыпочки и заглянуть в зеркало.

Того, что я там увидел, мне никогда не забыть: зеркало лежало в чаше, заполняя ее до краев. Вместо чаши я увидел второе небо, огромную голубую пропасть, в глубине которой плыли такие же розовые облака, как и на высоком небе. По сторонам росли настоящие деревья и кусты, но почему-то все они росли вершинами вниз, нависали над голубой пропастью и не падали. Я испугался, подумал, что, как и деревья, перевернусь вниз головой и упаду на нижнее небо, отполз от чаши и побежал в юрту.

— Мама!— что есть силы закричал я.— Посмотри, что случилось с нашим каменным быком — чаша провалилась и упала вниз, в нижнее небо, все деревья там растут вниз головой...

— Ты что, во сне это увидел?

— Нет, нет, не во сне. Пойдем, посмотри сама.— тянул я маму за полу халата. Я выбежал, опережая маму, вскочил на камень и крикнул:

— Вот видишь!

Мама подошла, наклонилась над чашей и неожиданно провела пальцем по зеркалу. Тут я и того больше перепугался: деревья вдруг закачались, стали ломаться, налетая друг на друга, розовое облако растянулось, разорвалось и стало разбегаться из края в край... Мама зачерпнула ладошкой из зеркала и сказала:

— Это самая чистая вода. Попей ее, она полезна для тебя: быстрее будешь расти, станешь сильным и здоровым. Она с неба, дождевая.

Все это произошло в самом начале моей жизни, и запомнилось навсегда то чудесное Небесное зеркало, в котором деревья растут вершинами вниз и ходят под ними освещенные солнцем кучевые облака.

ЛЮБКА — ЛЮБОВЬ ЕГОРОВНА

Повесть

1.

Сельцо Подтаежное верстах в двадцати от города. Жили тут испокон века все больше промысловики да бабы: у каждой пять-семь ребятишек, коровенка и надел соток в тридцать. От Маслены семь недель говели, носили бороды, окладистые, русые; в школу ходили по четвертый класс, а там — сразу в тайгу или за подойник, если ты «низшего, бабьего разряду».

Стародавними временами жили... Старобытными.

* * *

Тимошка ударил валенком в дверь, она щелкнула, подалась навстречу, пропуская его в тепло. Страхнул с плеч заброшенный кое-как великий полушубок отца, кинул на вешало шапку.

— Люб, а Люб, слышь...

— Ну, чего еще?

— Люб, к школе машины приехали — вездеходы. Народу повезли, ужась! Бурильщики называются. Что-то искать будут — под землей.

— А-а-а... Это, Тимошка, завод у нас собираются строить. В газетах писали... Маленький ты еще, пойди-ка, сосни. Отсыпайся, пока каникулы.

— А ты, Люб? Давай вместе, а? Завалимся да как захраним, Люба!

— Пойди, пойд... Мне — корову доить. Мамка за сепаратором побежала, масло бить будем.

— Эй, тама, разгырготались... Ты, однако, Тимошка. А ну, кыш! — отец оторвал от подушки всклоченную бороду. — О-ох, маята... Поддай-ка водицы, дочка.

Восьмерых спроворил Егор Антипыч, да только двое теперь на подросте, другие — все своими семьями живут. На половину улицы, от дома Егора Антипыча и далее по берегу Таежки, от его корня отслоилось. Все — сыновья. Только Любку вот бог подкузьмил девкою уродить. Да и то: матери, как-никак, в помощь. Износилась старуха, доля не сладкая—

восьмерых подымать. Сам — все больше по таежным делам. Промысловик, эх-хе...

Отпромысловал, отстрадовался, кажись... Отпрыгался.

На Николу возвращался домой, вез соболью да беличьё рухлядь и завалился вместе с лошадыю в полынью. Речка Таежка не велика, и Рыжуху, и рухлядь выдернул вмиг да прогнал хорошенько, пропарил. А за собой как-то все не в догляд — не впервой. Да, видно уж, годы, остуда корни дала. Вот теперь — загибаться. Не ко времени бы еще, мал Тимошка...

— Люб, а Люб... Иди-ка сюда.

Вот пострел, привязался к девчонке — не отлепишь. Наскучался. Вторую зиму в школу бегаёт, все расскажи да разобъясни. Любка, та в десятом; окромя лета, все в городе проживает, у братовой жены, хрестной Тимошки. Брата война давно прибрала, а роднится-от, хучь и городская. Привечает девчонку. И спасибо, чего тута ей... Может, выучится, как вона другие, коли в изгальство не всунется там, в горах. Оно бы и ладно.

— Люб, а Люб... А зачем тут завод, кого делать?

— Ты в городе был?

— Ну...

— Трубы там видел?

— Дымят трубы-то. Нам паровозную дорогу, вот покатались бы, да! А, Люба?

— Чудак ты, Тимошка. Раз будет завод, и дорогу сюда подведут, автобус пустят или трамваи. Интересно?

— Еще бы!

— Ну, спи, чудачок, я к корове пошла. Мамке скажешь — где.

— Ладно.

Любка сполоснула подоийник, потянула с загнетки выпаренную марлевою тряпицу. В сенцах бухнула дверь, зашаркали нерасторопные мужские шаги.

— Парторг что-то к нам,— сказала Любка приподнявшемуся на постели отцу.— Здравствуйте, Виктор Поликарпович.

— Здравствуй, здравствуй, красна девица,— Виктор Поликарпович, совхозный парторг, годок Егора Антильча, еще крепкий костистый мужик, краснощекий с морозца, переступил порог, пропустив поперед себя спутника, городского, с посиневшим носом и в шляпе.— Ты это что, Егор? Лежишь? Не дело это, не дело.

— Кряхчу помаленьку, спаси-от, Христос. Подай, дочка, гостям сесть на чего. Садитесь, кхе-кхе...

— Что, Константин,— обратился к спутнику, с любопытством озирающемуся в огромной избе, Виктор Поликарпович.— Просторная крестовина? Сам хозяин рубил.

— С божьей помощью,— кашлянул на постели Егор Антипыч.

— И мы, конечно, подмогнули, не без того. Как лучшему промысловнику совхоза... Просторнее не сыскать, и населена неплотно. У нас бабы — плодovиты, особая статья... Здесь с хозяином четверо, а зимой так и вовсе — трое. Любовь, она в городе учится, десятый класс заканчивает. Пожалуй, и дальше пойдет. Как, красна девица?

Любка смутилась, кивнула парторгу — согласная, мол.

— Посмотрим,— пожевав бессильными губами, сказал отец.— Што гадать-от, поживем — увидим.

— А тебе в больницу, Егор, надо. Ух, кержак чертов! Завтра же отвезу.

— Лежали в больницах. Два, без малого, месяца, Любку маял-от передачи носить... Чего еще? Таперя — годочки, эх-ха...

— Годочки!— возмутился Виктор Поликарпович.— Какие наши с тобой годочки? Вставай, завод будем строить — дождались. До города два десятка километров, пробьем в перевале туннель, асфальт проложим. Чуешь! Так как — едем?

— Пока погожу.

— Ну, думай... Оставляю тебе вот Константиша Павловича. Одинок, холостяк, девку приглядывает на выданье. Так что все в самый раз. Но, но, но, не сопи — пошутил. Строитель он, начальник участка. Уж, будь ласков, не обессудь.

— Постоялец, выходит.

— Выходит, что вроде бы так.

— Ну-ну... Разоблакайтесь тогда. Чай, однако, пить станем. Кхе-кхе... Любка!

— Закончишь, дочка, скоро науку. Надо бы и дальше, куда следует, оно — известное дело...

Отец глядел на Любку выцветшими глазами, не замечая, как по сморщенной обвислой щеке подползает к уху слеза.

— А мне, знать, подаржать бы. Вишь, не сдюжил. Но-но, не реви, не люблю! Не помираю, даст бог — как знать. Так што вот: посоветовались мы тут с Кинстинтином Павловичем, пойдешь, дочка, на стройку — в контору определяют. А тама направят на путь. Ты пока не торопыжься больно, не сепети...

Выражая всем своим видом серьезность момента, Константин Павлович повсрнулся к Любке.

— Вы, Люба, куда поступать хотели? К чему чувствуете, так сказать, призвание свое?

— Человек тебя спрашивает, дочка. Ответь, што ты в рот воды набрала... Любка!

— Ладно вам,—Любка надула задрожавшие губы, бросила Константину Павловичу. — К чему, к чему... Ни к чему.

И побежала вон из избы.

— Ндравная, ишь. Ты прости се, Кинстинтин Павлович, вот ведь оно вот — как.

— Да что вы, Егор Антипыч, можно сказать — мечтала.

— Вот-вот...—в раздумье пожевал губами старик.—У нас, слушай-ка, Кинстинтин, старший — Андреем звали, так вот он тоже все себе голову забивал. Все читал бы, читал. В город за имя, за книжками, пешим, бывало, али на лыжах, коли зима, да... Война подрубила. Городская женка была, детки остались. Выросли уж, башковитые — в него... Вот и Любка. А тут — болость эта, прости господи, эх-хе...

Уставившись в потолок, Егор Антипыч принялся думать нелегкую думу о том, что не дотерпел, не доростил детей, как следовало; возложил все: и не только хозяйство, а вот теперь и себя самого, кочерыжку тлетворную,—на слабощные плечи старухи.

А у той, самой-то, глянь, тоже чего там развяжется. Где-ка выдюжить тут.

— Э-эх-ха... твою так! Маята.

— Что ты, что ты, отец?—сунулась к откинувшемуся на подушки Егору Антипычу старуха.—Ты чего это, ну? Поел бы лучше — сподобнее. Весна — пора животворная, гли-ка и полегчает.

— Пап, а пап, слышь... Давай,—ласковый Тимошка подсел к кровати.—Поешь, а? Я тарелку тебе подержу. Мамка такую картошку сварганила! Слышь — с ребрышками, ну... Жирнющая!

— Посмотрел бы лучше, где Любка.

— На чего? Вон она по двору с Костей гуляет. Разговаривают.

— С Костей... Ишь! Какой-такой Костя? Вырастешь вот, пойдешь на стройку, будет начальник твой, Кинстинтин Павлович.

— Ну и что... Девки говорили вона, целоваться он не умеет. В клуб придет, наохлится петухом да молчит.

— Где-ка там девки. Человек он такой — степенный, на виду-от.

— Зато в зоску ему ни в жизнь меня не обыграть!

— Цыц!.. Гли-ка ты, мать. Это што — распустила!

Мать поднесла мимоходом Тимошке по шее, пристроилась у постели больного, покормить старика.

— Мне так глянется тоже, отец — тут не то.

— Што не то? Што не то! — замычал, поперхнувшись картошкой, старик. — Зачала, дык рожай, договаривай.

— Так смекаю, поспешил ты его обходительно звать-величать. Вроде как над собой возвышаешь.

— Ну так что? Молодой? А коли в ранге, в степенности, как тогда?.. Тоже мне — смекаю, курица, гли-ка.

— Да ты не кипятись, не об том я.. Что-то с Любкой у них, не иначе, — зашептала старуха, наклонясь к Егору Антипычу. — Это как: по всей ночи арифметику вместе решают? Сиднем дома сидел — ее не было, а? По девкам не ходит, в дом не ведет, слова грубого ей не скажет. А она все наследкой: квох да квох — перед им!.. А-а, вот так.

— О-ох, мать! Хоша глаз и не черный, а всуе-то — цыц! Сам гляжу-думаю... Кабы так, куды бы с добром.

— Вот и я говорю, рази плохо, если бы так. Дай-то бог.

— Ну-ну, ладно — расквохталась.

Пора была такая — рассадная: на Петра Канустника, в солнцеворот, бабы высыпали от зари в огороды. Боронили грядки, надувая щеки, плевались в землю семенами моркови, редиса, курили воздух дурманящим запахом сжигаемой в кострах прошлогодней прелой ботвы.

Тимошке — самое время подурачиться. Возит по пахоте, оседлав, легкую длинную сухобылину от подсолнуха, прыгает через смердящие белым дымом кучи старого мусора да мешает сестре, то и дело лезет под ноги с расспросами.

— Люб, а Люб, а чего ты теперь, на тракториста пойдешь, да? Люб, а если война — и на танке сможешь, да, Люба?

— Отстань! — из глаз Любки вот-вот брызнут слезы. — Ну чего привязался, уйди...

Из дома вышел по пояс голый и с босыми ногами квартирант. Постоял, пожмурился от яркого солнца, похлопал себя по белым бокам. Потом вдруг напыжился, надул грудь, начал садиться, вставать, замахал длинными руками, побежал — и круг, и другой — по огороду.

— Люб, чего это он, а?

— Зарядку так делает,— Любка не удержалась, прыснула все же в кулак.

— Счас как зарядится, как начнет лопатой ворочать, во нам гряд понаделает, да?

Напрыгавшись вволю, квартирант подошел.

— Доброе утро. Решил с сегодняшнего дня заниматься. Неоценимая вещь! В техникуме стометровку за одиннадцать и четыре десятых бегал.

— Костя, а ты на руках можешь, а?

— Как на руках?

— Ну, вот так вот... Взять и пройти?

— Нет. На руках я не пробовал,— подумав, ответил Константин Павлович.— В этом виде не тренировался,— поправился он и обратился к Любке.

— Может, помочь?

— Да уж сами. На работу не опоздайте.

— Нет, правда. Если надо — могу.

— Не надо.

— Нам не надо,— подтвердил Тимошка.— Мы сами.

— Если так...— Константин Павлович поежился от свежего ветерка.— Вы, Люба, приходите на стройку, беспременно. Познакомитесь. Зайдете в прорабскую, спросите меня.

— Ладно,— ответила Любка и уже вслед, спохватившись, прокричала.— А как ваша фамилия, чтобы спросить?

— Да проще пареной репы — Зайчик. Запомните?

— Запомню,— Любка ковырнула ногой ботву, чтобы лучше горела.— Неси, Тимошка, вилы, повороши. Видишь — затянуло, воздуху нет.

— Люб, а Люб, слышь: плохой он, хвостун... Ты не ходи за него замуж.

— Вот еще выдумал,— рассердилась Любка.— Давай, повороши. Мамка Зорьку подоила уже, идет.

Иная мысль, словно боль. Так и подмывает, так и стонет, и гложет. Неволя такая, тоска — не продохнуть.

А надо.

А надо идти, что-то там делать. И Тимошке улыбнуться в ответ, и мамке. Поправить подушку отцу, поставить вариться мясо, отыскать документы в комод: аттестат, паспорт... Чего еще там? Фотокарточки — тоже надо. Получше одеться, не пугалом идти по селу.

— Люб, а Люб,— я с тобой. А, можно?

Равнодушно пожала плечами — как хочешь. Не разреветься бы только.

— Ну, стой... Ты чего это, дочка? Как бы и — не того...

Почему? Собралась вот, чего еще надо. Платье в горошек — по белому полю черным рассыпано; документы в руке — аттестат; туфли надену — выпускные, совсем еще новые туфли, раз всего надевала... Ну и как, ничего? Сойдет для конторской работы? Сойдет.

— Я... Пошла...

— С богом, дочка. Ни пуха тебе, ни пера.

Подавала документы.

— Специальности нет? Жаль — такая девчонка. В бетонщицы только, не сладко. Пойдете?

— Все равно.

Воткнулась, как живое семя в суглинок, в жидкий бетон; не провернуть лопату, не вытащить.

2.

Таежка. Она начинается там, где никто не бывал. В горах, где голыцы, покрытые толстым панцирем льда; где стылое небо, опершись на скалистые перья, дышит вечной остудой в молчаливом покое.

Таежка. Сочится по капельке, по невидной слезинке от солища. Кап да кап, кап-кап-кап — вот и лужица на обмороженной, мертвой, бесплодной земле... Ручеек. Очень малый, не звонкий, совсем безголосый. Наклонился горный баран, сунул кирзовый нос — и нет ручейка. Только влажно блестят голыши на дне узкой канавки, соскользнувшей по склону тонкой ниточкой вниз.

Таежка... Порог за порогом. Водопады. В темных омутах дна не достать.

* * *

— Эй, Семен! Студент! Слезай вниз, начальник тебя что-то кличет.

— Доварю вот ферму — приду. Тут немного осталось.

— Я те что! Срочно, слышь; ребята доварят.

— Да иди ты...

Бригадир постоял, покусал рассерженно ус. Подошел к рубильнику, дернул ручку.

— Ты чего там психуешь? Во — зануда, — сварщик отцепился от фермы, пустил кабель с двадцать пятой отметки;

тот пружинной спиралью потянулся к земле, ровной бухтой смотался у аппарата.

Задымив сигаретой, сварщик неторопливо потянул с себя колом стоящую на спине грубую куртку.

— Сень, ну — даешь! Павлыча не знаешь: одна нога здесь, другая — там.

— Что мне твой Павлыч, зайцем, что ли, скакать?

— О-ох, студент, ты дождешься!

— Да иду.

Семен обмотал брезентовой курткой всревку — как страховали с земли стыковку с колонной, осталась привязанной к ферме — соскользнул вниз.

— Ну, Семен, — бригадир едва перевел дух. — Я те прямо скажу: хороший ты парень, но — заковырист.

— Ладно, ладно, Ефимыч... Чего он звал?

— Кто его знает, — спрятал глаза бригадир. — На другую работу вроде пойдешь.

— Во — спасибо. Понял. Баню варить? Дождались верхолазы.

— Но-но! Вести к банно-прачечному комбинату тепло-трассу — уже не работа? Специалист, верхолаз... А морозы начнутся, где людям мыться? Может, в Таежке?

— Тут на каждого чалдона по бане.

— Люди на стройку едут — эвон сколько... Да ну ты к шутам! Иди и талдычь там с ними.

Побывав у начальника участка, вволю с ним назубатившись, Семен появился наконец у места работ. Приехал на самосвале с болтающимся на прицепе САКом. Настроил аппарат, попинал трубы-сотки, наваленные вдоль утепленной уже в этом месте канавы, направился к отделочникам, поторопившимся с приездом и занятым пока на бетонных работах.

— Тетка, давай-ка сюда одну, которая пострашнее, — в помощь. Начальник велел, — крикнул он бригадире, шустрой, толстенькой, видавшей виды бабенке.

— Ишь, ему пострашней. А у нас таких нету.

— Ну, давай, которая за меня замуж после пойдет, годится — такую. Чтобы мимо тут не кобелировали.

— За тебя, болтуна, замуж — уморил! Ой, держите меня, девоньки... Ой, помру, не доживя веку...

— Мне до врезки линии — месяц, а тут только хлыстовать семерым. Хиханьки с тобой разводить! — попытался отбрить Семен.

— Псих какой, погляди-ка — замуж... Вот как выделю начальникову жену, будешь знать — психовать. Приструнит. Люба, иди-ка.

— Эта самая страховидная? — не остался все же в долгу Семен. — Да вроде бы нет, ничего. Ну, пошли.

Работа подручной сварщика не особенно пыльная, с бетоном тут не равняй. Подкатила парочку труб, выложила на поперечины у края ямы, сварщик прихватил их с разных сторон, и сиди знай, покуривай. Не куришь — ворон можно считать. Затем таким же манером еще трубу, да еще. Из пяти сваренных труб получается хлыст. Этак метров за сорок. Приподняли за поперечины, хлыст покотился в яму, лег в приготовленную постель — на бетонные чушки. Технология — «дважды два», козу обучить можно. Вся работа зависит от мастерства сварщика да от длительности перекуров. Потому и просил Семен, вовсе не шутя, выбрать ему напарницу не такую «чтобы уж очень», поскольку работу свою сварочную — чтобы шовчик литой, безотрывный — уважал, и если начинал варить, «вкалывал без дураков», а тем более без всяких там неуместных в деле амуров. Тут одно другому только кровь отравляет: какая любовь, как и работа, мимоходом, без удовольствия? Черт те что получается.

Первый хлыст изготовили без сантиментов: «Поправь, поддержи, доверни». Девчонка работала споро, не стрекотнет, деловая попалась. Столкнули хлыст в яму. Семен пристроился покурить.

— Мало вам дыму? — заметила вдруг. Не без улыбки.

Вот. Похвали только, даже в мыслях. Застрекотала.

— В этом дымке, к примеру, — Семен покрутил сигарету у глаз, — жирности восемь процентов.

— Вот как? А почему не шестнадцать?

— В сварочном дымке — до шестнадцати, — Семен с интересом посмотрел на напарницу. Стрекоза.

— Потому у нас женщины и не работают сварщицами, все больше лопатой?

— Которые — опасаются. Талию берегут.

Щелчком пустил в небо окурок. Принялись за следующий хлыст. Столкнули.

— А как между собой соединить? Несподручно. Такие длиннющие, в яме их не покрутишь.

— Ты гляди, — удивился Семен. — Сообразила.

От удивления даже забыл закурить.

— Давно на стройке?

— Третий месяц.

— Смотри.

Семен приподнял над ямой конец одного из хлыстов — длинная труба изогнулась змеей, — подсунул под нее слегу. То же самое сделал с другим хлыстом. И соединил их между собой. Легко, одним касанием повел по окружности электродом, задержав на мгновение местах в четырех. Оторвав электрод, подсел под трубу, поставил в самом низу пятую точку. И тут же САК взревел на полную мощность. Дуга пошла неотрывная, медленная — снизу вверх; и еще раз снизу доверху с другой стороны.

Показал из-под маски улыбающееся лицо. Потянул сигарету из пачки, прикурил от неостывшего еще электрода.

— Поняла?

— Да-а, — протянула Люба. — Ловко это у вас получается.

— Хочешь попробовать?

— Да вы что! — замахала руками она. — А можно?

— Сказал — научу. Дело не особенно хитрое. Для начала главное — руку набить. У женщины рука легкая, чуткая, дугу ровную держит...

Люба слушала сварщика, что говорится, «во все глаза», даже щеки зааделели от интереса.

— Рот закрой, ворона влетит, — подсмеялся Семен. — Слушай... А чего это она тебя, бригадир ваша, вроде бы как женой начальника обозвала?

Искорки в глазах Любы стусеивались, притихли.

— А что это вам?

— Да — просто... Тебе сколько лет?

— Восемнадцать. Будет.

— Так с чего ты? Женихов не нашлось?

— Константин Павлович хуже всех, что ли?

— Да нет, мужик как мужик. Глуповатый слегка, без юмора — не по мне. Я живых как-то больше предпочитаю. Вроде тебя.

Люба потупилась.

— Папаня велел.

— Мо-ло-дец, — протянул Семен. — Ну так что?.. У вас все здесь такие?

— Помер он. Умирал, так велел. Сказал: год пройдет, сыграете свадьбу... Уже месяц, как помер.

В правом верхнем отделении комода, где хранились пожелтевшие от времени пачки старых бумаг, семейные фото-

карточки и пуговицы, Тимошка отыскал небольшую картонную коробочку.

— Мама, эти, что ли, медали несли на подушечках?

Мать подошла, отобрала коробку. Задержалась, сглотнула застрявший в горле комок. Сунула в комод обратно.

— Эти, что ли?

— Эти, так что?

— Дай...

— Чего еще выдумал! Ну-ка, пошел... И чтобы не слышала больше.

Насупившись, Тимошка присел на лавку, выжидая, пока мать уйдет из избы. Затем подбежал к комоду, вытащил из коробочки первое попавшееся и сунул это, холодящее и царапающее голый живот, за пазуху под рубаху.

Во дворе он долго рассматривал медаль, прочитал написанное на ней: «За отвагу» и, нацепив на грудь, неспешным шагом направился к сараю, где стояла Рыжуха.

— На вот, пожуй,— просипел он словно простуженным, ворчливым баском, подгребая Рыжухе сена.— Работать будем сегодня... Да, балуй мне, ишь — привереда.

Обиходив Рыжуху, пошел за упряжью в сенцы. Наткнулся на преградившего ему дорогу, косящего красным глазом, драчливого петуха.

— Но-но! — набравшись духу, толкнул петуха ногой.

Тот ошалело подпрыгнул, запоздало закричал вслед угрозы.

— Это тебе не кур забижать, все хохлы им повыщипал, гли-ка... Вот так.

Дернув с полка пропылившийся узел с шерстью, мать пристроилась на крыльце—надобно перебрать. Этой шерстью обует зимой Тимошку и дочь; внуки сносят носков этак дюжины две. К зиме старику своему она вязала носки двойные, а к стулне влетала еще и пух от собаки — нога, как в духовке, только что не парит. Такие дочери теперь надо вязать, целый день на морозе будет — поди-ка. Тимошке, тому хоть совсем без носков. Бегучий растет он, быстрый. Намаешься с ним, сорвиголова — одно слово.

Когда еще женихались со стариком, тот тоже: бой был, на бегу дыру провертит. Белку в глаз бил, по бондарному делу ипеть же — дока... В кого и Тимошка... Ишь, медаль ему дай; мол, я тут хозяин. А ножонки, что спички твои, нос

заострился — томится. Прямо беда. Мальчонке в доме без мужика — последнее дело.

Старуха вздохнула, глянула на закатное солнце: вот-вот и померкнет, уйдет в глубь тайги. К вершинам лиственниц привалилось, щурит глаза.

— Тимоша... Тимошка, варнак! — мать погукала в пустоту, собрав шерсть, заспешила к плите. — Ну, погоди, сорванец, придешь.

Поворчав, для порядка задела и дочь.

— Шлсндают где-ка, а ужин — томись. Беги, сощипни лучку поживей, Константин скоро с работы придет.

— Люба вернулась с пустыми руками.

— Мама, Рыжуха-то где?

— Где-ка ей быть... Да неуж и Рыжухи-от нету?

— И телеги, мам, нет.

— Ай, дурья моя голова... А он мне талдычит; все утро в уши жужжал: дров да дров. Чем станем топиться, осень в окна глядит. Ай, варначина. А и верно — на заимку поехал, ай-ай-ай... — запричитала старуха.

Люба медленно потянула с лавки платок.

— Мама, мам... Там сейчас брода нет, у насосной — плотина. Там же водозабор.

Тимошка, сидя на валуне, оглядывал вздутую речку. На том берегу, у плотины, в дощатой будке ревели моторы. Утром на переправе телега всплыла; чуть — и колесами вверх бы. Хорошо, Рыжуха силенок скопила.

Теперь не всплывет, березовыми кругляшами загрузил под завязку. Хотя, надо думать: как-то Рыжуха, осилит ли? На камень наскочишь, и того, и — копец.

Выше по течению какой-то чудак рыбу по-интересному удил. В грубой брезентовой куртке, в трусах, а вместо удилица в руках — лодочка-поплавок. От берега оттолкнет и держит за леску, а крючки-мохнатушки прыг да прыг по воде. Забаву нашел. Сейчас поймаешь, поди... Лес-то вона желтый какой, и лист на землю кружит. Добытчик.

В это время у лодочки что-то блеснуло и шлепнулось в воду. Лодочка задергалась вдруг, заплясала, и ее понесло по течению. Крючки-мохнатушки приблизились к самому валуну.

— Рыба, смотрите, хариус! Вона сидит!

А тут из-под валуна ломануло — брызги пошли. И леску тотчас захлестнуло, задергало разом в обоих местах.

Ис помня себя, Тимошка — в сапогах и кепке — ухнул под валун с головой.

В Таежке водица — ледяная слеза. Ноги окунул — на макушке волосы дыбом встают; шапку обеими руками держи — улетит. Потому, когда Семси выдернул Тимошку из речки, сразу заставил раздеться. Наладил костер.

— А рыба? — стучал «зуб о зуб» у огня Тимошка. — Рыба ушла? Во какая была! И хвост — в две ладошки, видали?

— Заядлый ты, брат... Рыбачишь с отцом?

— Рыбачил. А вы вилкой лучили? А сетью?

— Я, брат, больше на мошку люблю, — смотав остатки оборванной лески, Семен принялся рыться в рыболовном мешке. Достал помидоров, колбасы, хлеба.

— Закусим.

— Не, я утром налопался во как, — Тимошка надул до упора живот, не живот — барабан, постучал по нему кулаком. — Звенел аж!

— По вечерам, брат, заправляются тоже.

Пока ели, молчали. Не до того, не до разговоров было Тимошке. Березовые кругляши, они сами в телегу не прыгают. А тяжеленные, ужас! Хоть и был с утра барабан — подвело.

— Конь твой, братец, хлеб ест?

— То не конь, Рыжуха это — кобыла.

— Да? А ей можно кусочек?

— Удила отстегни, пусть жует, — милостиво разрешил Тимошка. — И соли насыпь на краюху. Она поработала. Молодцом, зверь — не кобыла.

— Смотри-ка... А как их, удила, отстегнуть?

— Э-э, кулёма. Видать, городской?

— Винюсь, как раз в этом — виновен. Кстати, как тебя, брат, зовут? С Рыжухой, как видишь, мы уже подружились.

— А помидоров еще нет? Вкусно. У нас в Подтаежке такие не растут. Городские.

— Там в мешке есть. Возьми.

— Благодарствуем... Зовут меня — Тимофей Егорыч.

Возле развилки Любу нагнал вездеход. Одна из дорог, давно наторенная, убегала в обход небольшого болотца, другая — мягкая, рыхлая, пробитая нуждами стройки, шла от села напрямую к насосной, пересекаясь со старой дорогой у самого брода.

От насосной к горам, подминая тайгу, там и сям угро-

жающе топорщились на взметнувшихся ввысь черных колоннах фермы будущего завода. Вдоль свежей пахоты дороги, разрезая болото, словно прилегли отдохнуть на закате, утомленные дневной суетой, гигантские металлоконструкции высоковольтной передачи.

Вездеход тормознул у одного из чудовищ. Откинув дверцу, поглотил Любу и пополз просекой, пережевывая измятые кочки и болотную грязь.

— Займки ваши скоро снесем,— пообещал Любе, повернувшись с переднего сидения, Константин Павлович.— Там— белая глина, будет карьер.

Константин Павлович был сердит и издерган. Намереваясь после ужина самолично «прострелять» основания для колонн — теперь не успеть. Все наспех, бегом. А завтра чуть свет — в город. Работа...

Выпрыгнув из болота, вездеход преодолел Таежку, мигом домчал до займки.

— Где же Тимошка?— Люба обежала избушку, толкнулась к поленнице оставшихся еще от отца, впрок наготовленных дров.— Тут все расшевелено. А вот и след от телеги... Где он?

— Давно уже дома или мячик футболит — известно,— Константин Павлович, досадуя, что зря убил время, хотел добавить про бабью блажь, но воздержался, смолчал.

— А дрова?

— Дрова. Мог кто-нибудь взять.

— Не-е-ет. У нас это — честно. Кто же возьмет? Вот не знаете, а говорите,— из глаз Любы брызнули слезы.— Он такой... Он тут был, Тимошка.

Константин Павлович махнул шоферу рукой: «Заводи»,— и полез обратно в машину.

— Лучше дать крюк маленько, зато Рыжухе сподобней. А прямо чавкать — грязь да вода,— рассудил у развилки Тимошка.— Потерпим, помидоров натрескались, чего нам... Сень, тебе рыбу жалко?

— Не велика, брат, беда. Поймаем еще.

— Не-ет. Тебе не жалко се ловить? Она, слышь, Сень,— живая. Глазами на песке луп-луп и молчит. А потом как поддаст хвостом, как подпрыгнет, сердяга. Мы когда с папаней ловили, так я маленьких отпускал. Пусть их — живут, а?

Семен усмехнулся. На такого рода вопросы он едва успевал отвечать. На его же единственное, заданное мальчонке,

когда тот надел высушенную у костра рубаху, за какие-такие заслуги получил он медаль, Тимошка так невозмутимо ответил: «За отвагу, не видишь?» — что Семену вдруг стало стыдно за свой насмешливо-иронический тон. И он сразу поверил, что через речку они переправятся запросто, и что это дело для них вообще — «раз плюнуть».

Такой вот занятный попался пацан, хоть плачь с ним от смеха.

— Сеня, ты в городе часто бываешь?

— Бываю.

— А ты не начальник, Сень, нет?

— Я — верхолаз, брат. Видишь — колонны, фермы вверху. Это я их поставил.

— Иди ты?.. Даешь! Значит, тебе можно верить. Сеня, привези мне «Чапая». Может, купишь, я денег дам, а? Свои, чесслово, — скопил. Или так бы хотя, почитать. Не порву, ты не бойся. Я их, книги, ужась люблю как. Я и Костю сколько просил, и Виктора Поликарповича. «Ах, забыл да ах, нету», — сам знаешь, начальство. Такие зануды.

На этот раз Семен все же не выдержал, схватился за живот. От смеха даже заломило затылок и спину в том месте, которым он, стоя по грудь в ледяной воде, упирался в телегу, помогая Рыжухе. Нет, этот парень положительно решил его доконать.

— Сень, ты это чего? — Тимошка, опершись на оглоблю и приподнимаясь на цыпочки, сунул ладонь под потник. — Покурим. Вишь, запалилась кобыла... Так не привезешь?

— Какой разговор — привезу.

— Ага. Я тебе, Сеня, верю.

— Электрод — это, брат, присадка. Нагреваешь им сталь, получается сплав. Соединение. Испытываешь на изгиб, на разрыв: металл по живому рвется, а по сплаву — ни-ни... Понял?

Тимошка кивнул. Показавшимся из-за зубов языком поддразнил сестру. Гляди, мол, сейчас такое сварганю!

— Держи маску. Давай.

Искра, не ставши дугою, погасла.

— Да он, Сеня, прилип.

— Трудись, брат. Это тебе не рыбу вилкой лучить.

— Да и там: нелегкое дело. Однако, не хвастай: тоже — смогу. Вишь, как полыхнуло. Люба, гляди-ка.

Люба, дрогнув подбородком, сморгнула.

— Константин Павлович, смотрите, идет. Прячься скорее, сварщик.

— Еще раз! Ну, Сеня,— полстолечка?..

Константин Павлович подошел, прыгнул в канаву. Присел там у хлыстов, осматривая сварные швы.

— Семен, это что тут такое?.. С похмелья работал, болен? Семен спустился к начальству.

— Это?.. Знаешь, простыл слегка на рыбалке. А что, шовчик — сойдет. Не так уж и плохо.

— Заболел,— иди на больничный.

Выбравшись наверх, Константин Павлович постоял, поглядел на Любу. Подумал.

— Для обучения сварочному делу, кстати, нужно иметь специальный допуск, Семен. И потом... Тебе, вроде бы, в отпуск положено?

— Хочу с сессией совместить.

— Ладно, посмотрим,— начальник помолчал, еще раз глянул на Любу. Но, ничего не сказав ей, ушел.

— Во — гусь, видали?— Тимошка выполз из-под лотков, сваленных неподалеку от теплотрассы, цыкнул зубом.— Сень, кончай на начальника да хвоста ему накрути. Ладно?

— О чем речь, это мы — мигом. И трех лет не пройдет.

Семен протянул Любе сварочную маску, подмигнул Тимошке.

— Трубу, брат!.. Надевай, Люба, маску — продолжим... Соединили, держу.

Вспыхнувшая дуга бросила по сторонам от напряженных фигур и взревевшего САКа голубые веселые тени.

3.

По долинам еще в полдень — оттепель; красногрудый снегирь к жилью не выпорхнул; а в Подтаежке петухов в теплые стайки упрятали; дым из труб непоколебленно белым столбом стоит. Закуржавела тайга.

Ядрена зима на Таежке, забориста.

Рвет Таежка ранние забереги; в самый лютый мороз — горяча и вольна бежит.

* * *

На Наума — первое декабря — совпало шесть месяцев, как помер старик. Помянуть приятеля пришел Виктор Поликарпович, совхозный парторг. Пригласили кое-кого из родни, хрестная Тимошки из города приехала, сыновья собрались.

Пророк Наум наставляет на ум — оно известно. Раньше в этот день отдавали детей в ученье, и, наверное, потому, после рюмки и воспоминаний о прошлом, скорее обычного к живому придвинулись.

А тут — всякому хотелось свое сказать.

— Я так полагаю, что затея со стройкой для Любы — не самый выгодный вариант.

Гостья из города, промокнув сухие глаза духовитым платочком, завела разговор.

Обряженный в чистую рубаху и привезенные хрестной ботинки из города, Тимошка перестал ковырять в носу, насто-рожился.

— Господи, раз уж так получилось,— всхлипнула мать.— Знатье бы.

— У девочки натура гуманитарная. А куда вы ее?

Заговорили все разом, как водится в компании, мало друг друга слушая. Закряхтел и Виктор Поликарпович, нацедил себе чаю из самовара, но пить не стал. Принялся разминать заскорузлыми желтыми пальцами беломорину.

— Что это для девочки — бетон да железо! Чем лучше подойника в старые времена? Любаша!

— Я, тетя, на стройке хочу.— Люба впервые подняла глаза от стола.

— Бог мой, да что там такого? Хотя бы в конторе — куда ни шло.

— Мне нравится, тетя.

— Ей нравится,— встрял в разговор Тимошка.— А Сеня сказал...

Но его подтолкнули братья, затерли: «Чего нам тут Сеня! Гли-ка — авторитет».

— В конторе — вот-вот,— подхватила и мать,— Константин вона скажет — звали в контору.

— Да, разумеется... Но Люба не хочет. Своим умом, так сказать, собирается жить.

— Люба сварщиком хочет! Люб, скажи им...

— Девочка,— заворковала гостья, прерывая Тимошку,— Люба. Разве девичье это дело? Боже мой, сварщик... Ну — для тебя? Не суп варить, не картошку...

— А Сеня сказал...— решил настоять на своем Тимошка.— Сплав — это который живет живого; там рвется, здесь — нет.

Братья шикнули, припугнули: «Вот треснуть тебе, будешь знать!»

«Э-эх! — со вздохом подумал о хрестной Тимошка.— А

еще городская...— выбравшись из-за стола, содрал с ног ботинок, пинком загнал под кровать.— Вот так вот».

Послушав такие дела, повертев в руках папиросу, Виктор Поликарпович направился охолонуться на улицу. На крыльце засмолил, увидал Семена. Тот мялся возле дома с красной книжкой в руке, не решаясь войти.

— А-а, студент. Чего не заходишь?

— Виктор Поликарпович, вызволи мне там на минутку мальчонку.

— Тимошку... Мда-а, «Чаяная» привез — дело. Давай, передам.

— Э-э, нет.

— Ишь, злоумышленник. Спелись? Однако, вызову на минутку... А то — заходи.

— Да нет...

Обратно Тимошка ворвался впереди клубов пара, сияя.

— Люба, гляди-ка! «Чаяная»! Эл-ля!..

А через минуту неприметно исчезла из дома Люба.

— Виктор Поликарпович,— хрестная услужливо придвинула стул, усадила рядом с собой парторга.— Согласитесь хоть вы. В этом деле нужно трезво смотреть на вещи.

— А именно?

— Какой с нее сварщик!.. Ну, нельзя такой сложный вопрос доверять на разрешение самой Любе. Есть, наконец, здравый смысл...

— Так, так... Вот за здравый смысл мы с вами сейчас и выпьем,— оживился парторг.— Как раз в здравый смысл я и верю... И в сердце ее.

Виктор Поликарпович хитро усмехнулся, подал гостею рюмку с вином.

— Люб, а Люб... Слышишь, Люба?

— Ну, чего? Пойдем скорее, ноги замерзли. Давай портфель понесу.

Тимошка с возмущением поглядел на сестру; делая изрядный крюк, он всегда заходил за ней после школы.

— Вот еще! Али я — не мужик?

— Мужичок,— засмеялась Люба.

— Люба, ты этого, слышь, отшей-ка... Павлыча твоего. Чего он на тебя — как баран? И глаза у него бараньи.

— Чудак ты, Тимошка.

— Ну и пусть. И чудак. А скажи ему — пусть не смотрит. И мамке скажи. Люб, а? Ладно?

— Мне-то что?

— Вот и нече... Скажи. А то — мылится, ишь — нашелся!

— Смотри-ка, вон Виктор Поликарпович,— чтобы отвязаться от разговора, подтолкнула Тимошку Люба.— Виктор Поликарпович, пойдемте домой.

Парторг стоял возле свежих холмиков выброшенной из ямы земли, тыкал в яму железной палкой.

— Вы чего тут, домой пойдете?

— Домой... Ах, домой,— очнулся от задумчивости Виктор Поликарпович.— Конечно, конечно. Вот сейчас и пойдём.

— А чего тута будет?— любопытный Тимошка сунулся к яме.— Э-э, тут бетон.

— А будет тут, парень, у нас — кормоцех. Вот такое великое дельце. Установим машины, а это — бетонная стенка. Понимаешь?

— Ага,— покачал головой Тимошка.— Что я, без тямю?.. Кумекаю, не без того.

— Вот и я стою тут, кумекаю... Однако — дал маху. Присил у строителей бетон по теплу, не дали. Своя там запарка. А сейчас вот — морозим. Он весной потечет.

— Потечет,— согласился Тимошка.— Раз замерз — потечет.

— Вот задача дурной голове,— сокрушенно вздохнул парторг.— Непременно потечет ведь, собака.

Люба, сочувствуя горю парторга, подошла, стала рядом. Теперь думали и сокрушались втроем.

— Виктор Поликарпович, а вы его как — с арматурой ложили?

— Бросаем железки, что толку?

— Толку нет,— подтвердил и Тимошка.

— А если ее соединить, арматуру — и под напряженье, под ток. Вот, смотрите,— принялась Люба чертить на снегу.

— Ну, чего ты городишь...

— Смотрите, смотрите. Цепь замкнулась — спираль. Как утюг или плитка.

— То утюг... Здесь какую силищу надо.

— А трансформатор, Виктор Поликарпович,—сварочный аппарат?

— Ага!— озарился вдруг и Тимошка.— Вона взять электрод. Как залипнет, весь красный, гудит аж!

— Вот и то — что гудит. Греть-то, может, и будет. Так ведь вот, погудит да сгорит.

— Чё сгорит, чё сгорит. Пусть-ка греет, он на то — аппарат. Сеня скажет!

— Ну, Тимошка... Друг твой где?— оживился парторг.— Веди-ка сюда студента. У него голова посветлей.

— Где? Известно,— в столовку пошел, щи лопать,— облизнулся Тимошка.

— Беги. Живо, парень, беги! Это — дело...

Прибежал взбудораженный Тимошкой ничего не понявший Семен.

— Что у вас, что такое?

Виктор Поликарпович рассказал, с надеждой уставился на Семена.

— Как считаешь? Мысль или так — бред сивой кобылы?

— Почему, не бред,— ответил Семен.— На всех северных стройках при пониженных температурах бетон этим способом греют.

— Ты это того — серьезно?— недоверчиво уставился на Семена парторг.— Не смеешься над стариком?

— Заливайте бетон с металлической сеткой, поклянчите у Зайчика аппарат и жарьте. Чего тут мудрить... Велосипед изобрели, милейший,— засмеялся Семен.

— Да-а?.. Так ведь это она, Любовь вон Егоровна, слушай, нам подсказала такое. Вишь, все оно как..

— Любовь?..

Семен обернулся к Любе. Как бы с недоверием и изумлением принялся смотреть на нее.

Она зябко поежилась; не от мороза, от необычного взгляда.

— Любовь, говорите?

Семен подошел к ней, забрал ее маленькие зябшие руки в большие свои.

— Откуда ты знала?

Не ответив, она неуверенно шевельнула плечом.

— Не знала?.. Молоток. Мо-ло-ток — Любовь ты моя, Егоровна. Эдисон ты мой, Эдисон...

«Во — дает,— возмущился Тимошка. Он отвернулся вдруг, засопел, независимо цыкнул зубом.— Ну, Семен... И этот туда же. Расскажи — не поверят. Ну — дела!»

Виктор Поликарпович постоял, поглядел на уже обозначившуюся в яме бетонную стену и, забыв бросить тяжелую железную палку, держа ее наперевес, словно ружье, тронулся с места. Едва не переходя на рысь, засеменял к виднеющемуся вдалеке невысокому белому зданию стройуправления.

Поэзия

Степан Сарыс-оол,

народный писатель Тувинской АССР

СЛАВЛЮ СВОБОДУ!

Славит Свободу седой Монгулек,
славит Монгун-Тайга.

Славит ее на монгольской земле
вечно прекрасный Хангай.

Славят и песни ее, и стихи,
и шумы степной травы...
Друг друга приветствуют пастухи
Монголии и Тувы.

Кто нас привел на крутой перевал,
к сияющей синеве?
Русский народ нам путь указал —
Монголии и Туве!

Можно ль забыть, как из сумрачной тьмы
встала для нас заря:
свет из России увидели мы,
родины Октября!

Было тогда мне тринадцать лет,
горькому сироте...
Слову «Свобода» рванулся вслед
к солнечной высоте,
первую песню запел тогда,
голос с годами креп...

Славил я новые города,
полей наших первый хлеб.
Песни народа прекрасней нет.
Лейся, дружества песнь!
Славим в Монголии — Эрденэт,
Саянскую славим ГЭС!

Братством земным тропа началась
туда, где блещут лучи:
звездное братство славим сейчас
Джанибекова, Гуррагчи.

«Родина слышит». --голос Москвы,
зов высокой орбиты...
Песни Монголии, песни Тувы
с песней России слиты.

САЙЗАНАК

Цветные камушки из речки Сайлыг-Хема,
волною брошенные на берег со дна,
ты собрала. Ты строишь сайзанак.
Так создают бессмертные поэмы.

Из глубины веков старинная игра
дошла до наших дней, бесхитростно мудра,
наполнена мечтой и жаждою уюта:
из камушков цветных там крошечная юрта
такой же каменной семьей населена,
стать в ней хозяином зовет меня она,
беречь и охранять от зол, напасти лютой, —
в ней детства чистота, в ней сладкий сон малюток...

«Не троньте сайзанак!»—я чту завет веков.
«Не смейте разрушать!»— запрета смысл таков:
священен на Земле любой людской очаг —
война и взрывы бомб, не троньте сайзанак!

...И я мальчишкою доверчивым стою,
любуюсь на игру бессмертную твою,
готов в нее войти — подай мне только знак...

Но ты молчишь. Ты строишь сайзанак.

ЯГОДЫ

Вешний цвет еще не опадет —
ягодник в тайгу людей зовет.
Вот и лета красного зенит —
ох, как зелень ягод нас манит!

Вы куда, куда, озорники?..

Если б только дети!..

Не с руки

взрослым — но ломают, топчут, мнут,
зверь лесной разумней был бы тут!

Не хватайте! Полно зелень рвать:
попытайтесь все сперва назвать —
ягоды, орехи и плоды,
чтобы детям не принести беды...

Не спешите: ждите знойных дней,
но чтоб ночи стали холодней,
вот тогда Таңды богатый мой
всех вас щедро одарит, с лихвой!

Только, люди, берегите их,
корни хрупки — не губите их,
чтобы после будущей весны
были ваши ведра вновь полны.

Славьте щедрый дар земли родной,
чтоб и дольше в кладовой лесной
было место ягодам, грибам
вашим детям в радость, да и вам.

А зима суровая придет —
теплый запах лета к вам дойдет
от запасов ваших кладовых —
витаминов солнечных, живых.

Юрий Кюнзегеш

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

В память знаменитого поэта Земли,
сенатора Чили Пабло Неруды

Звенящие, как струны чадагана,
стихи бессмертны. Смертен человек.
Он умирает, поздно или рано.

Стихи твои — как волны бурных рек.
Стихи твои — подобны Кордильерам.
Не удержать, не уничтожить их вовек.

В них Сталинград с его живым примером,—
ты светлой веры, друг, не потерял,
когда над миром было небо серым.

Когда на нас жестокий враг напал,
к нам долетала песнь твоя, Неруда,—
далекий голос друга долетал.

Мы помощи не ждали ниоткуда,
мы оплатили кровью каждый шаг.
Мир мы спасли. И это ли не чудо?!

Твои стихи взвились, как гордый стяг,
когда на горло твоего народа
ногою наступил кровавый враг —

знакомая фашистская порода.
И вновь твои стихи — призыв к борьбе,
чтоб воссияли солнце и свобода.

Как не завидовать такой судьбе:
вся жизнь твоя — торжественная ода,
нерукотворный памятник тебе!

ПЕСНЯ

Тракторы умолкли. Стало тихо.
На бригадный стан спустилась ночь.
Загрустила наша повариха,
и никто не знал, как ей помочь.

Лишь один Чульдум сел рядом с нею,
на нее влюбленно посмотрел.
Ей сказал, что нет ее милее,
и запел... Да как еще запел!

Так запел, как будто заалела
красная рассветная заря.
И... лицо девичье просветлело,
вспыхнуло, как маков цвет, горя.

Трактористы подхватили звонко,
подхватили песню кто как мог.
И она, красавица-девчонка,
в хор мужской вплела свой голосок

Песня поднималась выше, выше,
песня становилась все звончей,
и мигали звезды, песню слыша,
звездам ярких девичьих очей.

ТООРА-ХЕМСКОЕ ЛИРИЧЕСКОЕ

Вот хариус резвый затеял игру,
плывет, к ледникам поднимаясь.
И мечет в прозрачных потоках икру,
прохладной водой наслаждаясь.

А юный пастух, захмелев от любви,
летит по зеленому лугу.
Сердца замирают, как песни свои
поет про любовь и подругу.

Лихой его конь, Самнаар, быстроног, —
мчит, юрту вдали различая.
Он знает: там свататься будет седок
за чашкой тувинского чая.

Пусть хариус резвый плывет и плывет —
что стоит серебряной рыбке!
А ты, если милый к тебе подойдет,
откажешь ли в нежной улыбке?..

Олег Сувакпит

ТУВИНСКАЯ ОСЕНЬ

Тувинская осень щедра и богата
обилием красок и сочных плодов.
Струится на зорьке туман розоватый,
сползая в долины с высоких хребтов.

Каникулы кончились.

Едут студенты
высоты серьезных наук штурмовать.
Дома затихают в такие моменты —
детей нелегко в дальний путь провожать.

Цветы, что так ярко на склонах сияли,
склоняют головки —

текут семена
на землю, и снова покроются дали
коврами цветов, как вернется весна.

Речушки, что летом приветно светились
и словно смеялись, притихли сейчас.
Поля опустевшие словно забылись,
живительных сил сохраняя запас.

Над ними летят журавлиные стаи
и тают вдали.

Отдыхает земля,
готовится новые дать урожаи,
колосьев волну расплеснуть на поля.

В кедровниках шишки вскрываются с хрустом —
орехи созрели, пора собирать.

На листья зеленые клонится грустно
брусника —

в туманах ей зябко, видеть.

Стада на осенних лугах отдыхают.
Костры, словно дальние звезды, в тайге:
должно быть, охотники их разжигают.
Призывно маралы трубят вдалеке.

Родная Тува и в осенних туманах
безмерно прекрасна и к людям щедра.
Земле, что в работе была неустанной,
теперь отдохнуть, отоспаться пора.

РОДНОЙ МОЙ УЛУГ-ХЕМ

Под небом необъятным,
то синий, то стальной,
течет спокойно, плавно
мой Улуг-Хем родной.

На дне реки глубокой
луга подводных трав
колышятся,

земные
цвета в себя вобрав.

Там косяки цветные
мелькают под водой:
нырнешь — и рыбы словно
играть хотят с тобой,
зовут соревноваться,
кто плавает быстрее...

Река моя, наверно,
нет берегов пестрей,
чем у тебя.

Привольно
и гордо ты течешь
и на спине широкой,
натруженной несешь
большие теплоходы
к далеким городам...

Ты — как дорога жизни
к неведомым мирам.

КЛЮЧ

Шагал я следом за тобой,
тебя совсем не замечая.
На тротуаре ключ стальной
увидел.

Быстро нагоняя
тебя, я крикнул:

— Может, ваш?
— Мой? Правда, мой... Да, обронила.
Спасибо, — ты сказала мне,
улыбкой одаряя милой.

А дальше вместе мы пошли.
И ты смеялась без умолку.
Потом у дома твоего
мы говорили долго-долго.

И я почувствовал — влюблен...
Потом я тенью за тобою
ходил, стихи тебе писал.
Моя душа и нынче ност...

Я не нашел ключа к тебе,
твоя душа не приоткрылась.
И для меня тот давний смех —
твоя единственная милость.

Монгуш Кенин-Лопсан

ОГОНЬ-ТВОРЕЦ

Я в древнем племени рожден,
в роду сказителей-певцов,
я с детских лет был приобщен
к поверьям дедов и отцов.
«Огонь — сын Солнца на земле,—
учили старшие меня,—
живой нуждается в тепле,
чти духа доброго Огня!»

Я помню: первые летят
снежинки с низких облаков,
и льдинки-зеркальца блестят
вдоль енисейских берегов.
И зябко всем уже с утра —
и человеку, и коню.
Решают старики:

«Пора
молиться на зиму Огню!»

Они-то знают, старики:
накажет небо, не простит
того, кто, вере вопреки,
огонь, как надо, не почтит.
Не уделит кусок еды,
ни капли чаю не плеснет...
Забыл обычай — жди беды:
кого-то в юрте смерть возьмет.

В потоке дел и новостей
тот день я в памяти храню,
когда бедняк и богатей —
все низко кланялись Огню.
Сам грозный бай пред ним поник
в поклоне истовом земном,
и показалось мне на миг:
мы все равны перед Огнем.

Но для заклатья высших сил
квалификация нужна.
Богатый — ламу пригласил,
бедняк — шамана-колдуна.
О, как он честно колдовал,
как, бубном бешено звеня,
глаза он в пляске закрывал,
как дивно пел он в честь Огня!

Он колотушкой колотил,
вступал с Невидимым в борьбу,
а напоследок освятил
козленка с яблоком во лбу.
«Когда внезапно,— он сказал,—
беда лихая налетит,
все наши семьи, весь аал
козленок этот защитит!»

Но что-то плохо шли дела
в тот год несчастливый у нас:
сестренка младшая слегла
и... как-то не открыла глаз.
Мой дед смертельно занемог,
земную завершил судьбу,
и волк однажды уволок
козленка с яблоком во лбу.

Мы оставаться не могли
в долине бедствий и утрат,
свернули юрту — и пошли,
пошли, куда глаза глядят.
С поклажей бедной на плечах
вслед за скотом брели во мгле,
лишь там, где полыхал очаг,
осталась ямочка в земле...

И вот прошло немало лет.
Объехав многие края,
я снова там, где жил мой дед
и где играл мальчонкой я.
Смотрю, взволнованный, кругом:
земля все та же, но она
иным, сегодняшним огнем
освещена, озарена!

Я славлю вас, творцы чудес,
герои будущих поэм,
создатели Саянской ГЭС,
могучие, как Улуг-Хем!
Народ горячий, боевой,
на землю нашу, в наши дни
вы принесли огонь живой,
зажгли бесчисленные огни.

Где, по преданью, Желтый Черт
скакал, козлом оборотясь,—
там новый город распростерт,
огнями ясными светясь.
А там, где в детстве на горе
стоял я, маленький пастух,—
пылает флаг под стать заре,
в нем жив Огня бессмертный дух!

О, если б дед мой увидал,
о, если б слышал мой отец,
как все, о чем наш род мечтал,
осуществилось, наконец!
Огонь-творец, сияй, живи
во имя завтрашнего дня,
ведь впрямь ни жизни, ни любви
не стало б в мире без Огня!

■

Екатерина Танова

С ВЕРШИНЫ САЯН

1. Песни дедушки

Струн игила вежно касались
молодые, гибкие пальцы —

это, юность, к деду вернулась ты,
и поет он, звучно, как в юности:

«Мой игил нежноголосый
из саянской из сосны.
У красотки длиннокосой
взял волос я для струны.

Не кiset пришлось оставить
возле самой вышины:
сердце девице на память
отдал в высях Самыны.

Дичи много в чащах горных —
как голодным здесь остаться?
Много кладов в кручах гордых —
что ж ходить мне оборванцем?

Если сердцу тяжело станет,
в Самыну я откочую,
удаль, волю тверже стали
там, на скалах, отточу я...»

Далеко, высоко, в вышине
прозвенела молодость деда...
К дивной, сказочной Самыне
улетаю за песней следом.

Как царица на троне гордом,
на плече отца восседаю —
а мечтаю о троне горном,
о плече Самыны мечтаю.

Годовалому жеребенку
заберусь кое-как на спину —
но ликует душа ребенка,
словно я вошла на вершину.

Звонкой песней давнего детства
горы деда остались в сердце.
Где ты, где теперь, Самына,
гор вершина, мечты вышина?

2. Думы на Саянах

Обетованная земля отцов и дедов,
Саяны вечные в сиянье седины!
Могла ли в детстве знать, что столько раз проеду
и пролечу сквозь царство Самыны?

Опять я в гости за Саяны уезжаю,
опять свидания с друзьями ожидаю
и, ожиданием совсем поглощена,
я поднимаюсь ввысь — туда, где Самына.

Седой туман, не достигая до вершины,
коснулся ласково колес моей машины.
Как на плече отца, сижу на крутизне,—
взойдя на Самыну, причастна Самыне!

Орел парит — его дворец вон там, на скалах...
Не этих ли высот в мечтаньях я искала?
Отроги Самыны — как два больших крыла,
как крылья горного огромного орла.

Итак, я на крылах орлиных облетаю
чудесные края, в которых обитаю:
богатства велики, в наследство мне даны
от дедов и отцов — хозяев Самыны.

В ларцах невидимых сокровища таятся
и человека ждут, бездействием томятся:
коснись их, сильная и добрая рука,
отдай хозяину-народу на века!

Саяно-Шушенский титан, краса Сибири —
он молод по летам, зато прославлен в мире:
вот звезд земных его рассыпались огни —
в реке моей родной купаются они.

Богатство гор — оно воистину несметно,
народ владеет им, и мощь его бессмертна.
Страна отцов моих, святыня Самына!
Твои сокровища не вычерпать до дна.

Как юрты остов—свод, надежный, легкий, прочный,
так держат небосвод, полдневный и полночный,
в сиянье ранних зорь, закатной тишины
атланты наших гор — вершины Самыны!

Стою, плененная их сказочной красою,
в высотах Самыны, над снежной крутизною,
и нежным голосом поет вдали игил,
напев мне слышится, он с детства сердцу мил:

«Что-то сердцу грустно стало —
в Самыну я откочую,
удаль, волю крепче стали
в острых скалах отточу я...»

Отзвук песни незабвенной,
ты не гасни в дальних скалах,
упирающихся в небо,
чтобы выше небо стало.
Крепче скал на скалах-сестрах
отточу перо поэта:
стань, строка, точеной, острой,
будь достойна песни деда.

РОДИНА

Ближе матери нет человека,
и роднее ее — никого.

Так ведется от века до века —
это высшее в мире родство.

Незабвенен тот угол планеты,
где ты первые сделал шаги.
Мне впервые открылись рассветы
у подножий Кызыл-Тайги.

По ее каменистым склонам
я, босая, гоняла козлят.
Эхо в скалах ее стозвонных
было лучшей из всех наград.

На ладони горы лежала
и блестела озерная гладь.
И Сут-Холя волна качала
и ласкала меня, как мать.

С той поры громкогласный Хемчик
в каждом слове моем поет.

Память светлого детства крепче
и сильнее из года в год.

Поднимусь ли в чужие горы,
в море дальнее заплыву —
вспоминаю степей просторы,
вспоминаю свою Туву.

«Где вы, Хемчик, Сут-Холь?» — окликну —
отзываются Дон, Байкал.
И играют, и слепнут блики
на вершинах Кавказских скал.

В мир огромный ведет тропинка,
что когда-то легла к ногам.
До последней своей былинки
ты мне, Родина, дорога!

Пред величием твоим в долгу я,
и его оплатить спешу.
Всем, чем только теперь могу я, —
сердцем, словом — тебе служу!

Анатолий Емельянов

ЛЮБОВЬ И СОСТРАДАНИЕ МАТЕРЕЙ

Сегодня я опять увидел мать.
Не наяву и не во сне — не знаю,
как называют точно
такое состояние человека.
Но я не спал,
отчетливо и ясно
осознавая
все окружающее и себя.
Часу в четвертом или в пятом ночи,
без всякого толчка извне
и из сознания,
вдруг, неожиданно, раскрыв глаза,
увидел я ее лицо
на расстоянии протянутой руки.
Недвижной и бесстрастной желтой маской
с закрытыми глазами

появилось оно вдруг предо мной —
таким,
как в час последнего прощанья было.
Над правым глазом бровь сместилась кверху —
так при жизни было,
когда в беседе, прежде, чем ответить,
задумывалась мать.
Я почему-то уверен был,
что стоит только чуть пошевелиться,
как все исчезнет.
Для меня свиданье это было
невыносимо мучительным,
и все-таки отрадным,
отрадно-горьким, так бы я сказал.

Застыв недвижно, затаив дыханье,
старался я продлить как можно дольше
свиданье, вглядываясь пристально
в родное лицо,
как будто в первый раз его увидел.
Мы при жизни редко
рассматриваем наших матерей.
Быть может, потому, что неотступно
идет их жизнь все время рядом с нашей
и все в них кажется для нас настолько
известным и привычным,
что, кажется, и узнавать-то больше
нам нечего о них.
А может, потому,
что больше мы заняты собою,
и своими делами,
и они для нас
всегда значительней и неотложней,
для нас,
да и для наших матерей.

Вдруг непреодолимое желанье
возникло во мне —
рукою притронуться
к застывшим неподвижно
морщинкам,
к редким белым волосам.
Так мне хотелось
мать приласкать и пожалеть,
сказать ей, как я люблю ее и помню.

Мы при жизни редко
жалеем наших матерей,
привыкнув с детства,
что это их обязанность — любить нас,
жалеть
и сострадать нам.
И принимаем все это, как должное,
как принимали
дети, и
остаемся все время
детьми для них и для себя при них.
Потом казним себя, что не успели
вернуть им те же чувства, не успели
согреть им жизнь.
И все же не бесследно исчезают
любовь и сострадание матерей —
они передаются нам,
а мы их — детям
своим передаем;
так и не гаснет
главный для нас, людей, огонь души.
Огонь святого чувства
любви и сострадания к человеку —
а без него немислим человек.

Юрий Вотяков

В НОЧЬ ПЕРВОГО СНЕГА

Баллада о кострах

1.

В ночь первого снега
ищу интонацию снега...
Неслышно снежинка
вспорхнула с плеча.
Вокруг ни движенья,
ни всплеска, ни смеха...
Ночь первого снега
для всех и ничья.

В ночь первого снега
мир словно расколот.
Деревья голы.
Скамьи пусты.
В ночь первого снега
снарядным осколком
во мне оживают,
горят костры.

2.

Осенние костры.
Шальные.
Рябиновые, с горечью внутри.
Костры шиповника,
до жизни злые,
колючие, горчащие костры.
Огонь плодов.
Костры осенних листьев.

Костры у Зимнего
и у Магнит-горы.
Среди снегов
сибирских льдистых
войны гражданской
кровенят костры.
Горят костры...
Костры осенних листьев.
Багряный с золотом,
задумчив листопад.
В нем треск сучка,
внезапный, словно выстрел,
заставит вздрогнуть,
отступить назад.

Полет листа —
в нем тысяча мгновений.
Багряный маятник —
осиновый листок,
сорвавшись вниз,
не остановит время,
но обозначит —
истекает срок.

3.

В ночь первого снега
ищу интонацию снега.
Гравюрно чернеют
заборы, дома, дерева.

Мир вздрогнул от бега.
От тысяченого бега.
От бега людей,
сокрушительного,
как шквал.

Нетронутый снег
покрывает Дворцовую площадь
Багряным по белому
стелется пламень костров.
Бегущих не слышно:
все звуки остались
там, в прошлом.
Мне виден лишь отсвет
багровый
на тусклом металле штыков.

4.

Гори, костер,
и вейся,
вейся, пламя —
дар Прометея,
полянхай во тьме.
Огонь не заковать,
не загасить штыками.
Но выковать штыки
возможно на огне.

Костры, костры —
они, как эстафета,
идут от Зимнего
и от Магнит-горы.
И пусть не первым мной
они воспеты,
но все-таки они мои,
мои костры.

Они вгрызались
в твердь Чукотки,
и жгли,
и жгли
глухую мерзлоту.
Активированный день.
— Пурга,—гласит метеосводка.
Но и в пургу
горят наши костры.
Они сродни
отцовским, партизанским,
кострам посадочным
во вражеских тылах.
И дедовским,
времен войны гражданской
кострам в сибирских
снеговых краях.

Костры — они,
конечно,
не светила.
Они лишь вдохновение огня.
Но их тепло,
как кровь по жилам,
согрело многих.
Многих — и меня.
Гори, костер.
Полметра вглубь оттает...
У мерзлоты полметра взять —
резон.
В вновь,
 и вновь
костры мы разжигаем,
как эстафету
правильных времен.

5. Отступление

Мне скажут:—В наш век НТР
 что же проще,
десяток шпуров забурил
и рванул.
Но в каждом строительстве,
в каждом,
своя есть Дворцовая площадь.

Не веришь?!

Спроси у любого,
кто первым пришел
поднимать целину.
А можешь спросить у десантников БАМа,
у тех, кто дорогу тянул
на Тайшет,
кто к Братску причастен,
кто строил на Каме,
и кто на Амуре
кострами,
простыми кострами
согрет.

6.

В ночь первого снега
ищу интонацию снега.
Мне скажут:
— Старо и не стоит трудов.
Но что есть старее
полночного звездного неба?
Но что есть новее
падения первых снегов?
...И гравюрно чернят деревья.
И скульптурен
мятущийся пламень костров.
Все на свете бывает
впервые,
но первый —
первый снег
даже в тысячный раз
будет нов.
И в двухтысячный год
будет виться
эстафетное пламя костров.

Борис Прудников

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

1.

Безмолвие больничных коридоров
с безумною надеждой на «авось»

не стало бы предметом разговоров,
когда б мне избежать их удалось.

Как человек могуч в уничтоженье,
так он бессилен ближнему помочь.
Смешались неснопенья и цветсенья.
День обратился в вечер.
Утро — в ночь.

И капают не капельки глюкозы —
исходит жизнь из тела моего.
Нет явственней и видимей угрозы,
чем эти капли в мире НИЧЕГО.

И опускает руки медицина.
И взгляд врача растерянно скользит.
На потолке, где два плафона стыннут,
рельефно проступает слово «ЖИТЬ».

2.

Трубит горнист
у моего порога.
А впереди —
гражданская война.
А впереди —
разлуки и тревоги
и ранняя густая седина.
...Пробито знамя,
и в обрывках ночи
запутался
отдельный эскадрон.
На левом фланге
пулемет стрекочет,
а левый фланг —
найди его, где он?
В мой бред опять
врываються копыта
и башлыки,
и шашки наголо..
Нет, юность века,
право, не убита.
Хотя и ей
сегодня
тяжело.

А ртутный столбик
полз за 38,
качались стены,
оплывала дверь,
и я молчу
в их штабе,
на допросе,
а за спиной моей
маячит смерть.
Я помню ясно:
снег хрустел.
Устало
затвором клацнул
хмурый конвоир.
И спину будто
пронизало жало,
заиндевелый
раскололся мир.

...И жар спадал.
Куда-то отступали
полки, штабы,
отдельный эскадрон.
Все уходило.
Изначально.
В дали.
И сохранялась
только связь времен.

3.

Кто не был никогда лишен свободы,
тот вряд ли сможет оценить ее...
В моем окне кусочек небосвода
и облаков постельное белье.

Я заключен в замкнувшемся пространстве
больничных коридоров и палат.
И доктора с завидным постоянством
о пользе профилактики твердят.

Болезнь подла.
Но быть больным подлее.
Бессилье презираемо всегда.

Какой ярлык мне на себя наклеить,
от самого себя сбежать куда?

Как низко быть
бессильным и несчастным
и, ненавидеть свой недуг устав,
ждать от других заботы и участия,
когда на них ты не имеешь прав.

4.

Плафон собой
заполнил всю палату.
Качнулись стены
в камере моей,
и выросла фигура с автоматом
по эту сторону
окованных дверей.
Должно быть,
это дед проснулся в генах.
Иначе
не могу я объяснить,
что явственно
саднит его колено
и оберст
предлагает закурить.
Он деловит
и в чем-то симпатичен.
Он не скрывает:
— Сделка.
Ну и что?
Вы проиграли.
Видите отлично. Дается шанс.
Последний шанс.
А то...

И автоматчик
у дверей маячит.
Возможностей
и компромиссов нет.
Откажет дед.
Откажет...
Это значит...
Плафон мертвящий
источает свет.

Измята простынь.
Сброшена подушка.
В окне луны
светящийся оскал.
И потолок
с бумажную осьмушку.
И на осьмушке —
«Без вести пропал».

5.

Я временно выбыл из строя.
И все-таки я виноват.
Стерильность больничных покоев...
Бездежье просторных палат...

И ветви, покрытые снегом,
бессильно скребутся в окно.
А мне бы в атаку, а мне бы
больничный разрушить канон,
рвануться,
пусть даже судьбою
упасть суждено на бегу...

Я временно выбыл из строя.
Я выживу, встану, смогу!

Виктор Сагаан-оол

**ДАЛА БЫ ЖИЗНЬ МНЕ СИЛУ
ПРЕВРАЩЕНИЯ...**

Дала бы жизнь мне силу превращения —
орлом не стал бы я, летящим в облака.
Я стал бы голосом бессмертья, воскрешения,
от смерти спас бы я дитя и старика.

Дала бы жизнь мне силу превращения —
не стал бы роскошь разводить в своем углу,
но всеми красками весеннего цветения
одел бы серую, бесплодную скалу.

Дала бы жизнь мне силу превращения —
не стал бы озером серебряным в тиши,

зато пролился бы серебряным свечением
на раны вечные, на скорбь людской души.

Дала бы жизнь мне силу превращения —
дождя не вызвал бы из золотых монет,
нет, лучше сам бы стал дождем — для орошения
спаленных жаждою степей, где влаги нет.

Дала бы жизнь мне силу превращения...
Нет, я на свадебный не поспешил бы пир:
я стал бы пламенем, грозой, бурей мщения,
я стал бы молнией, разя без сожаления
всех угнетателей, что посягнут на мир.

ПАМЯТИ ХЕРТЕКА ТОЙБУХАА

С рогами дивными архар в горах стоял.
Он мирно рос, не чая этой встречи.
Его случайно мастер повстречал.
Теперь, архар, ты обречен на вечность.

Бывает так. Не ведая того,
встречается с талантом повседневность.
Нож и упорство — больше ничего.
Саму природу поражает ревность.

Секретов нет. Чтоб камень оживал,
таланту нужен нож и память предков.

...С рогами дивными в горах архар стоял,
из каменной освобожденный клетки.

УТКИ

Стаи уток летят,
выбиваясь из сил,
так торопятся,
словно бы к празднику.
Сколько суток
затрачено —
кто их спросил?
Для чего им лететь
к Центру Азии?

ТРИАДЫ

От древних мудрецов осталось
присловье: дескать, белый свет
несовершенен,

нбо нет

у моря крыши,

не досталось

опоры небу,

а у гор

нет пояса.

Но мир с тех пор
переменился.

И сегодня

весь в бороздах морской простор,
и рудный пояс наших гор
из глубины их к людям поднят,
и от опор своих, с Земли
уходят в Космос корабли...

Теперь понять сынов Земли
те мудрецы бы не смогли.

* * *

Есть три жестоких вещи в мире,
так мудрецы установили:
скакун, что сбросил седока,
и в наводнение река,
и бросившая дом жена,
которой верность не нужна...

Как разгадать загадки эти?
Я прожил много лет на свете,
пока нашел такой ответ:
загадка древних — нам совет
на скакуна не походить,
дабы строптивым не прослыть,
уметь стихии укрощать,
уметь в любви не изменять.

Черны три вещи в мире этом,
так утверждали мудрецы:
ночь,

сажа,

дума...

А отцы

и деды бились над ответом.

В чем смысл такого изречения?

Я, кажется, нашел ответ.

Цвет сажи — войн жестоких цвет.

Ночь — рабство прошлых поколений.

А думы злобные черны

у тех, кто радость мирных лет

хотят низвергнуть в ночь войны.

Зоя Намзырай

БЛИЗНЕЦЫ МОИ...

Дочерям Уран и Чечен

Словно пестрых нитей разноцветье,

солнца блещет грива золотая.

Близнецы мои, росли вы, дети,

блеск ее беспечно заплетая.

Как бежали вы зеленым лугом —

косы льются и журчат волнами.

Глянули с улыбкой друг на друга —

и Луна, и Солнце светят маме...

Дочери, Сокровище и Мудрость,

взлет ваш удержать высокий — мне ли?

Мчитесь вдаль, любовь моя и гордость,

так, чтоб только стремена звенели.

КОГДА ТЕБЯ УВИЖУ

Мой старый друг и спутник детских игр,

когда с тобой встречаемся случайно,

то снова счастье наполняет мир.

Он полон света, радости и тайны.

Воспоминаний обступает рой,
хоть пеленою лет покрыты дали.
Я вспоминаю берег над рекой,
где мы с тобою в сайзанаке играли.

О, светлый мир доступности всего!
Из разноцветных камушков аалы...
Все может детство. Все — и ничего.

И пусть дожди наш сайзанаке смывали,
мы снова выводили на луга
из семицветных камушков отары.

Из семицветных камушков стога
нас ждут. Идем, туда, на берег старей.

И пусть морщин прибавилось у глаз,
но камни сайзанака не стареют.
Они лежат и ждут покорно нас.
И память детства наши души греет.

Светлана Козлова

ТРОПОЙ АПРЕЛЯ

Поэма

20-летию первого полета
человека в космос

1.

Двенадцатый день апреля.
Сияющий день весны.
Землю лучи прогрели.
Снега с нее сметены.
Почки выпустил тополь,
теплом дохнуло кругом...

Мальчонка малый затопал
по земле босиком.
А юная мать боится
за этого шалуна:
долго ли простудиться,
земля еще холодна!

Ребенок. Тонкая тропка.
Что будет за нею, там?..

И вдруг — по радио. Громко.
Торжественно. Левитан!

2.

Едва лишь он оторвался
от земного причала,
еще он только поднялся —
а песня уже звучала,
песня уже звучала,
славил, величала,
всей теплотой апреля
в сердце ему дышала.

И это было — начало.
Песни эфир заполнили,
песни весь мир наполнили,
сложные и простые,
искренние, открытые,
как поле его России,
весенним дождем омытос.

В огненных ритмах Кубы
они обжигали губы.
Пламенные и нежные,
они вселяли надежду,
веру в победу Правды,
в победу Мира и Света...

Теплом весенним согретая,
входила над пашней Радость,
и славил радости всходы
поэт степного народа:

«Полстолетья в мире живу,
чудеса видал наяву:
видел коней
ветра быстрее —
обогнали самолеты этих коней.

Сын полей задумчивой ржи
в космос первым путь проложил.

К Солнцу — сквозь тьму!
Слава ему!
Дай, герой, тебя, как сына, я обниму...»¹

3.

И его обнимали руки Земли,
и улыбки его над землей цвели,
и взлетали новые корабли,
и друзья ему вслед уверенно шли.
И его обнимали руки Земли...

Но однажды разжаться они не смогли.

4.

Сердце матери, голосом материнским
плачь.
Как о сыне любимом, о друге близком —
плачь.
Если голос не дрогнет и не сорвется
твой,
о владимирских соснах, столетних соснах
пой!..

Вдвое старше ты стала. В глазах светлее
синь.
Лет на двадцать — на целую жизнь! — взрослее
сын.
И путями земными, вовсе иными,
чем предвещали сны,
от тебя далеко уйдет он — во имя
новой весны...

5.

Двадцать лет летят ракеты вслед
первого космического взлета.
Двадцать лет. Всего лишь двадцать лет.
Два десятилетия работы.
И широк космический размах
в повседневном ритме наших строек,
в тех простых, земных, людских делах,
где земным возрастать еще героям.

¹ С. А. Сарыг-оол. «Славлю!», перевод С. Козловой, 1961 г.

День наш труден. В напряженье весь.
Много на Земле горячих точек.
И охотников немало есть
гибель человечеству пророчить.
Но несет космическая весть
радости побед над мраком ночи,
и опять пилотов и рабочих
к подвигам зовет партийный съезд.

Не затем мечта жила века
и земного дождалась рожденья,
чтобы космос базой нападенья
сделала враждебная рука.

Дай, Земля, решительный ответ!
Ты оттаяла. Тебя согрели
детские шаги тропой апреля
и гагаринской улыбки свет.

КОНЦЕРТ В СТЕПИ

Пахнет полынью
и контуров горных касается
бледно-малиновым
облачком нежным закат.

Стайка ребят
на стропилах у клуба качается:
пусть не достроен —
но он уже клуб для ребят.

Что за смешные девчонки!
А будут — красавицы,
звезды уже и сейчас
в их глазенках горят...

Пахнет полынью,
и контуров горных касается
светло-оранжевым
солнечным нимбом закат.

На «пяточке»
перед крохотной пыльной эстрадою
старый и малый стеснились —
ни сесть и ни встать.

Чем их сегодня
артисты из центра порадуют?
Что привезли они
в эти степные места?

...Над лебедой и полынью
медово и медленно
сумрак густеет,
но ты на эстраду смотри:
как поплывут по ней
белые-белые лебеди,
как полетят над ней
алые птицы зари!

И, не взирая
на разницу в возрастах, вкусах,
тысячеустый
послышится вздох — или зов?—
словно ответ
на извечные стоны хомуса,
на чистоту
молодых, как рассвет, голосов.

Поздно уже. Холодает.
Но гуще смыкаются
толпы народа
у стройки, вокруг «пяточка»...

Пахнет полынью,
и контуров горных касается
чуть желтовато-зеленой каемкой
закат.

Владимир Серен-оол

ЛЮБОВЬ

Венок сонетов

1

Хрустальна неба синева,
но грусть в душе моей гнездится,
мой чадаган¹ любви слова
поет со мной, звеня, как птица.

¹ *Чадаган* — тувинский музыкальный инструмент.

Салгын¹ с вершин горы едва,
туманы разогнав, примчится,
тебя я вспомню, и кружится,
опять кружится голова.

Ты днем, как солнце, светишь мне,
ты ночью, как луна, сияешь,
и наяву ты, и во сне

со мной, но обо мне ты знаешь²
Один тоскую сиротливо,
в душе печально и тоскливо.

2

В душе печально и тоскливо,
я сам не знаю, что со мной,
ты улыбнешься — и счастливо
мне светит, блещет мир земной.

Нахмуришься — мне так тоскливо,
как будто гибель за спиной,
на вечеринке торопливо
гляжу лишь вслед тебе одной.

ко всем парням тебя ревную,
стрельнешь глазами — я горю.
уходишь — тайно вслед иду я

и сам с собою говорю
мои горящие слова,
в любовном вихре голова.

3

В любовном вихре голова.
Любимая мне в танце снится.
«Ищи», — шепнула мне едва
и улетела ввысь, как птица.

Я эти услышал слова
и вслед — и не остановиться,
сквозь горы, реки — и трава
за мной шумит, волна режится,

¹ Салгын — лепкий ветерок.

орел указывает след
мне в вышине и в синей дали,
мне лебедь подаст совет:

«Ищи — мы все ее видали,
она, как песнь весны, красива!»
Мечта играет прихотливо.

4

Мечта играет прихотливо,
и нежит сон ее игру,
заря за пазуху стыдливо
все звезды прячет поутру.

И лишь моя шолбан¹, как диво,
горит — не описать перу
всех этих красок переливы,
начну слова и вновь сотру.

Хоть наяву, во сне — воочью
тебя я вижу, словно ты
преследуешь и днем и ночью

меня сияньем красоты.
«За что?» — вздыхаю, жив едва,
но это все любви права.

5

Но это все любви права,
а парни за тобой повсюду,
их воробьиная молва
звонит: «Билет тебе добуду

в театр»; «А я, скажи едва,
на лодке прокачу»; «Я буду
партнер Ваш в танце»; «Я сперва
сфотографирую Вас, чудо».

А я от ревности скриплю
зубами — но гляжу: однако
всех отвергает — и люблю

¹ Шолбан — вечерняя звезда (Венера).

еще сильней ее, и знака
все жду. О свет любви счастливой,
ее разлет, ее призывы!

6

Ее разлет, ее призывы,
а счастье в дверь стучится мне,
и звонкие любви мотивы
звенят, поют под стать весне.

Одной тобою сердце живо
и все сильней горит в огне,
и наяву, а не во сне,
судьба решается нелживо.

И переливами сыггита¹
душа поет, душа звучит,
и небо перед ней открыто,

и в светлом пламени зепит,
и все в сиянье торжества —
любовь могуществом жива.

7

Любовь могуществом жива,
а в сердце бури бушеванье,
пожар, что валит дерева,
вулкана грозное дыханье,

и, как пожухлая трава,
горит все мелкое, названья
чему не подыскать, слова
ничтожные и нареканья.

И очищается душа,
ум озарен и ярко светел,
о, как, любовь, ты хороша,

и что ж я раньше не приметил,
как на земле моей красиво,—
любовь светла и горделива.

¹ Стиль гортанного пения тувинцев — высокие трели наподобие соловьиных.

8

Любовь светла и горделива,
но у нее терпенья нет!
И я не смог сдержать порыва,
послал письмо и жду ответ.

Ответа жду нетерпеливо,
и страх берет, и жду я бед,
забыл я, как земля красива
и как прекрасен солнца свет

О милая, ответь, не мучай,
я весь измаялся в тоске,
и, как минуты в жизни лучшей,
твоих жду строчек на листке.
Вот почта. Дух не перевесть —
от милой радостная весть!

9

От милой радостная весть!
Читал — душа, как птица, пела,
а с нею мир смеялся весь,
и все сияло и звенело.

Взахлеб читал — все счастье здесь,
здесь — в строчках на бумаге белой,
и вслух их трудно произнести,
душа от счастья оробела.

«Сильна любовь, кайгал¹, твоя,
бери коня, скачи за мною,
к заре поскачем ты и я!»

Любимая — ты мне зарею,
ты мне навеки засияла —
недаром сердце угадало.

10

Недаром сердце угадало,
опять багульники цветут,
и белых облаков развалы,
как будто лебеди, плывут!

¹ *Кайгал* — удалец.

И волны бьют о берег шало,
меня качают и поют,
все мне подарок небывалый —
белек¹ твой предо мною тут.

От мамы ничего не скроешь,
глядит лукаво на меня.
«Кого вниманьем удостоишь, —

сказал отец, — тот нам родня».
И в сердце радость заиграла,
и в мире все прекрасным стало.

11

И в мире все прекрасным стало,
любовь сильнее с каждым днем,
пусть верность крепкая, как скалы,
оборонит семью и дом.

Да, жизнь сложна, невзгод немало,
но ложь и хитрость мы убьем,
чтоб чистая любовь сияла
своим немеркнущим огнем.

И я за милую в ответе,
ее в обиду я не дам,
пока живу на белом свете,
мы все разделим пополам,
и мир готов обнять я весь,
когда подруга рядом есть.

12

Когда подруга рядом есть,
не страшны горы крутизною.
Друзей, родных немало здесь,
аймак² мой празднует со мною.

Когда пойдет о свадьбе весть,
и стар, и млад придут толпою,
и кони — дух не перевесть,
нас понесут, помчат стрелою.

¹ Белек — подарок (приданое).

² Аймак — племя, район (монголизм).

И зазвелят их стремена,
и ленты яркие заплещут,
и нам небес голубизна
улыбкой светлою заблещет,
мы скачем — не остановиться.
И дембилдей¹ любви, как птица.

13

И дембилдей любви, как птица,
летит над нами в небосвод,
«Куда баштаар»² вперед стремится,
кадак³,—как белых птиц полет.

И скачет молодость, резвится,
и тут же «Волга» вдаль идет,
родителей видны в ней лица.
И все вокруг звенит, поет.

А мы всех впереди, но песня
нас настигает на лету,
звучит все громче, полновесней

и улетает в высоту,
как удивительная птица,
звенит и в небосвод стремится.

14

Звенит и в небосвод стремится,
а свадьба пляшет и поет,
кумысом досыта напиться
желаем всем, и весь народ

вокруг смеется, веселится,
так будь счастливым, день и год,
когда с тобой соединиться
судьба велела в свой черед.

Как Улуг-Хем, любовь, сильна ты,
пусть, как сыгыт, звучит твой зов,
мощней громов твои раскаты,

¹ *Дембилдей* — торжественная песня.

² «Куда баштаар» — в дословном переводе главарь свадьбы.

³ Обрядовый плат, белый или голубой.

твоя слова звучащее слов.
Во всем на свете ты права.
Хрустальна неба синева.

15

Хрустальна неба синева,
в душе печально и тоскливо,
в любовном вихре голова,
мечта играет прихотливо,

но это все любви права,
ее разлет, ее призывы,
любовь могуществом жива,
любовь светла и горделива.

От милой радостная весть,
недаром сердце угадало,
и в мире все прекрасным стало,

когда подруга рядом есть.
И дембилдей любви, как птица,
звенит и в небосвод стремится.

Куулар Черлиг-оол

* * *

Душа человека созвучна природе,—
цветенье весны или осени грусть...
Ребенок спит крепко под песни погоды,
по войлоку струи журчат, как хомус.

Я маминой песни слова вспоминаю
и понимаю теперь:
да, небо растит жеребенка —
ребенка растит колыбель.

Но все-таки,

все-таки,

все-таки...

О войлоки памяти бьется капель.
Весна взбудоражит нас тальми водами,
а осень осыплет дождями потерь.

И ты разлюбила,
и ты уходила по осени,
когда журавли покидали родные луга,
и падал их крик
на снежные горные проседи,
от скал отразившись,
летел по земле наугад.

Мне слышится в ветре
и в шорохе листьев осенних
ТВОЙ ГОЛОС, ТВОЙ ГОЛОС —
он слышится мне до сих пор.

Весенние искры надежды —
жарками Саргола
осыпались в осень
по склонам нахмуренных тучами гор.

Турпаном без пары
душа моя к небу вызывает
и кличет меж скал
и над степью,
круша тишину...
О, если б весною ушла ты,
когда все вокруг расцветает...
О, если б и тяжесть
ложились всегда на весну.
Цветенье садов, и улыбки, и птиц щебетанье —
они бы меня отвлекали от дум...
О, если б весною свершалось любви угасанье,
насколько бы меньше мы знали изломанных душ.

НА ОСЕННЕМ ПАСТБИЩЕ

И горы, и степь,
и даль до небес —
слияние неба с землей.
И к дымке заоблачной тянется лес
колючей зеленой хвоей.

Под песню хомуса взошел на Шокар,
здесь бродят по небу отары,
внизу на осинах осенний загар,

над овцами облачки пара.
Дыхание жизни и вечная высь,
как мне вас свести воедино?!

Еще одно лето упало в ковыль.
Еще один год лег морщинкой.
Вот так бы и в жизни оставить свой след,
как эта пришедшая осень — во мне.

Но время летит через зной, через снег.
Оно своих зим не считает и лет.

ГДЕ ТЕ ПАРНИ?..

Где те парни,
коней оседлают которые?..
Где те парни,
что сделают седла с узорами?..

Оттого ль не звенеть
удилам при луне,
что в деревню уже
не заманишь парней?

Стали хилыми парни,
кичливыми стали...
Они больше в квартирах
звенят хрусталами.

Так что дело, поверьте,
совсем не в коне...
Оттого не звенеть
удилам при луне...

КОЛОДЕЦ

Железо остуди водой,
а человека — добрым словом.
Найди на счастье, как подкову,
в душе колодец с добротой.

Николай Куулар

МОНОЛОГ ПОБЕДИТЕЛЯ

Нас ушло восемнадцать со старта.
но один был соперником мне.
Его номер «одиннадцать» ярко
в черной рамке алел на спине.

Утешенье мое и награда —
обойти его. Обойти!
На трибуне, под тентом,
в прохладе,
для него приготовив цветы,
ты, само торжество и радость,
шлешь презренье мне с высоты.

В прошлом, может, меня и любила,
а теперь он — избранник твой...
Ах, как сердце в груди забилося —
это наш с тобой счет и бой.
Мне нельзя проиграть сегодня.
Мне победа нужна, как жизнь.
Стадион вертикально поднят.
Ох, как круто лежат виражи.
Не на воле — на собственной боли
я его обошел на шаг.
По зеленому ровному полю
ты пришла.
Его утешать.
А меня поздравляли, хвалили.
Но один забег — это не жизнь...

В небе синем ласточки плыли
и пикировали стрижи.

ЛИЦА ТОВАРИЩЕЙ МОИХ

Наше детство дождем веселым
прозвенело на поляне цветотканой,
проскакало по-над речкой говорливой,
простучало пятками босыми
по степному зною.

И остатки наших ссор наивных,
словно градины,
растаяли на солнце.
Кони-прутики других мальчишек несут —
им оставили мы наши игры.

И разъехались к заботам взрослым,
где нет места детскому наиву.
Только в памяти
нет-нет да и возникнут
лица светлые
товарищей моих.

ВИДЕНИЕ

Ты в проеме дверей — в том конце коридора.
Годы мимо проходят. Но так же стоит
наш раскидистый тополь и старая школа.
Плачут петли дверные навзрыд.

Параллельные классы. Звонок. Перемена.
Как угадывал я этот миг торжества.
Как я рвался к тебе. О холодные стены,
о надменность подруг разбивались слова.

Так ли длинен он был — коридор нашей школы?
Так ли был вопрошающе холоден взгляд?..
Так ли был я неясным томлением полон —
не ответить уже.
Не вернуться назад.

Много лун истончилось и весен минувших.
Много сказано было беспомощных слов.
Но с душою срослась, раз в нее заглянувши,
неуклюжая первая эта любовь.

Вот вхожу я опять в опустевшую школу —
где-то там, далеко, на другом берегу,
ты все так же стоишь. И узки коридоры.
И опять я к тебе подойти не могу.

Зоя Амыр-Донгак

СОНЕТ

Когда мы с тобой собирали цветы,
любясь природой, забывшей ненастье,
я думала: «Как же красив, милый, ты!»—
и сердце мое замирало от счастья.

А смуглые юные руки твои
мне были защитой и верной опорой.
Твой голос хомусом мне пел о любви...
Не думала я, что расстанемся скоро.

Но вот превратил ты любовь мою в пепел,
а ветер унес его в знойные степи.
Теперь мои песни — глухое рыданье,

меня подкосила лихая беда,
измучило юную душу страданье,—
и я проклиная тебя навсегда.

* * *

Ты, как дитя,
что ловит свою тень:
характер —
нет изменчивей на свете.
То резкий,
как в степи холодный ветер,
то нежный,
как цветок в весенний день.

Лидия Иргит

МОНГУН-ТАЙГА

Холодное дыханье ветров,
закатный блеск снегов в преддверье ночи —
Монгун-Тайги серебряный покров,
как тумалай невесты, непорочен.

Ключи ее целебны, как аржан.
Живительную исторгая влагу,

они девичьим вторят голосам
и жаждущим дарят свою прохладу.

И твердость скал,
и чистота снегов
в характерах людей ее приметны.
Монгун-Тайга,
прибежище ветров,
ты сказочна порою предрассветной.

Евгений Антуфьев

БОЛЕЛЬЩИК

Лютый мороз.
Мне не больше одиннадцати.
Мать противится — не дорос.
Но я упрямый:
— Сестра, возьми меня,
у меня вполне баскетбольный рост.

Вечер.
Уши мороз кусает.
Улицы вымел он — ни души.
— Поспеши, — сестра подгоняет, —
опоздаю я,
поспеши.

Детство.
Чудо пустого спортзала.
Мне в кольцо бы хоть раз... мячом...
А сестра
из дверей устало
окликает меня:
— Пойдем...

СИДЕЛКА

Не помню точно,
как все было,
но в послеоперационном сне
тупую болью тело ныло,
тупая боль жила во мне.

И ты была такой далекой...
Но только,
боли вопреки,
не путал я
свою жестокость
с твоею легкостью руки.

НОЧЬ В ГОСТИНИЦЕ

Как будто
отпечатки пальцев,
здесь мысли
бывших постояльцев.

Вот по стене струится косо
написанная кем-то проза.

И вам не убедить себя,
что это
все от фонаря...

ЗВЕЗДА, ЛЕТАЮЩАЯ К ЗЕМЛЕ...

Когда
«люби» прошепчут губы,
свою любовь не торопи.
Не вписывай
чужие судьбы
в окружность вечную любви.

Когда же,
ночью вспыхнув, гаснет
звезда,
летающая к земле,
ты не загадывай на счастье:
любовь стремится к высоте.

ЖЕЛАНИЕ

Текла по-прежнему река.
Была исправна смена года.
Но осень,
затаясь,
ждала,
чтоб заупрямилась природа.

Чтоб круглый год
звенел сентябрь,
и золото листья не блекло.
Чтоб человек не умирал
в душе другого человека.

СКВОЗНЯКИ

Писала девочка стихи.
В окно влетали сквозняки,
и шторы
свежестью дышали,
к столу тянулись и шептали
ей две
начальные строки.

Писала девочка стихи.
Была старательность в работе.
И было лето на излете,
и за окном с работы шли.

Писала девочка стихи.
Сказала мама:
— Вслух прочти.
Потом,
вздыхнув,
окно прикрыла:
дочь
всей душой она любила
и не терпела сквозняки...

Анатолий Шкоркин

ПРОБУЖДЕНИЕ

Тряхнула шапкою сосна
и ветви к солнцу гордо вскинула,
и начинается весна
под звуки гимна журавлиного.
И вновь окрестные поля
встречают утро птичьим гомоном,
и дышит добрая земля
теплом в ладони агрономовы.

ТЕБЕ-ХАЯ

На верблюда скала похожа
из народной легенды древней,—
в честь нее когда-то, быть может,
дали имя моей деревне.
Там сейчас распускаются вербы,
и закаты в степи красны —
это признак, надежный и верный,
быстротечной тувинской весны.
Возвратится звоном капли,
первой песнею журавлей,
и зеленый ситец расстелет
на горячих ладонях полей.
И опять в моем сердце разбудит
хлебороба упрямую веру
в эту землю самую трудную
борозды моей самой первой,
что была тем истоком далеким
всех сегодняшних дел и тревог,
и любви, и дорог нелегких,
и пока не написанных строк.

СТЕПЬ И МОРЕ

Я выйду в степь весенним утром ранним,
увидю в голубеющей дали,
как облака за журавлиной стаей
плывут, качаясь, словно корабли.
И мне опять напомнит шум прибоя
гул тракторов со вспаханных полей,
и вдруг качнется под ногами море
и сбожжет тоскою по земле.

ПОЛЕ

Когда бы детство я ни вспоминал
с любовью, нежностью и болью,
тебя — начало всех начал —
я первым долгом вспоминаю, поле.
Ты открывалось сразу за холмом,
за мельницей, за пересохшей речкой...

Мой отчий край, мой старый отчий дом
с крестьянской заботою извечной.
Морщиниста, как дедова рука,
дышала зябь отрадой и покоем,
над полем табунились облака,
неспешно возвращаясь с водопоя.
А в зыбком мареве далеких гор
рождался день, и зори угасали
в прохладной синеве озер.

И мы, взрослея, убеждались сами,
что жизнь прожить — не поле перейти,
хотя оно казалось бесконечным
в начале нашего пути
от мельницы на пересохшей речке

ДВА СОНЕТА

* * *

Есть в имени твоём особенная нежность
и тихая печаль осенних вечеров,
когда за перелеском чуть забрезжит
холодный свет осинových костров,
когда ещё рассветные туманы
обходят нас далекой стороной,
и в глухомань нечаянно заманит
сентябрьских дней перебродивший зной.
Все на двоих — пронзительная радость
любви и звездные лучи,
и мы в нее поверим безоглядно,
и нас ничто не сможет разлучить.
Мне музыка застывших радуг
в твоём прекрасном имени звучит.

* * *

По-прежнему душа стремится
в заветных помыслах своих
написанные в суете страницы
переписать на чистовик.
На каждой строчке задержаться,
понять, где виноват, где прав,

и никогда не надышаться
пьянящей молодостью трав.
Под шелесты ночных черемух,
дождинок робкий перестук
отчетливо и зримо вспомнить,
вновь пережив печаль разлук,
тепло родительского дома
и нежность материнских рук.

Игорь Иргит

ОПОРА

Развалится юрта без баганы,
без главной, опорной стойки.
Семья развалится без жены,
без матери, мудрой и стойкой.
Дети мои — продолжение мое,
дети мои — продолжение ее,
к далям веков движение.
Дети — залог бессмертья земного...
Будь же бессмертна, жизни основа,
мать моего продолжения.

РЕДИФ ЛЮБВИ

Тебя оставив, в вечность я уйду —
скажи мне, любишь ли меня?
Я память о тебе в душе сотру —
скажи мне, любишь ли меня?
В чужой дали меня, совсем одна,
на помощь позовешь — я не приду,
не стану портить молодость свою
из-за тебя — ты любишь ли меня?
Ко мне вернешься, с нежностью прильнешь —
я отвернусь. Ты любишь ли меня?
Взбешусь во гневе, словно лютый зверь, —
скажи мне, любишь ли меня?
Тебя ругая, грубым словом оскорблю —
скажи мне, любишь ли меня?

Но сколько боли в моем сердце, не скажу,
из-за тебя — скажи мне, любишь ли меня?

Скажи скорее, любишь ли меня?

Ведь час придет,

и песня кончится моя.

Тебя оставив, в вечность я уйду —

скажи мне, любишь ли меня?

А там, в туманном забыты,

в последней тихой колыбели,

не тронут сердце даже слезы —

скажи мне, любишь ли меня?

О СЛАВЕ

Четыре рубаи

Да кто ж от славы задается?!

Кичливость бесится в груди:

да, слава трудно достается,

но так легко собьет с пути.

Да кто ж от славы захвалился?!

Язык болтает, без костей.

Ведь слава в гости не сулится —

сама зовет к себе гостей.

Да кто ж от славы ждет богатства?!

Скупая алчность травит ум.

Ведь слава — сладкая отравка

в бокале жадных черных дум.

О слава! Жизни ты частица.

Крылом своим заденешь всех.

Где ты черна — там горе льется,

где ты красна — там льется смех.

Кондратий Емельянов

МАКИ

В степи суровой маки,

веселые цветы,

вдыхают ветра взмахи,
раскрыли жадно рты.

Отряд бойцов веселых...
Укрыли их цветы,
в петлицах пропотелых
заняли посты.

Огня сплошной стеною
сжигают степь цветы.
Они сумели боем
достигнуть высоты.

На гребне поля пусто,
а залпы — вдалеке.
А кровь алеет густо
на каждом ленте.

Над степью, над бойцами
стоят огнем цветы.
Живыми орденами
заняли посты.

ОСЕНЬ

Пожелтевшая грусть.
Колыхнется в паденье листок,
сбитый каплей осеннего ливня,
и звенящего неба поток
втопчет в сердце забытое имя.

Гнусь под взглядом, под жестом, под словом
мимолетных мокрых прохожих.
Мир печалью твоей поцелован
и исходом потери встревожен...

Для маленьких читателей

Монгуш Эрген

ВОЛШЕБНЫЙ ОДУГЕН

Повесть

ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ

Наш пятый «а» занимался во вторую смену. После занятий мы допоздна бороздили коньками школьный каток. Дома привыкли к этому и уже не ругали, как прежде, за опоздания к ужину.

Однажды вечером я застал дома, в большой комнате, рядом с отцом, незнакомого человека. Стараясь не мешать взрослым, которые оживленно беседовали, я бочком пробрался на кухню. Мама уже заканчивала убирать посуду со стола.

— Умойся да приведи себя в порядок, — укоризненно покачала она головой. — Приехал давнишний друг отца. Не забудь поздороваться.

Минут через пять я уже входил в большую комнату:

— Экии!

— Экии! Здравствуй, парень! — ответил гость таким густым басом, будто в трубу дудел. Заметив мое удивление, он приветливо улыбнулся:

— Это я у Одугена научился так говорить... Впрочем, расскажи-ка мне лучше, как учишься.

Ну вот, всегда они так, взрослые: не успеют поздороваться — уже дневником интересуются. Как будто в пятерках самое главное заключается. Вон Чигир-оол — круглый отличник, а на коньках стоять не умеет. Увалень и ябедник, чуть что, к матери бежит с воем, а та — мигом к директору: дескать, куда смотрите?

А гость будто и не замечает моего смущения, знай, трубит на весь дом:

— В пятом, значит? На один класс обогнал моего Артыш-оола. Нелегко, видно, наука дается! Лицо-то, как у девочки, тонкое да бледное, впрочем, у всех городских такие лица... А глазами и носом в вас, Вера Буяндыевна, удался.

— Зато уши у него изящные, как у отца, взгляните, Самбуевич,— хитро щурит глаза мама и смеется.

— Да, да, Самбуевич,— спешит поддакнуть отец.— Он хоть ушами похож на меня.

Мне все это уже не нравится, и я начинаю потихоньку сопеть носом, как закипающий на электроплитке чайник.

— Извини, Онер!— слышу голос, от которого стекла дрожат в оконных рамах.— Таков уж человек тайги: увидит он медвежонка, мальчонку ли — обязательно станет наблюдать, изучать его, определять характер. Ну, а каков ваш сын, Вера Буяндыевна?

Мама, видимо, не ожидала подобного вопроса, ответила робко:

— Не знаю, Самбуевич. Вроде, ничего...

— Вижу, вижу, молодцеватый он у вас. Не засоня.

Интересно, что сказал бы гость, открой ему мама правду: уж что-что, а нежиться в постели по утрам я любил.

Мама спасительно молчала, а отец поспешно перевел речь на другое:

— Значит, был в гостях у оленеводов Севера, Самбуевич? Вот здорово! Ну и каковы тамошние олени? Такие же, как у нас?

— Такие же. Только наши гораздо крупнее. И используют оленей северяне иначе, верхом мало ездят на них, все больше на санях...

Потом меня угощали вкусными сероватыми катышами, которые гость привез из тайги. Как он объяснил, катыши те были замешаны на оленьем молоке. Гостинцы так и таяли во рту.

...Ночью мне снился дедушка Одуген, огромный, до самого неба. Он протягивал мне мешок гостинцев, я сл и все никак не мог насытиться. А добрый волшебник басил: «Это тебе от дедушки Одугена подарок».

Я проснулся. Через окно прямо в лицо бил поток солнца, а над кроватью стоял гость:

— Вставай, Онер, прощаться будем. Да попутно и обмозгуем дело одно. Твои родители уже который год обещаются ко мне в гости, чаю попить с оленьим молоком, да все недосуг

им. Вот и нынче опять засобирались к Черному морю. Может, ты не откажешься побывать на Одугене?

Меня как ветром подхватило с кровати, подбежал к папе и маме и слова вымолвить не могу от радости.

— Уж больно далеко, да и трудно добираться до вас,— засомневалась мама.

— Что вы, что вы! Онер у вас в Артеке побывал, а по сравнению с Черным морем до Одугена рукой подать. Только заранее сообщите, чтобы мы его встретили в райцентре.

Папа уехал провожать гостя, а я стал расспрашивать маму, кто он такой.

— Один из знаменитых людей республики — бригадир оленеводов в Годжинском районе.

— А голосище у него, мама!

— Человек в тайге вырос, в горах, где чистый воздух, целебные источники. Оттого у него такая широкая грудь и громкий голос.

— Он, наверное, сильный?

— Конечно. Ты видел, какие у него пальцы на руках широкие, будто стволы молодых тополей.

— Мама, а я увижу на Одугене оленей?

— Увидишь, если поедешь.

Я вздохнул тяжело. Ох, уж эти «если» взрослых! Наобещают сначала, а потом прячутся за «если»...

С этого дня я только и знал, что вел разговоры с одноклассниками вокруг до около Одугена. Себя я иначе и не представлял, как верхом на олене.

Постепенно мы создали свой Одуген — таким, каким его воображали: на ослепительные белоснежные гольцы карабкаются вечнозеленые кедры, большие водопады низвергаются с гор, звери не боятся людей, и люди не боятся зверей. И конечно же, красавцы олени, рогами подпирающие небо...

— А может, возьмешь и нас?— с завистью смотрели на меня одноклассники.— Нам ведь тоже охота посмотреть, какие они, олени, покатаются на них.

Что я мог им ответить?

По вечерам не давал покоя родителям бесконечными расспросами: «А какой он, Артыш-оол — сын Самбуевича?» «А какие там места?» «А не страшны ли олени с такими большими рогами?» «А медведи там есть?»

— Есть,— убежденно ответил папа.— Их там уйма!

Мама даже вздрогнула при этом:

— А ведь и в самом деле медведей там много. Нет, нет, однако, не стоит отпускать туда Онер-оола.

Я чуть не в слезы:

— То говорила, поедешь, то — нет. Зачем обманываешь? Я тогда без спросу убегу в Тоджу.

К моему несчастью, папа всегда вставал на сторону мамы, и вот сейчас он нерешительно поддержал ее:

— Да, конечно, оно так... медведи там бывают... Иногда в стороне...

Папа совсем запутался, ему, видно, и меня было жалко, и мамин авторитет не хотел уронить. Меня его речь вконец расстроила, и я уже не сдерживался, слезы так и текли ручьем: «Обманули, обманули...»

— Ну ладно,— первой сдалась мама.— Сначала окончи пятый класс, а там посмотрим...

— Посмотрим, посмотрим! Чего тут смотреть? Хватит смотреть!

Тогда мама заявила решительно:

— Ну ладно! Я сказала: поедешь — и поедешь! Только чтоб без троек в шестой перешел.

ТРОЕЧКА С ПЕРЕТЯЖКОЙ

Так как по математике я получил тройку в последней четверти, годовую оценку тоже вывели «три». Невесело стало на душе. Век бы ее не было, этой тройки! Раньше я ее как-то не замечал, но сейчас прямо-таки возненавидел. Кажется, эта несчастная «тройка», будто арканом, опутала меня по рукам и ногам...

— И здоровьем не блещешь, и учебой,— укоряла мама.— Как такого отпускать в чужие края — стыдно! Ведь там, наверное, все дети учатся только на четыре и пять. Спросят Онера: «Ну, а как ты учился, горожанин?» Он ответит: «На тройки». Неужто тебе самому не будет стыдно?

Как мама, так и папа:

— Да, да! Не стыдно ли?..

«Да, да,— передразнивал я в душе папу.— Ну что тебе стоило сказать: «Тройка—тоже положительная оценка. Пусть едет сынок»?»

Конечно, мне и самому было горько и неудобно за свою тройку. Я даже есть перестал. Так хотелось поехать к оленеводам, что и слушать не мог предложений родителей отдохнуть на Дус-Холе или в пионерлагере на Чагытае.

Оттого, что много приходилось думать о ней, проклятая тройка мерещилась в глазах. Куда бы я ни поглядел — на по-

толок, на стены, на пол — всюду выступали контуры тройки. Огромные муравьи, которые целыми днями копошились на стволах старых тополей в городском парке, и те своими перетяжками напоминали мне тройку. Про себя я ее так и обозвал — троечка с перетяжкой.

Сегодня я решил действовать — не выходить из дома совсем, чтобы показать маме: вот, мол, до чего вы меня довели. Какой это был длинный-предлинный день — представить трудно! Конечно, долго я не смог улежать в постели. Встал и в трусах сел на подоконник.

Во дворе знакомые девчонки качались на качелях, мальчишки гоняли футбол. Один из них каждый раз при ударе промахивался по мячу и смешно падал. Мне доставляло удовольствие хохотать над ним, и за этим занятием я чуть было не проглядел маму. Она уже проходила по двору с покупками в сетке, когда я проворно слез с подоконника и шмыгнул в кровать.

Войдя в комнату и заметив меня в постели, мама сразу всполошилась:

— Сынок, что с тобой? Уж не заболел ли ты? Ты кушал? Я молча покачал головой.

— Температуры, вроде, нет,—успокоилась мама.—Как же ты собираешься в тайгу, а? А если заболеешь там? Уж и не знаю, что с тобой делать. Ну да ладно — готовься к отъезду.

Я мигом вскочил с кровати — и про болезни забыл! Появился у меня и дар речи, и смех...

НАД СИНИМИ ГОРАМИ

Спустя два дня я уже летел над синими горами, все дальше и дальше от Кызыла. Мотор самолета монотонно гудел, убаюкивал. Лишь когда стали подлетать к перевалу, самолет несколько раз крепко встряхнуло, будто машину на дорожных ухабах. Высокие горы с остроконечными вершинами на миг любопытно заглянули в иллюминаторы самолета и робко отстранились. А впереди огромным частоколом в небо упирались другие вершины. Наверное, подумал я, волшебный Одуген не пускает нас к себе, сердится, что тревожим его покой.

Наконец, прилетели. Вышел я из самолета и удивился: куда ни погляжу — все зеленое! Лес, трава, даже цветы, и те зеленые. Наверное, меня укачало... Прямостояльные крепкие лиственницы, длинные пушистые березы стояли и с интере-

сом разглядывали пассажиров. Я глубоко вдохнул чистый воздух Тоджи. Так вот она какая! До того чистая в своей зелени, что, кажется, нарочно раскрасили ее акварелью.

Кто-то легонько дернул меня за рукав. Оглянулся — стоит в пестром платье высокая черная... тетка — не тетка, девчонка — не девчонка... По-тувински угбай — старшая сестра.

— Не ты ли, дунмам, сын Мартан-оола акыя? — певуче спрашивает она.

Я молча киваю головой. Назвала меня братишкой, отца — старшим родственником, значит, своя.

— Отец оставил меня сторожить посадочную площадку, чтобы встретить тебя. Жду целый день. Ладно, пошли все в тот автобус. Я-то думала, ты совсем маленький, раз надо встречать. А ты, оказывается, уже взрослый человек, дунмам?

Я опять молча кивнул головой.

— Ты что ли совсем не говоришь по-тувински? Всё киваешь головой да плечами жмешь.

Подражая мальчишкам нашего двора, я привык в разговоре кивать головой и пожимать плечами. Вот и сейчас на вопрос встречающей хотел было вновь пожать плечами, да вовремя спохватился:

— Как же не умею разговаривать по-нашему! Умею!

Та молоденькая тетенька весело засмеялась. И все, кто слышал мой ответ, — тоже.

Я решил: больше никогда не буду ни кивать головой, ни пожимать плечами. И хотя потом нет-нет да и повторял эти движения, все же постепенно начал отвыкать от дурной привычки...

Маленький полосатый автобус плавно шел по лесной дороге, среди березовых рощ. Мне все было интересно. Березки казались стыдливymi девочками, одетыми в зеленые косынки и белые платяшки до пят.

Село стояло посреди большой поляны, окруженное со всех сторон лесом. А сколько тут было кукушек! На одной лиственнице я разглядел даже трех, и все они звонко отсчитывали мне годы...

Я быстро познакомился с мальчишками той угбай, которая встречала меня в аэропорту. После обеда мы веселой гурьбой пошли за село купаться. Я знал, что вода в горных реках холодная. Мальчишки, однако, едва подошли к берегу, на ходу разделись и бросились в воду с шумом и брызгами. Я долго не решался последовать их примеру, пока нечаянно не сунул в речку ногу — вода оказалась не только не холод-

ной, наоборот, даже теплой, будто ее нарочно подогрели для ребят. Как приятно было купаться! Мы не вылезали из речки до самого вечера.

Меня поражало обилие всяких рыбешек. Стоишь в воде, а они соберутся возле твоих ног, да так, что не видать камушков под водой. А рыбки затеют игру, начнут щекотать ноги. В Кызыле мальчишки, увидев столько пскарей, сразу начали бы вылавливать их всякими способами, а здесь ребята не обращали на них никакого внимания.

Рано утром меня разбудили. Когда вышел на улицу, невольно зажмурился от яркого солнца, только-только поднявшегося на макушку горы, и долго не мог открыть глаза. Оно здесь казалось другим, не таким, как в Кызыле,— большим и ярким-ярким. Казалось, весь мир ласково улыбался мне..

В ДОЛГОМ ПУТИ

Встрепенулся я от громкого голоса, с радостью узнав по нему Самбуевича.

— Вот и молодец! В самом деле приехал.— мужчина, значит!— и давай обнимать меня. А через два часа мы уже держали путь на стоянку, которая находилась далеко в тайге, высоко в горах — там, где упирался головою в небо Одуген. Мне дали нескладного на вид белого коня. Сначала я кое-как управлял им, но потом освоился и даже стал его погонять.

Долго ехали вдоль широкой пашни. Над нею заливались жаворонки. Слышен был хомей тракторов, заканчивающих сев. Было жарко. Большущие полосатые слепни донимали лошадей. Они беспрестанно мотали головами, нещадно хлестали себя хвостами по бокам и ногам.

У озера Азас слепней стало меньше. Мы сошли с коней и растянулись на траве. Повсюду звучала барабанная дробь дятла. Вот она раздалась совсем рядом, над моей головой.

— Это сосновый дятел,— пояснил попутчик.

А я подумал: «Какой же он сосновый? Дятел и есть дятел — одинаковый для всех деревьев». Самбуевич, видимо, понял мое недоумение и разъяснил:

— Да, да. Вот этот маленький пестро-зеленый дятел, в основном, кормится на соснах. Пестро-красные дятлы — это еловые, а черные, с красным хохолком — лиственничные.

В пути я поразился: как много в лесу различных птиц! Были такие, которые дожидались нас до последнего мгновения, а потом вылетали из-под самых ног коня, да с таким шу-

мом, что кони шарахались в сторону. От подобных встреч у меня чуть не выскакивало сердце из груди. Этих пестрожелтых птиц с узкими головками Самбуевич назвал рябчиками.

— Зачем они пугают наших коней?

— Видно, хотят поиграть с тобой,— пошутил Самбуевич.

Встречались и большие птицы, которые близко к себе не подпускали и взлетали с такой силой, что ломали даже ветви деревьев. Одних из них Самбуевич называл тетеревами, других — глухарями.

Одно время от нас долго не отставала птица в коричневой тубетейке, пестренькой шубейке и с острым клювом. От дерева к дереву она все летела и летела параллельно нам, иногда поджидала нас на дереве, пристально разглядывала своими блестящими, как бусинки, глазами и непрерывно кричала: «Крах-крах!» Мне казалось, что она тревожно спрашивала: «Кто вы такие и зачем пожаловали сюда?»

— До сих пор не пойму, почему кедровка кричит, как только заметит человека?— сказал Самбуевич и стал размахивать над головой длинной хворостиной. Только после этого крикливая птица отстала от нас.

— Она так странно разглядывала нас, наклоняя голову то на один бок, то на другой.

— Видать, ей интересно было узнать, каков городской человек,— опять отшутился Самбуевич.

И еще одна птичка долго сопровождала нас с криком: «Хы-ыйт, хы-ыйт». Самбуевич назвал ее лесной сойкой.

По пути нам не раз попадались зайцы в сереньких шубках. Одна из таких встреч чуть не окончилась для нас плохо. Когда мы проезжали по чаще молодых лиственниц, прямо из-под ног коня бригадира выскочил заяц и бросился прочь. Гнедко фыркнул, встал на задние ноги и во всю прыть помчался через чащу. Самбуевича сбросило на землю, а конь, перескочив через поваленные лесины, остановился поодаль.

— Вот проклятый заяц! Чуть не угробил человека. Не нашел себе другого места в огромной тайге,— недовольно ворчал Самбуевич. А потом неожиданно рассмеялся, показывая пальцем в сторону. Я глянул и чуть не ахнул. Тот самый заяц стоял на задних лапках и с любопытством глядел в нашу сторону. Видимо, интересовался, как чувствует себя Самбуевич без коня.

...К вечеру мое тело нестерпимо заныло. Наверное, с привычки ездить на коне без седла (на его худую спину

взрослые подложили лишь матрасик). И потому я едва сдерживал радость, когда Самбуевич озабоченно произнес:

— Пора искать место для почлега. Не разжечь ли нам костер вон под той елкой?

Ноги свело судорогой, и я кое-как сошел с коня на землю. А когда ступил — удивился, какие огромные здесь цветы. Их было много, и росли они так пышно и высоко, что я едва доставал руками до их чашечек. Они походили на ярко раскрашенные тарелочки: белые, алые, голубые...

Чуть выше нашего места река образовала тихий глубокий омут. На его поверхности плескалось так много рыбы, что омут напоминал чашу с кипящей водой. Плохо, что у меня не было никаких рыболовных снастей. У Самбуевича оказалась одна-единственная мошка, которую он мне не доверил.

— Это клюют прожорливые окуньки. Они мигом оторвут мошку. Вот немного погодя наловим себе хариусов для ухи,— объяснил он свой отказ, вытащил из рюкзака топорик и принялся рубить сухие дрова. Я удивился, зачем столько дров.

— О-о, Онер! Запомни: человек, который заночевал в тайге, вблизи гор, прежде всего должен запастись сухими дровами. А то может нагрннуть проливной дождь, а то и снег. Ну вот, теперь достаточно,— удовлетворенно пробасил попутчик, когда рядом с елью выросла целая гора дров.

— Есть тут в мешочке картошка. Почисти-ка штук пять, а я пока на речку схожу.

Едва я управился с картошкой, как на траву, рядом со мной, бухнуло что-то тяжелое. Я обернулся и ахнул: оказывается, Самбуевич уже целую низкую хариусов наловил. Большущие хариусы, с пестрыми плавниками, красными хвостами! Мне захотелось тоже порыбачить, но старший не разрешил:

— Больше не надо, зря только рыбу испортим. И этих рыбин нам хватит на целые сутки. Видишь, какие они жирные да тугие. Сейчас сварим уху. Небось, ты уже проголодался.

...Уха пахла дымом, но я не помню, чтобы ел что-нибудь более вкусное. Все ел и ел, пока пот с лица не потек ручьями.

Самбуевич постелил на землю матрац, который заменял мне седло, и приказал спать, укрыв старым ватным одеялом, а поверх еще и дождевиком.

Только начал засыпать, кто-то громко закричал в гуще толстых кедров. Сна у меня как ни бывало! Я приподнялся.

Самбуевич сидел у костра так, будто ничего не слышал, курил и с удивлением смотрел на меня:

— Ты чего встал, а? Это дохлые совы орут, не бойся.

Я сунул голову под одеяло и лежал, боясь пошевелиться. И вдруг тишину вновь разорвал страшный крик: «Оой-ог!» Ну, думаю, и Самбуевич теперь напугался. Тихонечко гляжу на него. А он знай себе курит и листает какой-то журнал. Кто-то вновь заорал, но уже с другой стороны — значит, решил я, нас окружают. Но дядька, видно, совсем оглох, спокойно укладывался на почлег, раскладывая потник и седло у костра.

— Что, сынок, холодно?

Я убедился, что Самбуевич совсем оглох, и еще больше забеспокоился: сейчас эти чудовища, окружив со всех сторон, растерзают нас...

— Разве вы не слышите? Кто-то орет вокруг... Не медведи?

— Нет! Это косули! Дохлые косули. Как же можно бояться их? Ты уши не расставляй, сунь голову под одеяло и спи...

И совы, и косули — все ему дохлые! Лежу, не дышу от испуга. Немного погодя спутник мой громко захрапел. И я остался один-одинешенек на всем белом свете со своими страхами и грустными думами. «Зря я поехал! Что буду делать, если придет кто-нибудь страшный? А этот мужик спит себе, и горя ему нет никакого! Эх! Если бы домой сейчас! И почему я не послушал маму с папой? Не болели бы ноги, не пугали бы звери. Как, оказывается, хорошо дома...»

— Вставай, удалец! Поздно уже! Пока прохладно, надо поторапливаться.

Солнце уже поднялось. Звонко, на разные голоса, пели птицы. Я подозрительно смотрел на спутника. Если он и впрямь оглох, то не услышит птиц. Но Самбуевич прекрасно слышал их и даже за сборами разъяснял, какой птице припадлежит та или иная песня.

С меня разом смыло вчерашние трусливые мыслишки. И теперь я украдкой смотрел на Самбуевича — не смеется ли он надо мною за вчерашнее? Нет, он трубил что-то про птиц как ни в чем не бывало...

Перед отъездом мы залили костер (я несколько раз сбежал с кастрюлькой на речку).

— Нельзя оставлять непотушенным костер, Онер. Даже в дождливое лето огонь может распространиться по корням деревьев. Нет ничего страшнее пожара. Неосторожно бросил в лесу недогоревшую спичку — и это может погубить тысячи

и тысячи жизней животных и растений,— поучал меня мой наставник.

В пути, заглядевшись на ели, я отстал от Самбуевича.

— Какие тут красивые ели,— поспешил я поделиться впечатлениями, как только наши кони поравнялись.

— Это не ели, а пихты. О них у нас в песнях поют: «Прямостанны, как девицы...» Приглядишься: иголки, которые выросли из почек нынешней весной, совершенно отличны от старых — они ярко-зеленые. Нет в лесу дерева красивее пихты: ствол у нее, словно стрела, крона — будто кудри мягкие.

Я ехал и сравнивал пихты с елями; они действительно отличались друг от друга. Иглы у пихты ярко-зеленые и мягкие, будто козий пух. У ели же иголки темно-зеленые и твердые, будто маленькие гвоздочки.

На берегу одной из речек нам встретилось много бабочек. Казалось, поляны усыпало живыми порхающими цветами. Белые с широкими, со спичечную коробку, крыльями, желтые с пестринками, черные с фиолетовыми пятнышками, маленькие голубые... Долго мы ехали по этой стране бабочек.

— Как думаешь?—неожиданно спросил Самбуевич, я даже вздрогнул.— Не обосноваться ли нам под теми мохнатыми елями, пока не поздно? Ожидается большой дождь.

— А, может, под теми большими кедрами?

— Кедр и лиственница — худая защита против дождя: хвоя у них мягкая, потому с ветвей сразу начинает капать. Ель же долго удерживает капли на весу. К тому же ветки у нее растут шатром.

Но оттого, что взрослый человек советовался со мною, я лихо заявил:

— Зачем нам тут останавливаться? Надо ехать. Да и дождя-то не видать.

Самбуевич улыбнулся, но настаивать не стал.

Скоро, однако, я пожалел о сказанном. Впереди, из-за высоких хребтов, показались лохматые тучи и мрачно в упор уставились на нас. Стало темно и глухо. Вот сверкнула молния, за ней другая, над нами расколосось небо. Тотчас налетел сильный ветер, а вместе с ним на землю упали первые тяжелые капли дождя. Скоро дождь полил как из ведра. Будто едем по дну моря: кругом вода.

«Эх! — запоздало пожалел я. — Надо было остановиться возле тех елок». Здесь же, как назло, попадались лишь молодые деревца, они и сами были бы рады укрыться от разбушевавшейся стихии.

Сквозь потоки воды я разглядел какое-то строение. Это была старенькая охотничья избушка. В ней возле жестяной печки возвышалась аккуратная горка сухих дров. Скоро избушка наполнилась теплом. Теперь можно было и оглядеться. Мое внимание привлек мешочек из синего материала, висевший под потолком. В нем оказались сухари. Нашелся и старый, прокопченный чайник, а в отдельном ящичке — немного чая и соли, коробка спичек.

— Кто же позабыл свои вещи?

— Дело, Онер, вовсе не в чьей-то забывчивости. Таков неписанный закон тайги. Представь себе: кто-то заблудился, потерял свою стоянку, устал, проголодался... Да мало ли что может случиться с человеком в тайге! Попавший в беду всегда может рассчитывать на помощь людей, даже если их нет рядом. Вот почему в тайге существует обычай оставлять после себя малость припасов...

Мы хорошо просушились, от души поели и как убитые уснули. Наутро я встал свежий, как огурчик.

«Спасибо тебе, избушка! Спасибо вам, добрые люди, выручившие нас в непогоду!»

Мы тоже оставили сушиться корочки нашей буханки, с десяток кусков сахара-рафинада и коробок подсохнувших спичек.

Едва успели отъехать от ночлега, как Самбуевич красной рукояткой плети показал вправо: «Смотри!» Я глянул в ту сторону, но ничего особого не увидел: лишь на другом берегу реки, в небольшой впадине, мирно паслись большие безрогие коровы.

— Это не коровы, а медведи, Онер.

Известие меня сильно взволновало. Самбуевич же, однако, сидел на своем коне спокойно, как ни в чем не бывало. Понемногу и я успокоился. Попутчик пояснил, что медведи пасутся на борщевике. Есть такие большие сочные травы, для косялапых они — лакомство.

Бригадир передал бинокль, и теперь я мог хорошо разглядеть хозяев тайги. Один из трех медведей почему-то катался по земле, задрав вверх лапы.

— Обожрался борщевика. Вот и катается, мнет живот,— обстоятельно объяснил Самбуевич.

...С приближением к хребтам Одугена становилось все прохладнее.

ЖИВОПИСНЫЕ МЕСТА

Едем уже третий день. Тайга заметно поредела. Впереди возвышались белоголовые хребты.

— Вон тот — Салдык-Хольский хребет, — поясняет Самбуевич, — а у его подножия озеро Салдык-Холь. В нем много рыбы, и она совсем не боится человека.

И впрямь, в неглубокой воде лениво плавали толстые черные хариусы, их золотисто-пестрые спинные плавники горделиво торчали из воды. Некоторые, разогнавшись, выпрыгивали в воздух, пытаясь поймать низко летавшую мошку. От постоянных всплесков озеро кипело. То тут, то там выделявали выкрутасы над водой серебристые красавцы, будто исполняя свой, рыбий танец. Я так и назвал этот водоем озером танцующих хариусов.

Но любоваться мешали слепни, большие, с колено ягненка. Мой лоб, шея и руки уже давно распухли от их укусов. Больше же доставалось бедным лошадям...

Но вот, наконец, мы поднялись на крутой перевал. Стало прохладно. Впереди показалась ровная зеленая местность, в середине ее зеркальцем блестело маленькое озеро. Всего полчаса тому назад мы задыхались от жары, а теперь поживались в теплых телогрейках. Зато не было наших мучителей — комаров и слепней. Какая прелесть! На болотистой местности, усыпанной камнями и расцвеченной низкорослым багульником, кони сбавили ход.

— Бараан Самбуевич! Почему тут не растут деревья?

— Всегда дует ветер, и деревья не успевают корнями зацепиться за землю. Оленеводы живут здесь только летом, а зимой они перекочевывают в низины, в лес.

— А что будет, если остаться здесь на зиму?

— Оо, Онер! Никто не выдержит зимнего дыхания Одугена — ни люди, ни олени, ни звери. Все попрячутся в леса. Здесь зимуют лишь белые куропатки да козероги. А ну-ка, внимательно огляди вон ту черную скалу: обычно на ней бывает много козорогов. Может быть, посчастливится их увидеть.

Я стал смотреть на скалу в бинокль, и действительно вскоре заметил животное. Козерог стоял на самом краешке скалы — непонятно было, как он удерживается на нем, — и гордо подпирал небо мощными рогами.

— Ах, какой красавец!

— То-то, красавец! — удовлетворенно заметил Самбуевич.

И принялся рассказывать о нравах гордых обитателей скал, сам едва сдерживая восхищение ими...

К вечеру впереди показались горы, белые, будто их кто накрыл белым войлоком.

— Это и есть Хар-Тайга — снежная тайга, — пояснил мой проводник. — Самая высокая точка здешних мест. Отсюда берет свое начало Большой Енисей.

— А где же Одуген?

— Все вокруг и есть Одуген.

— Вот эту тайгу называют Дээрбе (Мельница), — говорил мой попутчик, указывая рукояткой плетки на голую серую вершину. Эта гора действительно напоминала круглый мельничный жернов. Хребет Дээрбе разделяет Одуген на две части — Южный, или Каменистый, Одуген, и Северный, менее каменистый.

У подножия ближайшей горы вижу несколько палаток, возле них — пасущихся оленей. Их головы увенчаны большими ветвистыми рогами. Вот они, оказывается, какие, эти красавцы Тувы, вместе с людьми забравшиеся в самое сердце Азии! Я мечтал их увидеть — и увидел!

ЧАЙЛАГ НА ОДУГЕНЕ

Нас встретили огромные псы, черные, серые. Они наперегонки, с громким лаем выбежали нам навстречу. Но, узнав бригадира, приветливо завиляли хвостами и виновато отошли в сторону. Вслед за собаками прибежали три босоногих мальчика, одетых лишь в трусики и майки. Они радостно поздоровались с Самбуевичем, а меня будто и не замечали. Однако я видел: они украдкой наблюдают за мной.

Прискакали на большом олене с огромными ветвистыми рогами и две девочки. У одной из них лицо было розовое, как у куклы, и волосы короткие да рыжие. Другая — чернявая, с большим пучком черных волос на затылке. Девчонки как девчонки: сразу весело затараторили.

— Мы-то думали, что это приехала Шурумаа. А это, оказывается, чей-то парень, а может, и не парень, волосы-то вон какие большие, как у девочки, — и смеются.

Взрослые вели себя сдержанно, они со всех сторон обступили бригадира, который деловито разбирал привезенную почту.

— Вот это и есть сынок, да? — спросила высокая женщина с красной шалью на голове, указывая на меня пальцем.

Занятый письмами, газетами и журналами, Самбуевич лишь молча кивнул ей в ответ.

— Артыш-оол! Отведи-ка товарища в палатку, разогрей ему суп.

Артыш-оолом оказался самый старший из трюх, с большими красивыми глазами; он был чуть выше меня. Толстого рыжеволосого мальчика звали Сережей. Глаза у него немного косили в сторону. А самый маленький — Нурзат — настолько загорел, что казался черным и худым.

Когда мы вошли в коричневую палатку, Артыш-оол заинтересовался:

— Ты, наверное, любишь суп и холодным, да?

Я кивнул в ответ, чему Артыш-оол обрадовался:

— Ну вот и хорошо! Какой же мужчина будет, как женщина, требовать горячего супа да горячего чаю в такое время? А ты надолго к нам?

— На все лето.

— Вот здорово! — это подал голос Нурзат.

— Все лето будем играть вместе! — поддержал Сережа.

— И оленей пасти! — подытожил Артыш.

Так мы сидели и строили планы. Наконец, маленький Нурзат догадался спросить: — А ты в какой класс перешел?

Мне сразу вспомнилась проклятая тройка. Раз спрашивают, в какой класс перешел, обязательно спросят и об отметках. Правильно говорила мама, что будет стыдно. Лучше бы не ехал сюда!

— Пятый окончил...

— Наверное, в табеле только «хорошо» и «отлично»? — спрашивает Артыш.

— Пожалуй, кругом «отлично», — добавил Сережа.

Я не спешил с ответом. Если скажу, что учился на «четыре» и «пять», они похвалят: городской человек и должен так учиться. А если скажу, что учился на «тройки», то мои новые друзья еще и разочаруются во мне. Однако и о том я успел подумать, что обманывать новых друзей совсем плохо. А Нурзат глядит мне прямо в рот, будто щенок в ожидании кости.

— Плохо, что ли, учился? — спросил он тихо.

— Нет, не совсем плохо. Одну «тройку» только по математике имею.

Артыш-оол указал на маленького Нурзата:

— Он тоже получил тройку по математике.

Нурзат не остался в долгу:

— Зато Артыш-оол по рисованию получил четверку, а я — пять. Сережа получил тройку по пению, а я — снова пять.

Тут только Сережа поинтересовался, как меня зовут:

— Онер-оол.

— Оо! — удивился Артыш-оол. — У городских ребят обычно русские имена, а у тебя тувинское?

— Вообще-то я родился не в городе, а в аале бабушки. Она и дала мне это имя.

— Значит, — подытожил Нурзат, — ты не городской, а бабушкин...

Хлеб, которым угощал меня Артыш-оол, оказался очень вкусный. Его можно было растягивать и сжимать в ладонях, как губку.

— Где продают такой вкусный хлеб?

— Нигде не продают. Мама сама печет. Видал кирпичную печь на улице?

«Местное время девятнадцать часов...» — услышал я из угла палатки и очень удивился. Потом разглядел радиоприемник. Он так громко говорил, что вся палатка переполнилась звуками. И потому мы не сразу расслышали женский голос.

— Сынок, пригоните мынды...

Мальчики выскочили из палатки. Я пересилил боль в ногах и тоже вышел наружу. Смотрю, а ребята уже скачут на оленях. Стало одиноко и грустно. Я вернулся в палатку и прилег, опершись спиной на ящик. Вздрогнул, когда услышал голос матери Артыш-оола:

— Ой, у него уже глаза слипаются. Совсем, поди, устал паренек... Сынок, иди-ка, ложись на раскладушку...

...Проснулся. В палатке никого не было. С улицы доносился знакомый бас:

— Хорошо посчитайте, может, часть отделилась. Вот эти мынды были аж за хребтом Ак-Баштыг. Кое-как их догнал.

Я удивился: когда же Самбуевич успел побывать на Ак-Баштыге? Ведь он приехал вместе со мной вчера вечером... Прихрамывая, я вышел из палатки.

— Хорошо ли поспал, молодец? Видать, крепко?

— Бедненький, ведь он человек городской и не привык рано вставать. Он так сладко спал, что я не стала его будить, — ласково глядела на меня тетя Суямаа.

— А характер у него хороший, мать. Трудолюбивым растет. Возле костра, когда ехали, все-то ему не сиделось — то за дровами, то за водою бежит...

— Сразу видно! Был бы какой сопляк, ни за что бы не поехал в такую даль на коне, да еще и без седла.

— Эй, Артыш-оол, накорми-ка товарища, — распорядился Самбуевич. — Да посмотри, горячий ли чай. Дай ему сыра — пусть попробует городской человек. И молока.

Артыш-оол, как и вчера, вновь спросил:

— Ты ведь можешь пить чай и тепленьким? Да и зачем тебе чай? Я сейчас подсахарю тебе молоко. Вкуснятина!

Такого густого и вкусного молока я и вириямь никогда не пробовал. Без передышки выпил целый стакан.

— Еще хочешь?

Я поспешно кивнул головой, но тут в палатку вошла мать Артыш-оола и обеспокоенно заметила: — Много молока не давай. Может без привычки желудок расстроиться.

Нарезав в чашки тонкими ломтиками желтый сыр, тетя Суямаа залила его горячим чаем. Сыр размягчился и стал тягучим, как мед. Так и таял во рту.

СКОЛЬКО ИМЕН У ОЛЕНЕЙ

— Хорошо, Онер, что ты интересуешься рогаками. Нет среди домашних животных красивее оленей, — убежденно сказал Самбуевич. — Успеешь еще наглядеться на них, узнать их нравы. Нипочем им ни крутые горы, ни глубокий снег, ни болота, ни реки. Они сильные, быстроногие, ездить на них удобно. А какие они добрые к своему хозяину в дальних дорогах! Стреножишь оленя концом поводка, и он будет пастись рядом с тобой, хоть сколько дней будет терпеливо ждать тебя. Замечательное животное! Одно удовольствие иметь дело с оленем...

Я постепенно, по частям, будто со сложной машиной, знакомился с оленем. Крепкие, длинные ноги, блестящая, словно бамбук, шерсть, добрые черные глаза, длинные, подобные ножницам, уши, а огромные рога напоминали мне корни упавшего дерева...

Я стал замечать, что оленей называют по-разному: самки — мынды, ездовые самцы — чары, а быки — эдегеры... Когда я назвал маленьких оленят телятами, ребята весело рассмеялись и поправили. Я одинаково называл и старых, и молодых животных оленями, отчего девчонки (рыжеволосую звали Олей, а черноволосую — Чойганмой) прямо со смеху умирали:

— Смотрит на оленят, а говорит «олени», ха-ха-ха...

Насмотревшись по телевидению индейских фильмов, я крепко усвоил одну истину: мужчина должен быть невозмутимым в любых ситуациях. Но что я мог поделать, коли не знал элементарного? Позже я понял, насколько был смешон. Да и как бы выглядел человек, который называл бы коровой бычка?

И хотя я старался впредь не показывать своей неосведомленности — все же еще не раз попадал впросак.

Как-то утром я увидел за рекой кормящихся оленят и, давая понять ребятам, что заметил их первым, закричал:

— Вон пасутся оленята, оленята!

К счастью, Оли и Чойганмы не было рядом.

— Это не оленята, а таспаны,— поправил Артыш-оол. Чтобы не забыть новое название, я все шепчу: «Таспаны, таспаны». Ну, теперь-то, думаю, я знаю все про оленей. Какое там! Увидел, как краснощекая Оля седлает огромного чары, который яростно копытит землю, и испугался за девочку:

— Чары-то необученный, сбросит тебя!

— Это же не чары.

— А кто же?

— Донгур, так называют двухгодовалого бычка.

Оля, видимо, уже устала смеяться надо мною и потому терпеливо объясняла новое название. А потом легко вскочила на рогача и умчалась. Лишь слышно было, как копыта донгура отбивают о землю какой-то бешеный ритм.

Я взгрустнул: все равно не узнаю до конца всех названий оленей...

МОЙ ОЛЕНЬ

Мне очень хотелось поездить на чары. Но все как-то не осмеливался. Думал, свалюсь с него, а это страшлище, пожалуй, что-нибудь сделает со мною — укусит, а может, затопчет.

На то были веские причины. Однажды утром, когда я неловко привязывал к жердине чары, на котором только что прискакал Артыш-оол, тот как боднет меня рогами! Расцарапал щеку. К моему стыду, это заметили Оля и Чойганмаа — вот уж посмеялись! Даже у них животы заболели, сами признались потом.

— Разиня! Зачем совал голову под чары?

— Сами разини! Я ведь не совал под него голову. Стал чаклоняться, он и боднул меня.

Лишь Самбуевич ободрил:

— Некоторые не совсем обученные донгуры пинаются

передней ногой. Не надо близко подходить к ним. Но, если разобраться, то нет среди животных более спокойных и добрых, чем олени.

...Я научился принимать от ребят повод и ловко привязывать чары к жерди. Но это уже не радовало, как прежде. Хотелось самому, как ребята, ловко вскочить на олени и с гиканьем нестись быстрее ветра, чтоб удивился весь Одуген.

О моем желаниии первой догадалась тетя Суямаа:

— Поймайте-ка для своего друга спокойного чары, научите его ездить. Видите, он не отходит от оленей.

Артыш-оол мигом поймал чары с большими широкими рогами. Был он весь серым, и лишь на груди волосы чернели. Мне показалось, что он смотрит на меня с затаенной злостью: вот, мол, я тебя сейчас прокачу, будешь знать, городской человек! Я даже попятился назад, но ребята, поднатужившись, посадили меня прямо на спину рогача.

Рога чары возвышались надо мной. На спине его оказалась горбинка, которая была удобна для езды. Но шкура животного предательски скользила куда-то из-под меня. Я чудом держался на олене. К моему несчастью, появились хохотушки Чойганмаа и Оля.

— Смелей, Онер! Ты совсем улегся на чары,— принялись они командовать мною.— Ногами-то крепко не прижимайся к бокам. Да не хватайся за гриву! Аж вспотел, бедный! Чары, на котором сидит, и то не вспотел, а он...

Тут за меня вступилась тетя Суямаа:— Девочки, займитесь посудой, сходите к ручью. Не мешайте ему учиться.

Мальчики водили моего оленя по очереди, а когда подошла очередь Артыш-оола, он предложил:

— Может, сам возьмешь поводок в руки?

— Нет, нет,— отказался я, но все же несмело принял поводок из рук друга.

Мой чары легонько побежал. В одном месте он неожиданно шагнул в сторону — и я кубарем скатился с него! Вскочил на ноги, от испуга не чувствуя боли. Оля и Чойганмаа тут как тут. Одна из них держит чары за поводок, другая стряхивает прилипшие к моей рубахе травинки.

— Чего так жидковато крикнул-то?— издевается рыжая.

А я и не помню, крикнул или нет.

— Онер, а ты попробуй на моем,— предлагает Чойганмаа.

Мать Артыш-оола, стоящая поодаль, возразила:

— Он свалился со спокойного чары, а вы что же предлагаете ему дикаря? Удумали. Пусть уж ездит на своем.

И меня снова, будто мешок с овсом, водрузили на спину оленя. Только теперь водила Оля на своем чары. Она сразу взяла с места в галоп. Я кричу, но девочка будто и не слышит, гонит во весь дух обоих оленей. Я чуть не плачу:

— Ой-ой, упаду-у-у! Давай шагом! Э-эй, уруг! Дев-чон-каа!

Я закрыл глаза и прыгнул на землю. Опять ударился, но уже не так больно, как в первый раз.

В это время нас увидел возвратившийся в стойбище Самбуевич:

— Он, однако, боится, поэтому не может удержаться на олене. А ты не бойся, Онер. Вообрази, что сидишь на бревне, и скачи, ни о чем не думая. Не хватайся за гриву чары, держи повод крепче в руке. Будь смелее, сынок, и не только олень,— горы тебе покорятся.

У меня плохо получалось, и девчонки начали меня жалеть: «Бедный... Бедненький...» Я стал сам себе противен.

— Ой, Чойганмаа, не спеши! Упадет еще наш парень, нос разобьет, заплачет.

— Смотри-ка, он сразу научился ездить, как я стала водить его оленя.

— Сидит еще неуверенно.

— Нет, сейчас он умело сидит. Ведь так, да? Фу ты, за-была! Как тебя зовут-то?

— Онер-оол.

— Ха-ха-ха! Эмер-оол! Сосунок, что ли?

У меня не было возможности ответить обидчице, успевал лишь хвататься за гриву чары.

— Сердитый-то какой! Аж лица на нем нету.

— А ну-ка, посмотрим,— хохочет краснощекая Оля.— Действительно, даже лоб наморщил.

Наверное, со стороны я и впрямь выглядел смешным: беспрестанно думал лишь об одном — как бы не упасть...

Ездили мы долго. Мне казалось, что я уже освоился, и потому храбро попросил:

— Давайте поводок!

— Ой!— удивилась Чойганмаа.— Видишь, я научила его.

Взяв поводок левой рукой, правой все же держусь за гриву. Но чары оказался хорошо управляемым: стоило мне ослабить поводок — он ускорял ход, а когда натягивал его — замедлял; попробовал потянуть чары налево, направо — тоже получилось. А вез олень так мягко и плавно, что мне даже стало казаться, будто плыву в лодке по городскому пруду.

Сначала ездил тихо, а потом стал осторожно погонять

оленья. Как легко был он на ходу! С ходу брал любой склон, рогами дырявил небо. Мне казалось, что я заарканил горы и притягиваю их к себе.

Только теперь убедился я в правоте слов Самбуевича. Трусость делает человека бессильным. Смотришь на землю в поисках лучшего места, чтобы свалиться,— похож на мешок. А перестал бояться — и горы подвластны тебе.

Оля похвалила меня:

— Опер, а ты молодец! Только сиди прямее, держись свободнее.

Когда ребята вернулись в аал, я уже считал себя настоящим наездником. И даже не откликнулся на приглашение хозяйки ужинать. Видели бы меня ребята из Кызыла! Они наверняка бегали бы за мною, просили их покатать. Эх! Видели бы они меня теперь!..

Я катался на своем бедном миллом олени до появления звезд. И слез с него, только когда подошел отец Артыша: — Хватит, сынок! Завтра еще поедешь. Думаю, ты давно проголодался. Иди, поешь.

До поздней ночи не давал я уснуть Артыш-оолу своими бесконечными разговорами:

— Артыш! А утро скоро придет? Я бы опять поездил на своем чары!

— Завтра сядешь на другого, он будет побойчее. Аж ветер засвистит в ухах!

— Нет! Мне другой чары не нужен! Я буду ездить только на своем.

Но Артыш-оол уже не слышал, он спал.

За палаткой стучали рогами олени, сбсжавшиеся на лакомство — каменную соль. Среди них был и мой олень; мне казалось, я даже узнавал его по легким шагам...

Окончание следует.

Владимир Нестеренко

СКАЗАНИЕ О ТАННУ-ОЛА

В далекие-далекие времена, когда земля еще меняла свой лик, в центре Азии лежала широкая цветущая долина. Одним краем она упиралась в подножие Саян, вторым задевала сыпучие пески.

С горных круч в долину сбежали бурные реки. Они поили влагой буйные травы и теиистые леса.

В долине жили мирные скотоводы. Они накапливали знания, из поколения в поколение передавали их. Умирая, старики оставляли молодым скот и юрты, мудрые советы и песни.

Люди жили дружно. И никто никогда не задумывался над тем, — счастливы ли они, потому что не знали горя.

Однажды с южных песков на долину налетела Черная Буря и принесла людям горе. Она высушила травы, перемела песком многие реки, погубила стада верблюдов, табуны лошадей, отары овец.

Сильные принялись отбирать у слабых оставшийся скот, прогонять соплеменников с сохранившихся богатых угодий. В долине часто слышался плач, люди стали забывать песни.

Жил в тех краях молодой охотник Танну-Ола. Он был строен и высок, как ель. Грудь его была столь широка, что на ней разместились бы юрта.

Родители юноши погибли во время бури. В наследство ему остались отцовский лук с колчаном стрел, девять овец, одна коза, веселый неунывающий нрав да богатырское сердце.

Танну-Ола похоронил родителей и на их могиле поклялся отомстить Черной Буре. Никто не повсрился его словам, никто не знал, как бороться со злодейкой.

Не знал и сам Танну-Ола. Но он верил: придет время, и богатырское сердце подскажет.

Шли дни. Юноша ходил на охоту, пас свое маленькое стадо, слагал и пел песни. Люди часто слышали его звонкий голос, и улыбки появлялись на их устах, пропадала печаль, и отступал страх перед Черной Бурей.

Тем временем злодейка прослышала о дерзком Танну-Ола, который ходит по степи, поет песни, помогает людям прогонять печаль и страх, и решила наказать его.

Она внезапно налетела на долину, застала юношу с его маленьким стадом в чистом поле у небольшого холма. Потемнело небо, потускнело солнце, и дикая косматая Буря закружила юношу, собираясь поднять его к небесам и бросить оземь.

Но устоял Танну-Ола, собрал в кучу животных и погнал к холму, где с северной стороны его, как стена, поднимались невысокие скалы. Тут бешеные порывы ветра разбивались об утесы, смирились. Только сыпала Буря в бессильной злобе колючим песком, гудела, но оторвать от скалы юношу сил не хватало.

И понял Танну-Ола, что только на просторе сильна Буря, только там побеждает, где со всех сторон подступиться может.

«Вот в чем твоя сила, — подумал Танну-Ола. — Так отгрожу я долину от южных песков каменной стеной! Дай только, мать родная, мне силы!»

Но не было у него больше матери. Он опустился на серый камень, задумался.

Долго ли сидел юноша, коротко ли, как вдруг услышал родной голос: «На хорошее дело решился, сынок, но лишь тогда отступит Черная Буря, когда три жертвы принесешь».

«Подскажи, матушка, откуда мне стену начинать?» — встрепенулся юноша и стал прислушиваться.

Как ни ждал ответа, но так и не услышал больше голоса матери, только чувствует — наливается его тело силой богатырской, сердце отвагой полнится.

Вернулся Танну-Ола на стойбище, а там — горе. Ручей, что поил его соплеменников, засыпан песком, умер. Люди собираются откочевывать в поисках нового источника.

Не стал задерживать их Танну-Ола. Кто он? Безвестный сирота, у которого всего лишь девять овец да одна коза. Только и сказал:

— Возвращайтесь, люди добрые, в эти места к осени. Я обещаю вернуть вам воду.

Ничего не сказали люди, разобрали юрты, откочевали в другие места, а Танну-Ола с песнями принялся за работу.

Много ли, мало ли прошло времени, только снова заискрились на солнце животворные струи источника, с камешка на камешек перескакивая.

Тем временем люди, вернувшись с кочевий, встали на зиму у ручья, благодарили юношу. Только не радость в глазах у людей увидел Танну-Ола, а печаль. Да как не тужить! Не раз налетала на стойбища Черная Буря. Много скота погубила, а впереди зима, чем кормиться, коль и сейчас встречу отпраздновать нечем? А какой праздник без обильной еды? Когда не дымится в котлах хан, не льется из когээров арака...

— Берите моих овец, люди, режьте их, варите угощение, — сказал Танну-Ола.

Так и поступили люди. Только принялись за трапезу, откуда ни возьмись, налетел Вихрь, закружил, поднял к небу тучи песка и пыли.

В страхе попадали люди на землю. Только Танну-Ола не испугался: выхватил из колчана тяжелую стрелу, натянул

тугую тетиву лука, изловчился и поразил Вихря в грудь. Взвыл злодей, упал на землю, покатился с востока на запад. Из груди его кровь закапала. А кровь Вихрева — пыль да горячие пески. И что ни капля застывшая, — то валун на земле. И когда улеглось все вокруг, увидели люди — гранитная гряда протянулась с востока на запад.

Радость и счастье вернулись к скотоводам. Нашелся среди них богатырь, победивший Вихрь! С тех пор люди стали смеяться над злодеем, когда тот, обескровленный, залетал к ним в долину. В бессильной злобе волчком крутился он по стойбищу, но не мог уж причинить вреда, а только забавлял детей.

Дни шли. Танну-Ола ходил на охоту, пас свою единственную козу, пил ее молоко, и в теплые солнечные часы играл на хомусе, пел богатырские песни. В них говорилось о том, что у каждого народа должен быть богатырь, который защитит людей от беды, победит их врагов, вернет свободу. Самый счастливый человек среди людей — этот богатырь, потому что служение пароду — высший почет.

Скотоводы слушали Танну-Ола и говорили друг другу, что он и есть тот самый богатырь, о ком поется в песне.

Послушать Танну-Ола приходили отовсюду. Однажды среди аратов юноша увидел стройную, как тростник, красивую, как полевой мак, лучезарную, как майское утро, девушку и полюбил ее с первого взгляда. Она была одета в белоснежные одежды и, не отрываясь, смотрела на Танну-Ола. Взгляд ее черных глаз был нежен и печален.

Танну-Ола встревожился и, окончив песню, поспешил узнать, отчего печальна юная красавица.

— Кто же ты, чья дочь? — воскликнул Танну-Ола. — И почему глядишь печально?

— Мать моя — Дождевая Туча, — сказала девушка, — та, которую всегда ждут люди. А печальна я потому, что уже много дней кружу возле тебя и только сегодня, в день нашего расставания, ты заметил меня.

— Почему в день расставания, а не встречи? — воскликнул изумленный юноша. — Ведь нам некуда спешить!

— Уже поздняя осень, Танну-Ола, и я улетаю. Завтра явится мой отец Снегопад. Он покроет землю пушистыми снежинками. Но у него, как и у всего нашего семейства, есть злейшие враги — Черная Буря и ее сыновья — Вихрь и Буря. А сейчас я улетаю, Танну-Ола, — промолвила грустно

девушка.— Вернусь в эти края весной и, если ты пожелаешь, я всегда буду рядом с тобой.

Девушка взмахнула белой накидкой, поднялась к небесам и поплыла там маленькой тучкой.

Иорывистый Танну-Ола бросился было вслед за ней, но понял, что любимую не догнать, и остановился.

Наустро в долине — снегопад.

«Снег упал на влажную землю,— говорили люди,— быть хорошему урожаю трав. Только бы зима суровой не оказалась».

Дни шли за днями. Танну-Ола с нетерпением ждал весны, пас на заснеженных лугах свою козу, пил ее молоко, ходил на охоту.

Однажды ранним утром сквозь сон Танну-Ола услышал вой и хохот, леденящие в жилах кровь.

Недоброе почувствовал богатырь. Откинул теплое меховое одеяло, проворно вскочил с постели, вышел из юрты и увидел, как по снежной равнине пробежал легкий Вихрь, а небосвод над долиной обложило снеговыми тучами, и вот-вот начнется снегопад.

— Берегись, несчастный Танну-Ола, пришла расплата. Братец Буран в долину пожаловал,— услышал он вой Вихря.

Не успел Танну-Ола глазом моргнуть, как налетел на него белый Буран, поднял снега с пастбища, вытряхнул из снеговой тучи снег, закружил, замел. Глядь, а уж по колено в снегу стоит богатырь, юрта — на глазах тонет. Беда! Заметет буран стойбище аратов, погубит людей под толщей снега. А если выберутся, скот не спасут — голодная смерть всех ожидает.

Что делать Танну-Ола, как усмирить Буран? Лук со стрелами в юрте остались, вход в юрту снегом забит...

Рванулся Танну-Ола к двери, стал отбрасывать снег руками. Да не тут-то было. Откинет богатырь глыбу, а вместо нее еще больше наваливает.

Бился, бился Танну-Ола — не мог проникнуть в юрту. Глянул вокруг — соседние юрты утонули в снегу, глянул на загоны с овцами — и там ничего нет. Все сровнял Буран. Сам Танну-Ола по пояс в черыме¹ завяз. А буран пуше прежнего метет, волком воет. Собрал все силы богатырь, бросился к загону, где овцы аратов стояли, вырвал из снега крупную жердь с острым, как у копья, концом, изловчился и метнул свое оружие в грудь Бурану.

¹ Черым — плотно спрессованный снег.

Взвыл злодей, заметался по полю, полилась из раны белая кровь, и как упадет капля на землю — так в огромный валун превращается. Но не сдается Белый Буран, метнул в богатыря груды снега, едва не завалил его.

Видит Танну-Ола, силен еще злодей. Выхватил богатырь вторую жердь, метнул в грудь врага. Брызнула кровь, потекла ручьем; и где с землей соприкоснется, там в камешные глыбы превращается. Все тише и тише метет буран, а вскоре и совсем долину покинул, ушел с востока на запад. И там, где пронесся он, истекая кровью, там каменная гряда выросла. Выше и шире первой.

Бросился Танну-Ола выручать аратов. Всех спас, а вот скот спасти не успел. И поднялся над заснеженной долиной великий плач. Люди приготовились к голодной смерти.

— Не печальтесь, люди добрые!— воскликнул богатырь.— Я вас от холодной смерти спас, а моя коза от голода спасет. Берите ее, молока она даст, сколько выпьете, варите из него масло, кормите детей. А там и весна придет, травы вырастут, новый скот заведете.

Не хотели брать единственную козу люди, да делать нечего — надо кормить детей малых, стариков слабых. Поблагодарили богатыря за подарок, а он вдруг почувствовал смертельную усталость и, отдав козу, пошел к себе в юрту, лег на кошму, укрылся мягкой овчиной, заснул богатырским сном.

Неизвестно, сколько бы спал богатырь, если бы весной не явилась к нему Тучка, не умыла дождевой водой. Встрепнулся Танну-Ола, раскрыл очи и увидел свою возлюбленную, несказанно обрадовался.

Улыбнулась Тучка, брызнула теплыми каплями, сказала:

— Прослышала я о твоём подвиге, Танну-Ола, и о твоём богатырском сне. И спать бы тебе вечно, если бы не умыла я тебя дождевой водой. А победа твоя славная. Не будет теперь в вашей долине ни буранов, ни метелей. Покинул навсегда эти края Белый Буран.

Так и случилось. С тех пор в долине зимой не дуют холодные ветры, не метут злые бураны. Недвижимо лежат снега. Лишь на вершинах гор свирепствуют метели, набивая тайгу снегом.

Шли дни. Танну-Ола не пас уже скот, а только ходил на охоту, часто встречался в чистом поле со своей возлюбленной, которая поселилась в долине и спускалась к нему в гости. С каждым ее приходом молодели, гуще и выше станови-

лись травы, быстро множились стада. В долине слышались смех, песни: люди поговаривали о будущей свадьбе Танну-Ола и Тучки.

Только недолго длилась людская радость. Черная Буря в долину беду за бедой гонит. Налетит, разорвет серые дождевые тучи, высушит землю, заметет песком родники и во-свосяси убирается. Это она за поражение своих сыновей мсти-ла. Ни стрелы, пущенные Танну-Ола, ни копыя, брошенные богатырем, не могли поразить злодейку, потому как много-головая она была.

— Чует мое сердце, большая беда к нам придет,— гово-рила Тучка своему жениху.— Буря погубить нас задумала, долину в пустыню превратить. Ее только меч одолеет.

Успокоил невесту богатырь, принялся ковать себе меч из всего железа, какое только нашлось в долине. Славный по-лучился меч, по руке одному Танну-Ола.

Буря не заставила себя долго ждать. Налетела, затмила солнце.

Схватил свой меч Танну-Ола, вскочил на самый высокий валун и стал сражаться с Бурей. Взмахнул мечом, отсек го-лову, и где упала она, там гора выросла. Отсек вторую — вторая гора образовалась. Но не ослабевает Черная Буря, пуше прежнего свирепствует. Вот уже многие луга песком засыпала. Уже всего одна голова у Бури осталась, только достать ее мечом богатырь не может. И вспомнил Танну-Ола слова матери: «Лишь тогда отступит Черная Буря, когда три жертвы принесешь».

Но нечем пожертвовать Танну-Ола. Нет у него больше ни овец, ни козы, есть только любовь да жизнь — самое дорогое на свете. Но любовью своей Танну-Ола распоряжаться не может, любовь его принадлежит Тучке. И понял богатырь, что только жизнь свою может принести в жертву.

— Люди,— прокричал Танну-Ола,— я отдаю вам свою жизнь. И только вымолвил, как достал мечом Черную Бурю, но в тот же миг обрушились на богатыря гигантские валуны, и упал он, и вытянулся с востока на запад. Черная Буря, празднуя победу, еще долго сыпала камнями, погребая храброго юношу, и все выше и выше становился его могиль-ный холм. И уже не холм это, а горная гряда поднялась под самые небеса. Лишь только тогда обессилела Черная Буря, улеглась, унося в логово свою единственную голову, убралась залечивать раны, чтобы с новой силой обрушиться на непо-корное племя, которое вырастило смелого богатыря Танну-Ола. Да только неприступной преградой встала на пути Бури

великая могила богатыря, которую люди называли Восточный и Западный хребты Танну-Ола. Каждую весну буря стремится в долину, но разбивается о гранитные горы, пересыпает валуны той земной пылью, которую приносит с собой. Лишь в майские дни, когда расцветает в долине черемуха, люди ощущают ее злобное дыхание, но оно уже не может принести беду.

Много лет минуло с тех пор. Уже оделись горы дремучей тайгой, уже родники пробились сквозь каменную толщу, сбегали бурными потоками в долину, напоили землю, уже пески, нанесенные Черной Бурей в Танды, поросли травой и кустарником, а память людей о Танну-Ола не умирает. И те слезы, что когда-то выплакал народ над могилой своего героя, превратились в облака, и, поднявшись в поднебесье, пополнили они ослабевшие силы невесты Танну-Ола; и по сей день, часто, в летнюю пору Тучка повисает над могилой своего возлюбленного. И слышат люди, как, громыкая громами, плачет она, и слезы проливаются на леса теплыми дождями, и туманы, окутывая тайгу, омывают ее серебристыми росами.

Сатира и юмор

Василий Монгуш

САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

СЫНОВНИЙ ДАР

— Говорят, в командировку собираешься? В Адыр-Кежиг, случайно, не заскочишь?— осведомился у меня Хомус-оол.

— Мимо поеду. Могу и заскочить, если дело есть.

Хомус-оол кивнул головой:

— Просьба у меня к тебе,— он придвинулся поближе,— видишь ли, в Адыр-Кежиге мой отец живет. Я ему отправлю свой костюм, и письмецо еще напишу. Забрось по пути.

— Костюм? А сам в рубашке останешься, что ли?— пошутил я.

— Па!.. Костюмов у меня не перечесть, полный гардероб. Поношенные пускаю в дело. Что не удастся продать — высылаю отцу.

Адыр-Кежиг — поселок небольшой. Без особого труда я нашел там дом отца Хомус-оола. Едва успел поздороваться и сказать, откуда приехал, как он и говорит:

— У меня сын в Кызыле, не знаешь ли его?

— Как не знать! Работаем вместе. Он вам отправил со мной подарок и письмо.

Старик схватил конверт, потом костюм, повертел в руках и осторожно положил на кровать.

— Зрение у меня совсем ослабло, прочитай-ка письмо ты, сынок,— сказал и протянул конверт обратно, мне.

«Здравствуй, дорогой отец!— громко читал я вслух.— Как живешь-можешь? Никак не соберусь к тебе приехать,— до предела занят. В письме не описать, как я переживаю за тебя. Кажется даже, что ты во всем рваном ходишь... Поэтому я с

плеч снял свой костюм и отправляю тебе, отец. Обойдусь как-нибудь, лишь бы тебе было хорошо...»

Я стоял у конторы, ожидая автобуса, чтобы ехать дальше, в райцентр. Тут-то и подошел ко мне отец Хомус-оола.

— Прекрасный у меня сын. Каждому бы такого сына! С плеч костюм снял и отправил старому отцу! Я тут накопил с пенсии немного денег, отвези ему, сынок. Может, ему на костюм хватит? Обойдусь как-нибудь, лишь бы ему было хорошо.

И он протянул мне узелочек: в нем шуршали бумажные деньги и твердо прощупывалась мелочь.

Вернувшись на работу, я передал узелочек Хомус-оолу. Он развязал тряпочку, деловито пересчитал — девяносто семь рублей 69 копеек.

— Э-эх, маленько до сотни не дотянул!.. Вот что, друг: случится тебе в ту сторону ехать в командировку, предупреди меня. Я старику, пожалуй, еще брюки отправлю... Ну, те, которые утюгом прожег...

ЗАЯВЛЕНИЕ

— Что ты будешь делать, если директор тебя критиковать станет?— спросил меня Хуреш-оол.

— Как что? Выслушаю замечания и постараюсь исправиться,—ответил я.

По лицу своего товарища я без слов догадался, как он удивлен моим ответом. Весь его вид говорил: какой же ты глупец!..

— Цену себе надо знать, браток. К каждой придирке прислушиваться,—никуда не продвинешься, никогда человеком не станешь. Выслушай совет брата: огни и воды я прошел, со мной не пропадешь! Ну — навести уши! Допустим, завтра ты приходишь на работу, а директор начинает придираться: низкого качества продукцию выдаешь и т. д. и т. п. Ты мужественно выслушаешь до конца и говоришь так культурно: «Большое спасибо, с сегодняшнего дня я здесь не работаю». Сказал — и так хладнокровно выходишь из его кабинета. А через несколько минут вихрем туда же влетаешь,—хлоп на стол заявление! И уходи. Директор пошлет за тобой секретаршу. Останетесь с ним в кабинете один на один — тут он упрасивать: «Виноват, дорогой, погорячился. Нельзя так опрометчиво поступать, давай будем вместе работать». Сдаваться сразу не нужно, сиди себе и цену набивай: «Мне, по-

жалуй, действительно лучше уйти, товарищ директор. Поищите других, поискусней меня». При этом не забывай придать лицу строгий вид. Пусть он тебя еще поуговаривает. Под конец скажи: «Ради вас разве только останусь. Вообще-то я человек решительный, сказано—отрублено...» Затем нехотя берешь принесенное заявление и победителем выходишь из кабинета...

«Тут что-то есть,— думаю.— Как говорится,— рациональное зерно. Случится подобная ситуация,— можно испробовать»,— решил я. И надо же: буквально через неделю директор понес меня, разбирая по косточкам. Выслушиваю его. Он закончил,— я медленно встал с места:

— Благодарю вас за критику. Раз я выпускаю бракованную продукцию, то нет никакого смысла мне здесь оставаться,— сказал и вышел.

Пришел в красный уголок, накарябал заявление — и снова к директору в кабинет. Даваа Кыргысович уже людей собрал, деловой разговор у них идет. Я на это ни малейшего внимания; положил на стол заявление и, не оглядываясь, вышел.

Пришел в цех, продолжаю работать. Жду: сейчас меня секретарша, симпатичная, между прочим, станет искать, приглашать к директору...

Действительно, после обеда она ко мне подходит:

— Зайдите, пожалуйста, к директору.

— Это в самый-то разгар работы!— ворчу.— Сейчас, что ли?

— Немедленно,— бросила секретарша.

Вошел в кабинет. Директор протягивает мне мое заявление. Читаю резолюцию: «Просьбу удовлетворить...»

УКРАЛИ КОЛЕСО

Самданчап купил новые «Жигули».

— Хорошая машина. Как нарочно для меня,— хвалился хозяин.

Он и почевать дома перестал, спит в машине. Жену позвать захочет, а сам кричит: «Эй, «Жигули»!

Как выберется время, едет в город. Что ему тридцать километров? Несколько минут. В городе Самданчап оставляет жену в машине, чтобы караулила, сам идет по магазинам. А жене, думаете, приятно сидеть, ничего не видеть, ничего не купить?

— Я тоже хочу по магазинам походить,— однажды сказала Серенмаа мужу.

— Машину угонят — что станем делать?— ответил ей Самданчап.

«И вправду,— подумала Серенмаа,— а вдруг — воры».

Пришел Самданчап из магазина — нет в машине жены. И переднего колеса нет. Ух, и осердился на жену наш машинный владелец! А колесо надо искать. В милицию побежал.

Дежурный милиционер передал по постам: пропало колесо от «Жигулей».

Только вышел Самданчап из милиции, его окликает молодой сержант:

— Наш сотрудник задержал человека. Он нес на себе колесо. Вы можете опознать свое?— спросил.

— Колеса все одинаковы, но по маленькой царапинке на диске могу узнать, товарищ сержант.

— В таком случае подождите на скамейке, сейчас приведут задержанного.

В груди Самданчапа все клокотало: появился вор, укравший его колесо с его «Жигулей»,— да он уложит негодяя на месте!

Дверь тихо открылась, и показалась Серенмаа. За плечами у нее было пристроено колесо.

— Где ты его нашла, женушка?— спросил Самданчап и, не стесняясь посторонних, обнял одной рукой жену, другой— колесо.

— Где бы я нашла? Сама сняла!

— Сама?! И зачем?!

— Машину угонят — что станем делать?

КОМУ НУЖНА КРАСОТА

Даваажан остался дома один. Жена уехала на курорт. Варил он себе вечером по-холостяцки чай. Зашел к нему сосед Малай-оол. Чайку попили, поговорили о том о сем...

— Это хорошо, Даваа, что ты путевку раздобыл, жену порадовал. Теперь сделай так, чтобы она радовалась и по возвращении с курорта,— посоветовал гость.

— Чем же еще могу ее обрадовать?— понуро отозвался хозяин дома.

— Любая мелочь может обрадовать женщину, друг! Ласковый взгляд, пестрая тряпка... А лучше всего вот что: отремонтируй-ка квартиру без нее. Ты посмотри, посмотри, ка-

кие у вас полы — палец свободно пройдет между половицами! Сплотить их как следует да покрасить. Жена придет — не узнает!..

Доброму совету отчего не последовать? В воскресенье Малай-оол привел с собой двух смуглых парней, представил: Рафик Сароян и Алик Иштоян. Оба работали на стройке, но в свободное время согласились помочь Даваажану. Не прошло и часу — по квартире будто верблюд прошелся: все ходунном ходило.

Даваажан только и делал, что бегал в магазин и обратно. Малай-оол тоже не сидел сложа руки: гостям-помощникам горло вовремя смачивал. Под конец, правда, больше шуметь стал, чем помогать.

К приезду жены ремонт был закончен: полы блестели, стены сияли. Хозяин квартиры гордо расхаживал, с нетерпением ожидая свою Раю, — чем не герой?

Рая вошла в квартиру, огляделась растерянно, словно заблудилась... А как узнала, в чем дело, — шум подняла:

— Куда я теперь мусор буду девать? В кухне в полу такая удобная щель была, всегда туда заметала... Теперь выносить придется, да? Нашел мне лишнюю работу, да? — и повернулась к мужу угрожающе. — Кто белил? Женщины?

— Сароян и Иштоян.

— Ах, даже две?

— Да что ты, милая! Рафик, говорю, и Алик, парни оба...

— А деньги им уплатил?

— Бесплатно, милая, пока ничто не делается.

— А новое платье я на что буду покупать? Красоту он навел в квартире, глядите... Кому она нужна, красота?..

Действительно — кому?

ДОБРОВОЛЕЦ

До конца рабочего дня оставалось минут двадцать. Уже сумки и портфели, застегнутые, дожидались под столами — берись за ручку — и домой. И в такое-то время всех в кабинет директора! Едва Оолакпай последним закрыл дверь за собой, директор, Арзылан Тевек-оолович, медленно поднялся с места, словно пересчитывая, обед взглядом вверенный ему коллектив и начал басом:

— Завтра субботник. От новой гостиницы строительный мусор убирать. От нашей организации пойдет один человек. Добровольцы — вызывайтесь!

В кабинете воцарилась тишина.

— Начын-оол, ты не смог бы принять участие в субботнике?

Широкоплечий Начын-оол — его всегда можно видеть в ряду шестидесяти четырех борцов — нарочито откашлявшись, произнес:

— Что ж — дело нужное, важное. Я, знаете, как болею за общественные дела! Но на этот раз не могу: жена занемогла. В следующий раз пойду безо всякого.

Директор понимающе кивнул лысой головой и продолжил:

— Отработай ты, Самбал. Денек ведь всего.

Тот вздрогнул и вскочил с места:

— Если надо — что там день! — и месяц можно работать. Лет пять назад я тоже принимал участие. Но вот на этот раз, Арзылан Тевек-оолович, прошу освободить меня: колет что-то в правом боку, возможно, аппендицит...

— Да-а, с мужиками, видно, нам не поладить, — произнес директор и перевел взгляд на женщин. Те опустили головы, словно школьницы, не приготовившие уроков.

— Чимистей, как ты на это смотришь?

— Сынок у меня, оставить не на кого, а то бы я...

— Он у тебя в садик ходит?

— Нет, в школу. В десятый класс.

— Катюша, наверное, ты не подведешь?

— Конечно, можно бы сходить, но у меня день рождения...

— В субботу?

— Нет, во вторник.

— Ну — до вторника еще вон сколько! Сходи.

— Не могу. Пиво у меня бродит.

— Ну и прекрасно, крепче будет.

— А муж? Доберется — и все вылакает. Приду вечером — увижу пустую флягу...

Арзылан Тевек-оолович вытер пот со лба. К кому еще обратиться? Глаза его остановились на мне... «От судьбы не уйти», — мелькнуло в голове, и не успел он еще рта раскрыть, как я выпалил:

— Меня записывайте! Я пойду... добровольцем.

Арзылан Тевек-оолович улынулся, сотрудники подняли головы.

— Молодец, Кушкаш-оол! Вот это доброволец! — слышалось со всех сторон.

— Будем распределять премии — учтем твою активность! — пробасил директор.

Эти слова показались мне знакомыми, слышал их впер-
вые лет пять назад. Но премии не получал ни разу...

Вячеслав Тимофеев

ГТО, МИТРОФАНУШКА И МУМУ

Юмористический рассказ

С утра методист по физкультурно-массовой работе совхоза «Возрождение труда» Илья Прямухин находился в мрачном состоянии. На то имелись веские причины: с минуты на минуту ему должен был позвонить председатель райспорткомитета Василий Миронович Зюкин и голосом старшины сверхсрочной службы спросить:

— Как там у тебя дела, Прямухин?

А под этим «как там у тебя» подразумевалось не что иное, как квартальный отчет о массовых соревнованиях, которые Прямухин должен был провести среди механизаторов, животноводов и полеводов.

Отчитываться Илье было не в чем: в свободное время он в основном читал литературу — отечественную и зарубежную.

Сдача норм комплекса ГТО завалена? Завалена. В соседнем совхозе, говорят, двадцать два молодца выполнили нормы на золотой значок. Знал Прямухин, что цифры эти — дутые, ничего подобного у соседей не было и не будет, поскольку хозяйство по всем показателям плетется в районе в хвосте, а пьаниц у них — хоть пруд пруди. «Видать, по прыжкам в сторону они заработали эти золотые значки, — ухмыльнулся Прямухин. — Или же каждодневными набегами в сельпо, где никогда не выводятся азербайджанский портвейн и красный вермут».

Соседи-то соседями, а вот как выкрутиться ему, Прямухин ума не мог приложить. Можно, конечно, упомянуть о кроссе. Все видели, как Прямухин с главным зоотехником «Возрождения труда» Аристархом Ивановичем Баштаником ходил на зайца. Зайца, к сожалению, прошляпили, но массовость-то налицо!

Вспомнив об этой охоте, Прямухин несколько успокоился. Но ненадолго. Кто может гарантировать, что взбредет в го-

лову Зюкину: вдруг потребует подробности или, что еще хуже, фамилии?..

Тогда крыть будет нечем, тогда прощай все: премия, заработанный не за один год авторитет (правда, сомнительный), а также Почетная грамота.

Поэтому, как ни ждал Прямухин телефонного звонка, а все-таки сердце, когда он раздался, застучало в тошнотворном ритме, и методист против своего желания крупно вздрогнул.

— Ну, как там у тебя дела, Прямухин?

— Нормально,— неожиданно сказал Прямухин, осмелев (в критические моменты с ним происходили такие психологические колебания — опять-таки против его воли и желания).

— Кросс был?

— А как же!— удивляясь себе, вызывающе сказал Прямухин.

— Массовый?

— Разумеется!

— Фамилии?

Прямухину опять стало тошно. Мелькнула мысль пасть на колени и сознаться во всем, но Илья отогнал эту мысль. Тем временем в телефонной трубке начали угрожающе посапывать, а спасительная фраза не рождалась, потому что силы, брошенные на поиски этой фразы, находились в оцепенении.

Неожиданно методиста осенило.

— Баштаник,— сказал он. И тут же в его голове родилась куча фамилий.

— Та-ак, записываю: Каштанов,— слышалось в трубке не очень угрожающе.

— Да нет же,— сказал Прямухин.— Правильно — Баштаник.— Илью очень даже устраивал этот маленький антракт.

— Номер два — Паштанин,— чуть-чуть оживился голос в трубке.— Еще давай, Прямухин.

— Вы неправильно поняли, Василий Миронович. Передаю по буквам.

— Кто не понял? Что не понял?— возмутились на другом конце провода.— Я все понял. Диктуй!

— Бермудский,— сказал Прямухин (он недавно прочитал книгу Лоуренса Д. Куше «Бермудский треугольник: мифы и реальность»).

— Есть!— отрезала трубка.

— Ауэзов,— сказал Прямухин.— Зовут его Мухтаром.

Помните фильм «Ко мне, Мухтар!»? Но только это не тот Мухтар. Другой.

— Помню,— сказал Зюкин.— Но имена мне не нужны. Давай без имен.

— Следующий — Шемякин,— вдохновился методист, вспомнив забавную повесть «Шемякин суд» — памятник древнерусской литературы.

— Зафиксировано,— бодро отчеканил Зюкин.— Валий дальше.

— Тригорин,— сказал методист,— Ауэзов...

— Что, еще Ауэзов?— совсем повеселело в трубке.— Это что, семейный дуэт? Так, хорошо.

— Их у нас две многодетных семьи, Ауэзовых.— бесстыдно соврал Прямухин.— Целый взвод, можно сказать

— И все бегают?— поинтересовался Зюкин.

— Все без исключения,— сказал Прямухин.— И стар, как говорится, и млад. Любопытные, доложу вам, семья.

— Отлично, Илья!— восторженно звучало в трубке.

— Перечисляю дальше: Ноздрев, Ивашкевич, трое Карамазовых, рубаха-парень Григорий Мелехов...

— Записал. Ну, Прямухин, еще две-три фамилии — и быть тебе на доске Почета.

— Нехлюдов, Саша Черный, Скотинин, Снегина Анна, Цивилихин,— рассыпался методист,— семья Артамоновых, Карамзина Лиза, врач Вересаев, Жилин с Костылиным, предводитель местного спортобщества Воробьянинов, Митрофанушка, Муму...— И тут Прямухин понял, что понес такую околесицу и заварил такую литературную кашу, которую едва ли кто расхлебает. Но в душе он был оптимистом и поэтому сказал в трубку:— Могу еще.

— Достаточно, Илья. Хвалю за работу. Только вот последнюю фамилию не расслышал. Повтори!

— Муму,— беззастенчиво продолжал Прямухин.— Это его кличка. Мальчишки наши окрестили. А настоящая фамилия — Шафранский. Он последний блудный сын лейтенанта Шмидта. На тракторе работает.

— А-а, понятно,— сказал Зюкин, хотя по голосу чувствовалось, что ему ничего не понятно. И поэтому он выпалил:— Молодец, Илья! Умеешь работать с массами.

— Рад стараться!— рявкнул методист в трубку и нагло добавил:— У меня и с комплексом ГТО все в ажуре. Шестеро справились с нормами на серебряные значки, трое подтягиваются к золотым, а о бронзовых и говорить нечего: фамилий

целый ватманский лист. И на обратной стороне столько же. Перечислять?

— Не надо,— голосом старшины сверхсрочной службы сказал Зюкин.— Доложишь в следующем квартале. Еще раз благодарю за усердную службу, Прямухин. Физкультпривет!

И в трубке затинькали короткие гудки, в которых Прямухину чудился бравурный марш духового оркестра.

«А все-таки литературу не мешает знать мало-мальски,— закрыв глаза, блаженно думал Илья.— Хотя бы на уровне выпускника средней школы. Спасибо тебе, Митрофанушка».

ВАСИЛЬКИ НА КЛУМБАХ

Юмористический рассказ

Директор совхоза, человек старой формации, вызвал к себе инженера-строителя — одного из тех бледных и тихих молодых людей, которые подают надежды и метят в кандидаты наук.

— Нарисовал?— спросил директор голосом, от которого тряслись колени даже у битых толкачей.

— Вот, начертил,— лицо инженера побледнело пуще. Он положил на стол директора лист ватмана, на котором в прелестной манере был выполнен проект скверика перед конторой совхоза. Молодой специалист откровенно напирал на модерн: легкость, неожиданные углы линий и простор. По обе стороны сквера он изобразил клумбы, напоминающие космические ракеты — намек о вечной тоске человечества по звездам. Доска Почета была задумана из стеклопластика и плит прессованных опилок, а скамейки напоминали опрокинутые козлы.

Директор пожевал губами и начал наливать нехорошим румянцем. Инженер украдкой вытер о брюки замокревшие ладони и обреченно поморгал.

Директор крикнул и спросил, не поднимая глаз:

— Эт-то что?

— Клумбы, а на клумбах — незабудки, розы, васильки,— неожиданно стихами заговорил инженер: он с детства любил розы и васильки.

— Васильки — цветочки полевые,— отрезал директор.— Васильки в поселках не растут. А это не клумбы, это бала-лайки. Это — хор Пятницкого! Солнца на лопате захотел?— директор прикинул, смог бы он уместиться на скамейке, которая, как мы уже сказали, напоминала опрокинутые козлы. Решив, что не смог бы, расстроился вовсе.— Иди,— сказал

он,— ступай себе. Без твоих васильков обойдемся. Тоже мне, Мичурин нашелся.

Инженер на сутулой спине своей унес печать таланта...

Следом директор вызвал диспетчера Швычкина, облысевшего человека широких взглядов.

— Слышал?— спросил директор.— Самсон Порфирьевич прилетает. Велят готовиться, марафет, понимаешь, надо навести.

Они подошли к окну.

Перед зданием морщилась ржавая лужа. Ее задумчиво пересекал пенсионер Клейменов в литых резиновых сапогах Булычевской фабрики, дальше была грязная дорога, а за ней — пустырь в полях.

— Действуй,— сказал директор и показал пальцем:— Клумбу изобрази посередке, ну и еще что-нибудь... Плакат прибой насчет выполнения и перевыполнения. Чтоб сверх плана... Так. Пожарный щит, да чтоб покрашенный. Бак цинковый у входа — ноги полоскать... Чтобы культура. Действуй. И никаких васильков!

...Диспетчер Швычкин сидел на подоконнике второго этажа и командовал. Внизу ревели МАЗы, сыпался гравий, с натруженным рыком ползали бульдозеры, с краю площадки дымился асфальт, а рабочие кляли пенсионера Клейменова, который так же задумчиво проследовал к автобусной остановке и оставил на свежем асфальте рифленые следы литых резиновых сапог.

От здания конторы плотники судорожными зигзагами вели в две доски тротуарчик к деревянному домику с литерами «ж» и «м». Тротуарчик обрамляли бетонной оградкой и красили ее под цвет весенней травы. В красном уголке волосатый, как пудель, художник русской вязью писал лозунги.

К обеду бульдозеристы своротили два канализационных колодца, и аварию устраняла бригада слесарей.

Диспетчер Швычкин бумаг не подписывал и на телефонные звонки не отвечал. Он сидел на подоконнике, и лысина его вдохновенно блестела. Он уже несколько раз кричал рабочим, что платить будут аккордно, потом вдруг велел шабашить: от Самсона Порфирьевича известили, что он не придет, потому что ему некогда.

— Кончай!— крикнул диспетчер и улыбнулся: гора с плеч.

Площадка опустела, с краю еще дымился асфальт, дыбился гравий и чернела земля для клумбы. Плотники по-

бросали инструмент рядом с деревянным домиком с двумя литерами, а художник сунул кисть в керосин и пошел опохмеляться...

Недавно я проезжал мимо конторы совхоза. Я понял, что Самсон Порфирьевич так и не приехал, потому что пенсионер Клейменов стоял перед конторой в луже и размышлял, куда ступить дальше. Окно диспетчера было закрыто наглухо. Что же будет, если Самсон Порфирьевич не появится вовсе?..

Любовь Алымова

КОШМАРНЫЙ СОН

Исповедь неизвестного

Луна смотрела в сонное окошко.
До сотни я три раза досчитал.
Потом взял книгу, полистал немножко...
Не помогло. А прежде — засыпал.

Денек минувший был не из приятных.
Всему виной чувствительность моя.
Людей порочных, грубых, неопрятных
болезненно воспринимаю я.
Я страстно ненавижу бюрократа!
При встрече с подлецом душа горит!
И громче лозунга,
доходчивей плаката
моя бессонница об этом говорит.

Все началось, как водится, с дороги:
какой-то хам старушку оскорблял
в автобусе
и чуть не оттоптал мне ноги —
как раз я рядом с бабушкой стоял!

А на работе новые печали.
В курилке дядя Федя подошел:
не зря беднягу сплетником прозвали,—
он, не моргнув, такого мне наплел!..
Лил грязь на всех с невиданным стараньем,
со злобным выражением лица,
я в ход пустил все самообладанье,
чтобы его дослушать до конца.

А пообедав, в мастерскую вышел,
давно хотел в починку обувь сдать
Но то, что от приемщика услышал,
нельзя без содроганья вспоминать...
Он, повертев в руках мои ботинки,
негромко, полупшепотом, сказал,
что можно их отделать, «как картинки», —
когда б заказчик выше счета дал...
В душе я несказанно возмутился,
но не к лицу мне в обществе скандал,
и я, подумав,— чтоб ты подавился!—
с огнем во взоре прошенное дал.
Но тут мои не кончились печали.
Иду домой и думаю о том,
как это люди нынче измельчали!
Вдруг слышу крик —
«Спасите!»— за углом.
Видать, опять прохожих задевает
какой-нибудь подвыпивший сопляк...
«Ах! Как меня все это возмущает!» —
подумал я, домой ускорив шаг.

А дома, будто мало мне досталось,
пришел сосед и грубо намекнул...

Но тут воспоминания прервались:
на этом самом месте я заснул.
И оттого, что на ночь ел селедку,
а может, отчего еще, не знаю,
но снится мне, что я в какой-то лодке,
а в кулаке — рыбешка золотая.
И вот она мне молвит, будто в сказке:
мол, дай свободу, вмиг озолочу!
С такой мольбой смотрели рыбы глазки!..
А я не знал, чего же я хочу...

Но, вспомнив отвратительные лица,
что мне сегодня не давали спать,
не стал я с бедной рыбкою рядиться —
велел те лица строго наказать!

Все началось, как помнится, с дороги...
Какой-то хам старушку оскорблял!

И дальше всё, в подробностях премногих,
я этой самой рыбке рассказал.
И был мой приговор предельно ясен:
чтобы никто не подал им руки,
на всякого, кто обществу опасен,—
немедленно наклеить ярлыки!

Дослушав, золотая улыбнулась
и молвила, чешуйками звеня,
что ей идея эта приглянулась,
и что она начнет.
Начнет — с меня...

Критика и библиография

Александр Быков

ЗВЕЗДНОПЕСТРЫЙ КОНЬ ЭРИКИ ТАУБЕ

Мне всегда ясно и отчетливо представляется эта картина. Старенький грузовик уходит вдаль, к крутым отрогам Алтая, вздрагивая на выбитой копытами дороге. Проводившие его люди молча стоят неподалеку от белоснежных юрт родного аала. Они не выдают своих чувств ни прощальным жестом, ни громким словом, ни выражением лиц. Их невысокие фигуры, кажется, столь же принадлежат скудному пейзажу, как и это осеннее небо, как кромка гор с первыми облаками метели на гребне, как вся эта пожелтевшая степь с неизбывными запахами сухой земли и перестоявшей травы. Люди постоют и вернутся к своим будничным делам — запахнет дымком разжигаемого очага, послышится бляение овец, лай собак, скрип ворот отворяемых загонов. Приезд или отъезд одного человека ничего не может изменить в привычном течении жизни стойбища. А вместе с тем маленькое обыкновенное чудо уже свершилось. Тонкая и прочная ниточка взаимопонимания и дружбы связала селение, затерянное в бескрайних степях Западной Монголии, с большими старинными городами по обе стороны красивой реки Эльбы.

Послушай песни народа — поймешь душу народа. Старую эту истину доказывать никому не надо. В еще большей степени она касается народа, который после долгих веков угнетения обрел свою письменность, освободился от духовного гнета и порабощения, почувствовал радость новой жизни.

Сегодня поставленную новую юрту
опояшет обруч из серебра.
Сегодня поднятая пиала с чаем
напомнит о вкусе сахара.

Завтра поставленную новую юрту
опояшет обруч из золота.
Завтра в поднятой пиале с чаем
будет вкус чистого сахара.

В этой короткой свадебной песне тувинцев Сэнгэл-сомона как нельзя лучше отразилась и тяжесть жизни маленькой народности на западе Мон-

голии, состоящей из трех родоплеменных групп Кок-Манчаков, Ак-Соянов и Кара-Соянов, в прежние времена, и их неискоренимая вера в светлое будущее родного края, в его возрождение. Кочевой народ, стоявший на грани вымирания, даже в те далекие времена жил полной духовной жизнью, из горького опыта своего черпал самые светлые поэтические образы. История культуры знает столько примеров утраченных духовных ценностей, забытых и потерянных шедевров духовного творчества народов, что это заставляет ученых бороться сегодня за каждую крупницу знания жизни, быта, обычаев и традиций даже самых малых народностей. Потому что история самого малого народа — это часть истории человечества, без которой картина его жизни была бы неполной. «Устное творчество этого народа, — напишет Эрика Таубе в своей последней книге, — кроме научной ценности как фольклорного источника привлекательно еще и своей красотой и выразительностью, простотой и глубиной чувств, способностью радовать людей».

Вот, пожалуй, это желание видеть в духовном наследстве малого народа черты общечеловеческой культуры и привело около пятнадцати лет назад на тувинскую землю доктора филологии из лейпцигского университета имени Карла Маркса в ГДР Эрику Таубе, одного из крупных специалистов по вопросам культуры африканских и восточных народов. Круг ее интересов был чрезвычайно широк: от сбора фольклорного материала — сказок, песен, поговорок, восхвалений, шаманских заклинаний — до изучения музыкальных инструментов тувинцев; от визуального знакомства с обычаями и традициями одного из древнейших кочевых народов до социологических опросов. «Больше увидишь — умнее станешь», — эту тувинскую поговорку Э. Таубе, вольно или невольно, взяла на вооружение. Бесконечные верховые поездки в дальние уголки Сэнгэл-сомона, встречи, беседы, записи. Более шести месяцев в общей сложности прожила доктор Таубе среди тувинцев Сэнгэл-сомона, деля с ними пищу, кров, празднуя вместе и печалась, душой сживаясь с этим своеобразным и очень сдержанным, по европейским меркам, народом. Часто ей приходилось слышать: «Что рассказывать о нашей бедной жизни...» И немало терпения потребовалось, чтобы обнаружить за этим отказом не замкнутость, а скромность, нежелание «навязывать» свои сказки, песни, загадки. «Они считали, — пишет Э. Таубе, — что их сказки интересовали меня лишь как пример сказок монголов или других народов, которые они знали из книг. Почти повсеместно они утверждали, что я должна познакомиться с теми, что напечатаны в книгах».

Как видим, новые условия жизни породили новые песни. Налицо был явный элемент забывания родного фольклора молодежью. И надо отдать должное энергии ученого, которая далеко не в лабораторных условиях занялась сбором, классификацией, а в конечном итоге и сохранением ценнейшего в культурном и историческом отношении материала. Ценного не только для самих тувинцев Сэнгэл-сомона, но и для соседних народов, в

том числе для нашей республики. Ибо анализ устного поэтического творчества маленькой народности, который Эрика Таубе представила в трех вышедших в ГДР книгах «Тувинские народные сказки» (1968), «Звездно-пестрый конь» (1977), «Тувинские песни. Народное творчество Западной Монголии» (1980), во многих журнальных статьях, выявляет теснейшую связь фольклора тувинцев Сэнгэл-сомона с устными поэтическими памятниками всех ближайших народов тюркской и монгольской языковых групп.

Рассказчиками, или, есть в немецком языке хорошее понятие — доверенными Эрики Таубе в овладении сложным как в языковом, так и в этнографическом отношении материалом, — стали для ученого простые люди самых различных профессий и возрастов. Верблюдовод Джурай, чабан Дугер, табунщик Мангис, бригадир Самдын, школьник Суренджав, бывшая шаманка Пюрбю и другие вводили ее в чудесный мир поэтических представлений об окружающей природе, в мир напряженной, духовной жизни целого народа. Безусловно, в работе над текстами песен и сказок Эрике Таубе невозможно было обойтись без квалифицированной помощи специалистов Улан-Баторского университета. Но мне кажется, когда читаю бесхитростные строки песни, что они только что соскользнули с уст уставшего после долгого дня табунщика:

Хе — мой маленький каурый,
хе — обниму тебя там, где грива,
хе — пока я с тобой, мой милый,
 с умными глазами рядом,
хе — до тех пор я счастлив.

Народ создает песни и сказки, народ сохраняет их бережно. Поводом для рождения поэтического произведения могут быть проводы или встреча в аале, покупка нового коня, рождение, свадьба, смерть. Но родившись, песня или сказка еще не обрели тем самым права на жизнь. Годами и веками отшлифовываются они народом, дабы обрести ту законченность образов и четкость, напевность и глубину смысла, высокую степень обобщения, которые так характерны для устного творчества всех народов и о которых настойчиво говорил М. Горький. Не случайно, подчеркивает Э. Таубе, наиболее интересные записи она сделала во время редких праздников, когда в песенном творчестве, в сказительстве было задействовано максимально возможное количество людей. Без коллективного творчества нет народной поэзии. «За шесть месяцев, которые я провела среди тувинцев Сэнгэл-сомона, — пишет доктор Таубе, — я ни разу не слышала, чтобы человек пел сам для себя, и даже в праздничном кругу можно было крайне редко услышать сольное пение...» Сложные условия жизни, трудный полукочевой быт и сегодня во многом определяют характеры и поступки тувинцев-скотоводов. Коллективизм — их неотъемлемое качество, и корни его глубоко прослеживаются как в способах исполнения, так и в содержании песен и сказок.

Одинокос дерево сгибается легко.
Одинокий человек боится легко.
Мокрое дерево качается легко.
Осиротелый человек боится легко.

С силами зла — кровавой старухой Джельбеге, владельцем царства мертвых коварным Эрликом, чудовищем Мангысом — люди борются сообща — только тогда к ним приходит победа. Когда же кто-нибудь из людей предает остальных, то изгоняют его из рода, обрекая на одиночество и смерть.

Образная структура поэтического творчества тувинцев Сэнгэл-сомона в основе своей опирается на вполне конкретные реалии — приметные горы, реки, озера, предметы быта, домашний скот, диких животных. Причем надо отметить, что анималистическая струя в песнях и сказках народа-кочевника не может не преобладать над остальными. Одушевление коня и горного яка, козла и овцы, образы злых и добрых духов, принявших вид гигантской птицы или змеи,— все это корнями своими уходит в глубокое прошлое не только тувинцев Сэнгэл-сомона, но и соседних народов. Эрика Таубе утверждает, что анималистические изображения были найдены и при археологических раскопках на территории Тувинской АССР, что, несомненно, подтверждает общность двух культур. Вместе с тем одушевленные животные в песнях и сказках, записанных Э. Таубе,— это далеко не примитивный пещерный анимализм. В сказке «Кара-Бурул Дю-жюмель», например, конь, спасая ребенка, не просто относит его зубами подальше, но, вырвав кусок дерна и забросив его на спину, он предоставляет малышу во время пути играть цветами. Этот и многие подобные эпизоды наглядно показывают, что одушевление зверей поднимается в устном творчестве тувинцев Сэнгэл-сомона до способа художественного осмысления действительности, способа создания образов, характеризующих отношения людей друг к другу.

При всем этом животное, какое бы оно «умное» ни было, черты какого бы характера ни несло в изображении тувинских сказочников и певцов, прежде всего — явление их повседневной жизни. Волшебного звезднопестрого коня необходимо отловить в простом табуне, старый Дагтамал, победив злую ведьму Джельбеге, хозяйственно отогнал ранее украденных у него козочек. Даже убив страшного яка-гору, герой непременно несет домой лакомые легкие и сердце. Часты в сказках и песнях обиходные слова чабанов, яководов, табунщиков, легко можно наткнуться на описание трудового процесса того или иного скотовода:

Когда я пасу и пасу,
стоят Плеяды, как всегда, над головой.
Когда я считаю лошадей, и считаю
миллионы звезд, как всегда, над головой.
Когда я хожу и хожу вокруг табуна,
встает наконец из травы утро.

Все это, безусловно, не принижает чистоту и наглядность образа. Наоборот, чем более он будет приближен в чертах своей обыденности к слушателю, тем понятней, тем доступней станет для него. Для немецкого читателя многие реалии быта, образа жизни, работы, не исключая даже отдельных животных (як, например), просто непонятны. Стремясь дать ключ от образной системы творчества тувинцев Сэнгэл-сомона, Э. Таубе каждую из трех книг снабдила богатейшим справочным аппаратом, примечаниями, не ограничиваясь смкми и весьма обширными комментариями и послесловиями. Строение юрты, утварь, одежда, процесс угощения гостей — буквально обо всем уведомляет автор читателя. Чувствуется, что Эрика Таубе сама провела не один месяц в юрте с ее старинным, но очень целесообразным и разумным устройством, сама скакала верхом, сама принимала посильное участие в уходе за скотом. Именно поэтому точны ее беглые зарисовки предметов домашнего обихода, оживленные эффектом живого участия, красочны картины, характеризующие труд кочевников. Автору приятно мысленно воссоздавать обстановку реальной жизни тувинцев, те условия, в которых она жила, недели, по ее признанию, одни из лучших в ее жизни:

Если падает снег, который тотчас тает,
и нет войлока прикрыть кровлю,— плохо
Если идти в другие земли
осиротелым и одиноким,— плохо.

Здесь вам и предметы быта, и художественное обобщение...

Ведя разговор об образной структуре поэтического творчества тувинцев Сэнгэл-сомона и способах их подачи Эрикой Таубе, нельзя обойти вниманием вопрос о художественной равноценности оригиналов и немецких переводов. Разница в строе и звучании тувинского и немецкого языков настолько велика, что без определенных потерь, конечно, не обойтись. Вот как об этом пишет сама автор: «Перевод тувинской народной литературы связан с определенными трудностями. Для тувинского языка, распространенного на территории Тувинской АССР, существует лишь два сравнительно небольших тувинско-русских словаря... Это для литературного перевода очень немного, при устнопоэтических текстах можно говорить о них, как о вспомогательном средстве, поскольку имеется большое количество устаревшей лексики... Дальнейшие трудности заключались в различном строении немецкого и тувинского языков, с последнего, как правило, в отличие от европейских языков, одним словом понятие переведено зачастую не могло быть...»

Между тем, читая сказки и песни в переложении Эрики Таубе, я не уловил языковой фальши, напгранности, загромождения неизбежными в таких случаях заимствованиями. Каждый образ точно выверен, выпуклость его достигается не за счет языковых «фокусов», но вследствие уси-

ления семантики слова, подчеркнута отобранного эпитета, синонимического ряда. Соблюдена главная заповедь перевода — единство формы и содержания устнопоэтического памятника. Помнится, еще известный немецкий литератор Бертольт Брехт обронил как-то: «Надо стремиться перевести то, что в ритме оригинала связано с установкой автора, не более того». В данном случае Эрика Таубе, осознавая ценностные установки песен и сказок тувинцев, но и прослеживая корни духовной жизни народа, сумела бережно пересадить нежные цветы народной поэзии на новую языковую почву. Хочется лишь процитировать сказочный зачин, который, страдая еще и от вторичного перевода на русский язык, все же может представить собой прекрасный образец бережного отношения ученого к образным и изобразительным средствам оригинала.

Ааа —
в далекое время,
во время, когда возник мир,
когда росла красивая трава —
с корнями, как волчьи хвосты,
с листьями, как лисьи хвосты.
Ааа —
вода текла из безводной земли,
трава росла из бесплодной земли,
были звери,
которых голосом не окликнешь...
Ааа —
духов считали на миллионы,
богов считали на десятки тысяч.

Трудно судить, каков был оригинальный текст зачина, но думаю, что как форма, так и стилистическая окраска его не изменились. Традиционная для сказок всех народов форма зачина обрела в трансформации Эрики Таубе вполне конкретные черты национальной принадлежности. Ведь не спутаем же мы зачин этой сказки при всей его плавности и напевности с веселыми фантазиями русских сказителей или чопорностью западноевропейских. Уметь донести национальное, выделив его в интернациональном — величайший талант ученого. Безусловно, решению этой велегкой задачи во многом способствовала и та непривычная для европейского человека атмосфера величия природы, которая окружила Эрику Таубе во время сбора материала. Позволю себе даже параллель. Когда я бродил по красивейшим улицам старого Лейпцига, смотрел на старую ратушу, когда попал в почти сказочный или похожий на театральную декорацию Веймар, в моем сознании постоянно вертелась песенка из старой сказки «Ах мой милый Августин, Августин, Августин...» И именно добрые, уютные сказки напоминали мне почему-то чистенькие немецкие старые города. Обратное, на мой взгляд, происходит, когда попадаешь в край, где степи — бескрайни, горы — до небес, стада — неисчислимы, а сказки — просты и мужественны, как здешние люди.

Я внезапно начинаю петь — таким я стал.
Значит ли, что я должен идти дальше?
Я внезапно начинаю свистеть — таким я стал.
Значит ли, что я должен отправляться?

Завершая разговор о сложностях перевода устнопоэтических текстов и условий правильной трансформации в новую языковую среду, хотелось бы остановиться на вопросе о заимствованных словах. Перечень их невелик — аймак и арака, хойтпак и тоц, игил и шоор, юрта, несколько десятков других. Вместе с тем нельзя отрицать их значение для придания документальности, точности, колорита любой песне или сказке. Разъясненные в специальных словарях или оговоренные в примечаниях, они превращаются в весомую информативную единицу для немецкого читателя. Тем более, что в мелодии стиха, песни, сказки, заклинания, поговорки или загадки они и в немецком тексте выглядят очень к месту.

Сохранение образной и лексической структуры устнопоэтических памятников тувинцев Сэнгэл-сомона позволило автору и архитектонику стиха или текста во многом подчинить содержанию. Роль исследователя в этом плане тем выше, что многие тексты песен никогда не записывались, а бытовали в виде более или менее распространенных вариантов. Передать в очень строгом и очень ограниченном грамматическими формами немецком стихе ритм песни кочевника, ритм застольной речи или свадебной песни потребовал, несомненно, большого труда.

Потому что мой конь плох, я
не достиг цели.

Потому что мой старший брат плох, я
отвержен.

Потому что мои руки плохи, мерзнут мои ладони...

В переводе (речь идет о максимальном приближении к оригиналу) таких сложных в ритмичном и структурном отношении строф Эрике Таубе помогла, очевидно, ее высокая музыкальная культура. Ее интерес к музыке проявился уже на первом этапе исследования устного поэтического творчества тувинцев Сэнгэл-сомона. Собирая сказки, предания, легенды, исследователь не могла пройти мимо таких, как история поисков молодым арамом Бавуулаем его сестры Алдын-кыс, монгольского предания о безутешном араме, у которого хан отобрал коня. Именно в этих сказаниях повествуется, как появились инструменты игил и шоор. В результате исследований фольклорного материала вышла в свет статья Эрики Таубе в журнале «Наука», издаваемом в ГДР, о возникновении тувинских народных музыкальных инструментов. В ней доктор Таубе писала: «Музыка у различных народов имела первоначально магическое значение, и инструменты, которые ее воспроизводили, служили в большей степени символу, чем мелодии. Известно, что музыка может тронуть душу человека глубочайшим образом, и потому вполне естественно, что и сами мелодии, и музыкальные инструменты с давних пор волнуют человеческую фантазию».

Таким образом, приобщившись к тувинской музыкальной культуре, Эрика Таубе не забывала о ней и в своих дальнейших исследованиях. В последнем сборнике народных песен доктор Таубе иллюстрировала свои комментарии нотами главных видов мелодического строя тувинских песен. Оговариваясь, что не является специалистом, автор в то же время дает, на мой взгляд, исчерпывающую характеристику и этой стороны устного творчества тувинцев Сэнгэл-сомона. Причем Эрика Таубе верна себе: описывая музыкальный строй песен, она не забывает внести черточки быта. «Среди этих песен,— отмечает автор,— нет ни одной, которую можно обозначить как шуточную или, по крайней мере, веселую. Отсутствуют и танцевальные песни, так как тувинцы Сэнгэл-сомона не танцуют, а в лучшем случае, сидя на земле обычным образом, ритмично покачивают плечами... Мелодия тувинских песен покоится на пентатонической системе, которая не имеет полутонов (она анемитонична), но характеризуется тремя полными и двумя полуторными размерами тона...»

Я привел сравнительно длинную цитату, чтобы еще раз подчеркнуть научную добросовестность исследований Эрики Таубе. Не случайно, очевидно, ее книги выходят с интервалом в несколько лет — месяцы и годы напряженного труда, наброски полевых материалов, воспоминания. Человек, любящий свое нелегкое дело, никогда не остановится в пути, человек, стремящийся к своей мечте,— достигнет ее. Нелегко было отважному юноше Павылдай-батыру из сказки «Звездопестрый конь» поймать этого коня. «Горы превратились в степь, и ровная степь обернулась пропастью», когда он накинуд на звездопестрого золотой аркан. Впрочем, в сказках и других народов нелегко поймать жар-птицу, добыть огниво, воспользоваться волшебной медной лампой. Достижение счастья всегда сопряжено с преодолением трудностей. Но тем ценнее, наверное, оно. Тем больше радости доставил Эрике Таубе ее звездопестрый конь, совершивший свой уже не сказочный, а вполне реальный скак за тысячи километров, за моря и реки, в иные страны.

...Грузовик шел по утопающему в осеннем золоте Чуйскому тракту. Впереди были Бийск, Новосибирск, Москва, Берлин, Лейпциг. Позади — скучнеющая в ожидании осени тувинская степь. Единственный пассажир — Эрика Таубе — смотрела в окно, и ей почему-то отчетливо вспомнилась юрта, где она провела несколько недель. Вот она, усталая и замерзшая, отогревается у камелька, а старая тувинка ласково подает ей пиалу душистого чая с молоком и говорит: «Шай иш, Рика» — «Пей чай, Эрика». И в этот момент две женщины, разделенные языковым барьером, границами, обычаями, традициями, возрастом, вдруг чувствуют себя необъяснимо близкими людьми.

Облака на небе,
не могли бы вы стать красными?
Родившиеся на земле,
не могли бы вы жить вечно?

Облака в мире,
не могли бы вы повсюду стать красными?
Мы, родившиеся в мире,
не могли бы повсюду жить вечно?

Когда над человечеством нависают грозные тучи, каждый контакт, каждое устремление понять другой народ — есть устремление к миру, к дружбе, к взаимопониманию. В этом большое интернациональное значение работы Эрики Таубе.

Пусть летит дальше звезднопестрый конь.

Литературная хроника

ПАМЯТИ С. К. ТОКА

15 декабря 1981 года в г. Кызыле состоялось торжественное собрание, посвященное 80-летию со дня рождения видного партийного и государственного деятеля, тувинского советского писателя С. К. Тока.

В нем приняли участие представители партийно-советских органов, творческой, научной интеллигенции и общественности республики и г. Кызыла, а также секретарь Правления Союза писателей СССР, председатель Правления Союза писателей РСФСР С. В. Михалков, секретарь Правления Союза писателей РСФСР А. И. Волков, инструктор ЦК КПСС Ю. К. Котов, начальник войск Забайкальского пограничного округа А. А. Шелестов.

Торжественное собрание открыл и выступил перед его участниками с докладом о жизни и деятельности С. К. Тока кандидат в члены ЦК КПСС, первый секретарь Тувинского обкома КПСС Г. Ч. Ширшин. На собрании выступили С. В. Михалков, председатель Правления Союза писателей Тувинской АССР

К. К. Кудалжы, ветеран труда С. Т. Танов.

Торжественные собрания представителей трудящихся, посвященные памяти С. К. Тока, состоялись в совхозе «Ленинский путь» Каа-Хемского района, на родине писателя, где была открыта памятная стела, и в селе Элегесте Тандинского района — центральной усадьбе совхоза, носящего его имя.

Юбилейные вечера, посвященные творчеству С. К. Тока, были проведены в Доме культуры п. Сарыг-Сепи. С докладом здесь выступила директор сарыг-сепской средней школы № 2 имени С. К. Тока С. М. Достай. Литературные встречи, связанные с памятной датой, также проводились в Кызылской школе № 2, в ПТУ г. Кызыла, в читальном зале республиканской библиотеки имени А. С. Пушкина, где выступали ветеран труда Х. А. Тока, писатели и литературоведы Л. Б. Чадамба, Ю. Ш. Кюнзегеш,

О. О. Сувакпиг, М. Б. Кенин-Лопсан, Д. С. Куулар и другие.

В республиканском краеведческом музее имени 60-ти богатырей был открыт раздел музея, посвя-

щенный 80-летию со дня рождения С. К. Тока, в республиканской библиотеке имени А. С. Пушкина открыта выставка его произведений.

ВСТРЕЧИ С. В. МИХАЛКОВА С ЧИТАТЕЛЯМИ

16 декабря 1981 года в конференц-зале ТНИИЯЛИ состоялась беседа С. В. Михалкова с писателями Тувы, в которой приняли участие ученые, сотрудники института, журналисты республиканских газет, телевидения и радио.

Председатель правления Союза писателей РСФСР С. В. Михалков подробно рассказал о проделанной большой работе 75 писательских организаций Российской Федерации в дни, предшествовавшие XXVI съезду КПСС, подчеркнул неустанную заботу партии и Советского правительства о развитии литературы и искусства. Он остановился на задачах организационно-творческой работы писательских организаций, говорил об авангардной роли писателя в общественной жизни страны, высказал интересные мысли о профессиональном мастерстве литератора, о необходимости упорной, кропотливой работы над словом. Он иллюстрировал свои высказывания несколькими примерами из опыта творческой работы над рукописями Л. Леонова, А. Толстого, Г. Троепольского, а также — собственной писательской судьбы.

В заключение беседы писатель говорил о значении и задачах литературной критики, о проблеме художественного перевода (весьма отличающегося, как он сказал, «от синхронного перевода устной речи или доклада») и других актуальных вопросах развития современной литературы.

Затем С. В. Михалков и секретаря правления Союза писателей РСФСР А. И. Волкова, отвечавшего на ряд практических вопросов писателей и критиков-литературоведов, поблагодарил за полезную и интересную беседу председатель правления Союза писателей Тувинской АССР К. К. Кудажы.

— Мы с вами старые знакомые, мы с вами старые друзья, — сказал, обращаясь к школьникам и учителям вновь открытой школы № 3 г. Кызыла, С. В. Михалков.

Тувинские дети, их отцы и деды действительно давно знакомы с героями книг С. В. Михалкова. Впервые их перевели на тувинский язык в сороковых годах. Стихи «Дядя Степа»; «Дядя Степа — милиционер», «Дядя Степа и Егор», «Дядя Степа —

ветеран», «Три поросенка», «Зайка-зазнайка», «Мы с приятелем» изданы отдельными книгами в переводах О. Сувакпита, Ю. Кюнзегеша; М. Хомушку, Ш. Даржая, Ч. Серен-оола, Е. Тановой, С. Сюрюн-оола, К. Сата, а пьесы «Красный галстук», «Я хочу домой» шли на тувинском языке в Тувинском музыкально-драматическом театре еще в сороковых-пятидесятых годах. В нынешнем сезоне идет постановка пьесы «Три поросенка».

Школьники задали много вопросов своему писателю:

— Трудно ли писать стихи?

— Почему Вы стали детским писателем?

Писатель рассказал детям о своем творчестве, ответил на многочисленные вопросы и прочитал свои стихи, а школьники декла-

мировали стихи С. В. Михалкова.

В Доме политического просвещения обкома КПСС состоялся вечер встречи с С. В. Михалковым. На вечер пришли представители творческой интеллигенции, читатели разных поколений, различных профессий. Литературный вечер открыл секретарь Тувинского обкома КПСС Д. К.-Х. Ооржак.

С. В. Михалков рассказал о своем творческом пути и ответил на многочисленные вопросы читателей, в том числе — об отношении к тувинской литературе, о советской сатире, об истории возникновения сатирического киножурнала «Фитиль», главным редактором которого он является.

С. В. Михалков вручил писателю К. К. Кудажы Почетную грамоту правления Союза писателей РСФСР.

КНИГИ ГОДА

В течение 1981 года Тувинским книжным издательством были изданы: «Собрание сочинений» С. К. Тока, т. V, романы «Танец козерога» М. Кенин-Лопсана (в переводе С. Козловой), «Войной опаленные» Н. Сердобова, повести «Ташкент—город хлебный» А. Неверова (в переводе Д. Канчыыра), «Глубокий корень» К. Чамылына, «Алтайские повести» П. Кучияка, Э. Палкина, Б. Укачина, Д. Каинчина, сборник рассказов «Моя находка» Э. Кечил-оола, «Побасенки Шынаппая» С. Б. Пюрбю, «Дыхание земли» С. Хертека, сборники стихов

А. Блока, С. Баруздина, С. Михалкова, А. Арапчора, Б. Чюдюка, А. Емельянова, М. Олчей-оола, коллективные сборники «Ростки» Л. Иргит, Н. Куулара, М. Тирчина, «Вдохновение» — стихи участников XI Всесоюзного фестиваля поэзии, сборники песен А. Чыргал-оола, А. Танова, а также 4 выпуска альманаха «Улуг-Хем». Переизданы массовым тиражом (на русском языке) «Записки следователя» Л. Шейнина, «Остров погибших кораблей», «Голова профессора Доуэля» А. Беллева, «Остров сокровищ» Р. Стивенсона.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Ч. Ширшин. Жизнь с народом и для народа 3

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

Мария Хадаханэ. Салчак Тока. К 80-летию со дня рождения . . .	10
Салчак Тока. Тонгур-оол. Пьеса. Перевод М. Рамазановой . . .	12
Михаил Пахомов. Память неугасима. Очерки	44
Монгуш Кенин-Лопсан. Небесное зеркало. Рассказ. Перевод А. Ермолаева	53
Валерий Семчин. Любка — Любовь Егоровна. Повесть	56

ПОЭЗИЯ

Степан Сарыг-оол. Славлю свободу! Сайзанак. Ягоды. Перевод С. Козловой	76
Юрий Кюнзегеш. На смерть поэта. Песня. Тоора-Хемское лири- ческое. Перевод И. Полупеженцева	78
Олег Сувакпит. Тувинская осень. Родной мой Улуг-Хем. Ключ. Перевод В. Андреевой	80
Монгуш Кенин-Лопсан. Огонь-творец. Перевод И. Фоякова	83
Екатерина Танова. С вершины Саян. Перевод С. Козловой. Родина. Перевод Б. Прудникова	85
Анатолий Емельянов. Любовь и сострадание матерей	89
Юрий Вотяков. В ночь первого снега. Баллада о кострах	91
Борис Прудников. Связь времен	95
Виктор Сагаан-оол. Дала бы жизнь мне силу превращения. Перевод С. Козловой. Памяти Хертека Тойбухаа. Утки. Перевод Б. Пруд- никова	99
Монгуш Олчей-оол. Когда работа есть. Триады. Перевод Е. Ан- дреевой	101
Зоя Намзырай. Близнецы мон.. Перевод С. Козловой. Когда тебя увиджу. Перевод Б. Прудникова	103
Светлана Козлова. Тропой апреля. Поэма. Концерт в степи	104
Владимир Серен-оол. Любовь. Венок сонетов. Перевод А. Бер- сера	108
Куулар Черлиг-оол. «Душа человека созвучна природе...» На осен- нем пастбище. Перевод Ю. Вотякова. Где те парни?.. Колодец. Перевод Е. Антуфьева	115
Николай Куулар. Монолог победителя. Лица товарищей монх. Пе- ревод Ю. Вотякова. Видение. Перевод Б. Прудникова	118
Зоя Амыр-Донгак. Сонет. «Ты как дитя...» Перевод И. Лобовой	120
Людия Ирсит. Монгун-Тайга. Перевод Б. Прудникова	—
Евгений Антуфьев. Болельщик. Сиделка. Ночь в гостинице. Звезда, летающая к земле... Желание. Сквозняки	121
Анатолий Шкоркин. Пробуждение. Теве-Хая. Степь и море. Поле. Два сонета	123
Игорь Иргит. Опора. Радиф любви. О славе. Четыре рубан	126
Кондратий Емельянов. Маки. Осень	127

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

<i>Монгуш Эрген. Волшебный Одуген. Повесть. Перевод В Бузыкаева</i>	129
<i>Владимир Нестеренко. Сказание о Танну-Ола</i>	149

САТИРА И ЮМОР

<i>Василий Монгуш. Сыновний дар. Заявление. Украли колесо. Кому нужна красота. Доброволец. Сатирические миниатюры. Перевод О. Кодур-оола</i>	157
<i>Вячеслав Тимофеев. ГТО, Митрофанушка и Муму. Васильки на клумбах. Юмористические рассказы</i>	163
<i>Любовь Алымова. Кошмарный сон</i>	168

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Александр Быков. Звездопестрый конь Эрики Таубе. Рецензия</i>	171
<i>Литературная хроника</i>	180

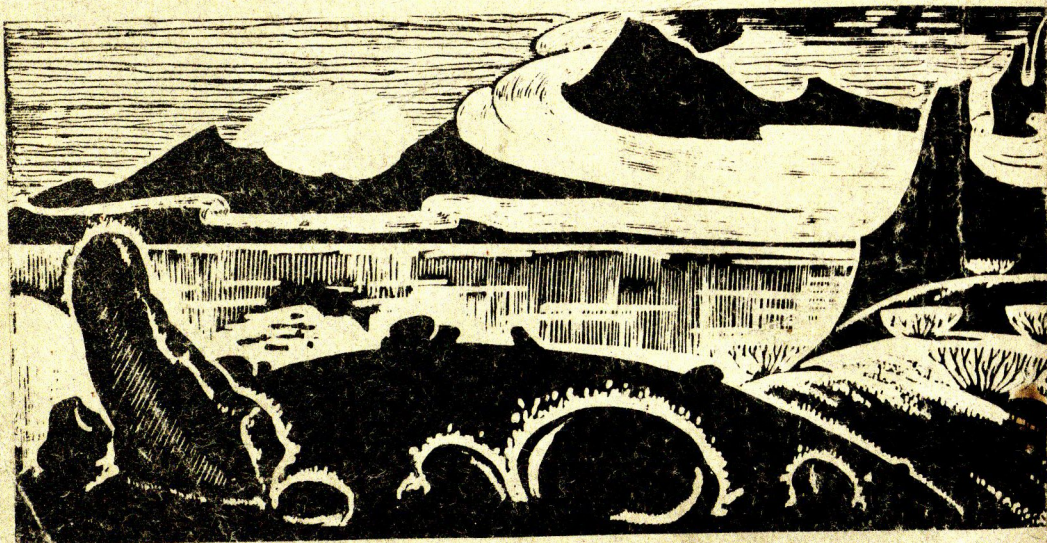
На 1 и 4 стр. обложки рис. *Монгуша М. Ч.* На 2 и 3 стр. обложки фотографии *Пивоварова В. П.*

УЛУГ-ХЕМ 19

Литературно-художественный альманах

Редактор издания *Тупицына Т. Е.* Художественный редактор *Монгуш М. Ч.* Технический редактор *Чернова А. А.*

Сдано в набор 24.12.81. Подписано к печати 8.02.82. ТС 00057. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага № 2. Печать высокая. Гарнитура литературная. Печ. л. 11,5. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 10,65. Усл. кр.-отт. 11,05. Цена 70 коп. Тираж 4000 экз. Заказ 2956. Тувинское книжное издательство, г. Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 57. Типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Тувинской АССР, г. Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 1.

КЫЗЫЛ
ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

70 коп